

НАТАЛЬЯ АХМАДУЛЛИНА

**В ПОГОНЕ
ЗА СОЛНЦЕМ**

Наталья Ахмадулина

В погоне за солнцем

«Издательские решения»

Ахмадуллина Н.

В погоне за солнцем / Н. Ахмадуллина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856179-5

Любовь невозможно заслужить, невозможно подарить. Любовь невозможно уничтожить, доказать или опровергнуть... Она просто есть.

ISBN 978-5-44-856179-5

© Ахмадуллина Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	48
Глава 10	50
Глава 11	54
Глава 12	55
Глава 13	56
Глава 14	57
Глава 15	58
Глава 16	59
Глава 17	64
Глава 18	70
Глава 19	72
Глава 20	73
Глава 21	77
Глава 22	83
Глава 23	86
Глава 24	93
Глава 25	99
Глава 26	103
Глава 27	104
Глава 28	107
Глава 29	110
Глава 30	113
Глава 31	114
Глава 32	117
Глава 33	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

В погоне за солнцем

Наталья Ахмадуллина

Существуют мощные силы, которые все еще ускользают от наших бедных и частичных чувств, и потому нам следует опасаться впасть в то фатально всеобщее заблуждение, что все видимое и есть все, что можно увидеть.

Чарльз Ледбитер

Дизайнер обложки Наталья Ахмадуллина

© Наталья Ахмадуллина, 2019

© Наталья Ахмадуллина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4485-6179-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

- Я самый обычный человек... Я вообще никто.
- Ты настолько боишься ответственности, что готова уговорить себя быть никем, лишь бы не действовать. А вдруг ты единственный человек на этой планете, способный все изменить?..

Часть 1

Глава 1

Открыв дверь, Дима переступает порог залитого солнцем кабинета. Он тут же сожалеет о своей затее, но поскольку он уже вошел:

– Добрый день, – говорит Дима словно по инерции.

Круглолицый доктор добродушно улыбается ему:

– Здравствуйте. Прошу вас, присаживайтесь.

Дима садится, закидывая ногу на ногу. Доктор кладет на стол мобильник, сигнал которого раздастся через час, по истечении времени сеанса:

– Что ж, Дмитрий Сергеевич, давайте знакомиться. Меня зовут Павел Александрович.

– Очень приятно.

– Что вас беспокоит, и чем я могу вам помочь?

– Откровенно говоря, не знаю с чего начать, – Дима невесело улыбается. – Представляю, как вы сейчас отреагируете.

– Думаю, это последнее, что должно вас волновать. Я практикую более двадцати лет, и чего только не наслушался. Вряд ли вы меня удивите, и потом, собственно, именно для этого мы здесь и находимся, так что – слушаю вас.

Доктор откидывается на спинку стула, оставив сомкнутые в замок пальцы на столе.

– Видите ли, – начинает Дима, – я несколько лет не был в Москве. Я живу и работаю в Токио.

– Любопытно.

– Мы с женой прилетели повидать моих родителей, и здесь я столкнулся с проблемой. С очень странной проблемой... Что-то совершенно чудовищное. Не представляю, кому можно такое рассказать.

– Уверю вас, Дмитрий Сергеевич, вы обратились по адресу. Рассказывайте.

– Я перестал спать по ночам, – с трудом признается Дима.

– Бессонница?

– Нет. Я будто сплю, но это не так... Просто язык не поворачивается... Уверю вас, я не алкоголик, не наркоман, но вот уже неделю, каждую ночь я впадаю в состояние некоего транса и...

Доктор вскидывает глаза и облокачивается на стол:

– И?

– Я вижу в своей комнате светящийся круглый объект, диаметром сантиметров тридцать. Он прилетает ко мне по ночам, и я перестаю себя контролировать. Но главное, я уверен – это не сон, не плод моей фантазии. Это – реальность.

– Секунду, – доктор складывает губы трубочкой, обдумывая услышанное. – Светящийся объект посещает вас по ночам и управляет вами?

– Не то чтобы «управляет», но он как будто выманивает меня из собственного тела. Я принимаю облик такого же бесплотного шарика света и следую за своим посетителем. Разумеется, вы не верите. Я и сам отказываюсь...

– Неплохо для начала, – доктор пытается шутить и вяло смеется. – Признаться, вам и впрямь удалось меня удивить!

Тридцатидвухлетний клиент Дмитрий Сергеевич Лазарев одет в бирюзовую сорочку, модный приталенный пиджак и дорогие джинсы. На нем фирменные очки, брендовые часы на запястье. Его машина, припаркованная напротив медицинского центра, стоит целое состоя-

ние. Он производит впечатление самого, что ни на есть, преуспевающего, здорового мужчины и никоим образом не походит на человека, способного начать разговор с подобной заявкой.

«Ну, если уж такие как он...» – доктор невольно вспоминает свою обычную публику (параноики, истерики, невротики) и едва заметно вздыхает:

– Говорите, это началось неделю назад?

– Да.

– Вы абсолютно уверены, что не спите, когда наблюдаете эти образы?

– Если бы я видел во сне один и тот же образ на протяжении недели, даже это было бы, как минимум, странно, согласитесь. Но я уже сказал, что уверен в реальности происходящего, иначе бы к вам не пришел.

– Позвольте спросить, если вы настолько уверены в реальности происходящего, почему не обратились за помощью, скажем, к парапсихологу, медиуму, а пришли к психиатру?

– Вы правы. Я не исключаю возможности того, что спятил. Шизофрения ведь не спросит разрешения у кого, когда и как ей начаться, не так ли?

– Давайте не будем делать поспешных выводов, Дмитрий Сергеевич. Расскажите все по порядку, – доктор делает несколько записей.

– Окей, по порядку. Все началось в ночь со второго на третье сентября. Я хорошо помню, что проснулся внезапно, словно от удара и увидел перед собой яркую вспышку света. Зажмурился. А когда открыл глаза, в комнате парила сфера, субстанция, не знаю... мерцающее белое пятно. В тот момент я, конечно, перебрал в голове все возможные варианты того, чем могла являться эта сфера: от НЛО до шаровой молнии. Не могу вам точно сказать, о чем я подумал, помню лишь, что осознавал насколько все это неправдоподобно. Я понимал, что не сплю, не пьян, не сошел с ума, но совершенно не был шокирован или напуган. Было только ощущение, что мне хорошо. Комфортно. Какое-то ощущение безопасности.

– А потом?

– Сфера позвала меня по имени, я сразу узнал ее голос.

– Голос был женский?

Дима кивает:

– Когда-то я был влюблен в девушку... Между нами было сильное чувство, даже пожениться собирались. Но, к сожалению, пришлось расстаться. Мы не виделись много лет, с тех пор как я уехал из страны и вот, теперь... Доктор, вы верите, что одна душа способна в прямом смысле прикоснуться к другой?

– Откровенно говоря – нет, но вы здесь не для того, чтобы говорить обо мне.

– Понимаю, у вас есть все основания считать меня психом, но клянусь вам, этой ночью, всего несколько часов назад моя душа покинула тело, и я парил над этой чертовой Москвой в виде невесомой субстанции с девушкой, которую не видел до этого почти восемь лет! Мы приземлились на берегу озера, приняли человеческий облик и занялись любовью. Я чувствовал каждый миллиметр ее тела. Я знаю, что она тоже все чувствовала. Это было на сто процентов реально, и я не понимаю, понятия не имею, как такое возможно и что, черт возьми, происходит? Ведь утром я проснулся в своей постели как ни в чем не бывало! Но при этом я не спал!

Доктор смотрит на Диму без малейшего намека на осуждение или насмешку, оценивает и анализирует каждое слово и интонацию, следит за тоном мышц, за позами, за тем как много и эмоционально жестикулирует его клиент, отмечая это в карте. Доктор словно собирает пазл:

– Прошу вас, продолжайте.

– Скажите честно, что вы думаете обо всем этом? Я схожу с ума?

– Ваше состояние рассматривается как некое отклонение от нормы, – хмуро отвечает доктор, – но я не думаю, что вы сходите с ума. Я считаю ваши видения своеобразной попыткой бегства в мир снов от реальности. Образ девушки, безусловно находясь в отношениях с вашим представлением о самом себе, подавлялся подсознанием многие годы, что и привело к импе-

ративным галлюцинациям, растерянности, ощущению безумия. Но пока рано делать выводы о вашем состоянии, – доктор внимательно оглядывает Диму. – Скажите, вы обсуждали это с кем-то еще? С женой, например?

– Конечно, нет.

– А как вообще складываются ваши отношения с супругой?

– Ближе Наташки у меня никого нет. Я верен жене, если вы об этом. Хотя... теперь уже не знаю.

Доктор прищуривается:

– А если бы вам пришлось выбирать между этими женщинами? Вот, представьте: вы выбираете между реальностью и фантазией. Между женой и ночной нимфой. Кого вы предпочтете?

Дима скрещивает руки на груди:

– На такие вопросы не бывает ответов. Кто скажет иначе, попросту солжет.

– Я понимаю, но все же.

– Да я без своей жены жизни не представляю! Она умница, она красавица, она моя помощница во всем. Сейчас Наташка на пятом месяце, ей, наконец, удалось забеременеть. У нас чудесная семья, прекрасная жизнь. Что же касается нимфы... – Дима со злостью вздыхает. – Понимаете, она – давно забытая, несбыточная мечта. С ней всегда все было непросто, все было «вопреки». Я долго мучился и испытывал болезненное влечение. Чего только не делал, пытаясь выбросить ее из головы, и когда мне показалось, что все, наконец, в прошлом, что жизнь сложилась, возникла эта виртуальная связь. С кем? С чем? Я не могу позволить ей разрушить свою жизнь, понимаете? Я просто хочу избавиться от этого кошмара. Помогите найти противоядие. Это все о чем я прошу.

– Противоядие... – доктор задумчиво отводит взгляд. – Странно, вы сейчас сказали, и вспомнился один случай... Я тогда только начинал практику. Ко мне на прием попала семилетняя девочка у которой, после трагической смерти брата, появились видения весьма похожие на ваши. Она утверждала, что не спит по ночам, а общается с прилетающими к ней светящимися шариками, которые, как ей казалось, на самом деле были людьми.

Дима медленно поднимает глаза. Доктор продолжает:

– При лечении девочки я воспользовался не психиатрическими препаратами, а применил экспериментальный метод терапии, который привел к забыванию подробностей смерти брата.

– Добровольная амнезия...

– Как вы сказали? Ну, да. Можно назвать и так. Подавление воспоминаний – исключение источника проблемы было просто спасением. Противоядием. Иначе бедняжку пришлось бы лечить от шизофрении, как настаивали мои коллеги. Я собираюсь предложить вам похожий курс. Что вы об этом думаете?

Дима бледен как полотно:

– Брат этой девочки выбросился из окна. Так?

Доктор перестает волноваться о диагнозе и причинах возникновения болезни Димы. Он как никогда заинтересован другим:

– Насколько я помню, да.

– А вашу маленькую пациентку звали Агата Михайловна Аверина?

– Совершенно верно, – доктор старается не выглядеть таким же ошарашенным, как его клиент. – А откуда вам это известно, Дмитрий Сергеевич? – в вопросе невольно звучит глубочайший интерес. Несмотря на то, что доктору льстят собственная сдержанность и преобладание рассудка над эмоциями, в эту секунду он не боится выглядеть глупо. Он способен на любое безумство, лишь бы узнать разгадку тайны, не дающей ему покоя долгие годы.

Дима снимает очки и устало проводит ладонью по лицу. У него абсолютно разгромленный вид:

– Мою невесту звали Агата Аверина. Это она – моя ночная нимфа.

Глава 2

Экзамены, линейки, последний звонок, торжественные речи, награждения медалями и грамотами, вручение аттестатов и присвоение титулов – все остается позади, как сон.

Зал с сервированными столиками погружен в полумрак и озарен праздничными огнями.

Стрелка часов пересекает цифру «двенадцать».

На сцене, где большими буквами высвечивается надпись «Самый главный экзамен – жизнь», появляется симпатичный, рыжеволосый парень с гитарой через плечо.

Диджей убавляет музыку, в готовности поскучать ближайшие пять минут.

– Следующая композиция... – произносит рыжеволосый парень в микрофон, и его голос гулко разносится по залу, – посвящается всем влюбленным и...

Гром аплодисментов и ликующий визг девушек перекрывают речь парня.

– С праздником вас, дорогие выпускники!!! – парень весело вскрикивает, кивает ударнику за барабанной установкой и касается струн. Звуки гитары вырываются из динамиков. Аудитория тут же принимается подпевать:

Свет мой летит к полюсам, к небесам,

Все уйдет в никуда, только ты, только я – навсегда...

– Я эту песню просто обожаю, Жень! Поверить не могу, что сам Артем Крылов выступает в вашей школе!

– Так он здесь раньше учился! Это его родная школа!

– Seriously? А что за фифа крутится возле него весь вечер?

– Регинка Сафронова – местная королева улья! Встречаются с Артемом уже пару лет. Она и уговорила Крылова выступить!

Толпа начинает дружно подпрыгивать, когда в переходе с куплета на припев темп ускоряется, и песня начинает звучать в стиле поп-панк.

Своей музыкой и голосом Артем будоражит воображение юных поклонниц. Регина – обольстительная выпускница, признанная королевой бала, настолько хороша, что от нее невозможно глаз оторвать. Лишь по чистой случайности взгляд может отклониться от этой блестящей пары и обратиться к кому-то еще. Например, к светловолосой девушке, одиноко сидящей за столиком недалеко от сцены. Но если это происходит, если вы вглядываетесь в девушку внимательнее, все прочее мгновенно отходит на второй план. Теперь внимание полностью приковано к девушке за столиком. Почему? Возможно, тому виной ее чарующая непохожесть ни на кого вокруг. Девушка словно фарфоровая статуэтка с неестественно белой кожей и длинными перламутровыми волосами. Кажется, даже воздух вокруг нее пропитан странным блеском, и невольно возникает желание дотронуться до нее, как до сакрального предмета. Дотронуться хотя бы для того, чтобы убедиться: неужели она вправду настоящая?

Девушка раскачивает ногой в такт песне Артема и думает о своем. Кто-то кладет руку ей на плечо. Она оглядывается. К ней подошел мужчина с изящной бородкой и длинными, темными волосами, собранными в хвостик. У него милое и очень печальное лицо:

– Всегда подозревал, что ты не из этого мира, Агатка.

– Из какого же я мира, Андрей Борисович?

– Может, помнишь, был такой фильм...

– Присаживайтесь.

– Благодарю, – мужчина садится. – Как же он назывался? Сюжет там такой: принцесса из параллельного мира случайно попадает в нашу реальность. Живет себе среди людей в облике простой смертной, ничего не помня о своем происхождении. Однако, чем бы она не занималась, что бы не происходило в жизни, все ее существо сопротивляется и стремится вернуться к своим корням. – Мужчина улыбается и утыкается взглядом в бокал, который вертит в руках:

- Разоблачил я вас, ваше высочество.
- Какие у вас оригинальные комплименты.
- Главное, от чистого сердца.
- Потрясающе интересный вы человек, Андрей Борисович, – Агата подпирает ладонью подбородок. – Как же я буду по вам скучать.
- А ты в гости заходи. Вместе с Димой... Я всегда буду рад.
- Агата улыбается, невольно спрашивая себя: что же такой как он забыл в этой паршивой школе, в роли обычного преподавателя? Ему прочили блестящее будущее, говорили, что должен был встать в ряду великих художников, а он...
- Агатка, тебе не стыдно? – спрашивает Андрей Борисович.
- За что?
- Юная и цветущая, сидишь здесь в одиночестве... Не танцуешь.
- Танцевать?! Вот еще. Только если с вами.
- Неужто больше не с кем? Димы здесь нет. Это, конечно, печально, но вокруг столько интересных молодых людей. Выбирай любого.
- Ну их всех.
- Могу я дать совет?
- Конечно. Вы – можете.
- Наслаждайся жизнью здесь и сейчас. Никогда ничего не откладывай на потом. Ведь «потом» может и не быть. А что ты смеешься? Жизнь прекрасная штука, но, как Булгаков говорил: «Человек смертен, и к тому же он иногда внезапно смертен».
- В таком случае не будем ничего откладывать, Андрей Борисович. Пригласите меня на танец.
- Ты знаешь, Агата... – по лицу Андрея Борисовича словно пробегает тень. Он делает глоток из бокала, продолжает говорить, но его голос теряется в общем шуме. Агата дает понять, что не расслышала, но вместо слов, неожиданно, получает запечатанный бумажный конверт.
- Что это?! – Агате приходится крикнуть, так как песня достигает кульминации, гитары просто режут. Андрей Борисович наклоняется к ней:
- Помнишь наш недавний разговор о свойствах белого цвета?
- Помню, и?
- Здесь мои настоящие мысли, избавленные от словесной шелухи!
- Что?!!!!!!
- Говорю, это напутствие для твоей профессиональной деятельности! Только дай слово, что прочтешь не здесь, а в спокойной обстановке! А сейчас пойдешь танцевать и веселиться. Обещаешь?!
- А если пообещаю, но поддамся слабости?!
- Нет у тебя слабостей! И обманывать ты не умеешь!
- Толпа взрывается ликующими возгласами под финальный аккорд Артема. К столику Агаты подходит миловидная, упитанная женщина в коротком платье с декольте:
- Прошу прощения, – воздух моментально наполняется запахом шампанского. – Не видели мою прекрасную титулованную дочурку?
- Вон она, титулованная, с Артемом обнимается, – Агата кивает на сцену, одновременно убирая таинственный конверт в свою сумочку. Когда Агата поднимает голову, Андрея Борисовича рядом уже нет.
- Ты только посмотри! Ведь на ногах еле держится! – миловидная женщина сокрушенно смотрит на сцену. – Регина! Ре-ги-на!!! – она безуспешно пытается докричаться. – Так, Агатка, признавайся, где вы все умудрились так напиться?
- Я не пью, Нелли, как будто вы не знаете. А вот где умудрилась королева?.. Думаю, этот вопрос потерял актуальность пару часов назад.

– Неужели? Ладно, – подозрительно оглядев зал, женщина садится рядом с Агатой, придвигает к себе большое блюдо с праздничным тортом и принимается ловко его нарезать. – Сама проинспектирую, – она с трудом выговаривает последнее слово, и Агата заливается смехом.

Нелли Васильевна Сафронова, которую Агата знает с самого детства и которую с самого детства ей запрещено называть «тетя» или обращаться к ней по имени отчеству, среди родителей выпускников выглядит моложе и шикарнее всех. Илья Петрович Сафронов – супруг Нелли (для Агаты просто «дядя Илья»), несмотря на солидный возраст, уважаемую должность и брюшко, которое в семейном кругу он называет «мой курсачок», сегодня, в джинсах и ярко-красной рубашке легко сойдет за тридцатилетнего удальца. Так же как его супруга Илья Петрович отличается веселым нравом и запросто находит общий язык с семнадцатилетними друзьями дочери. Их дочь Регина – первая красавица школы, в данный момент томно извивается на сцене в объятьях своего парня Артема Крылова.

– Смотри у меня! – Нелли утрированно угрожает пальцем дочери, пытаюсь изобразить строгую мать. Регина, перехватив взгляд матери, как ни в чем не бывало посылает ей воздушный поцелуй и продолжает танцевать.

– Чем краше дочь, тем больше хлопот... – вздыхает Нелли.

– Королева пошла в отрыв, – отзывается Агата.

– Это еще слабо сказано. Впечатление, будто пьет за вас обеих!

– Неужели дядя Илья наконец ей всыплет? – Агата недоверчиво смотрит краем глаза на Нелли.

– Конечно, всыплет! – Нелли переводит взгляд на мужа и едва успевает сдержать смех: тот настолько лихо отплясывает... Агата давится смешком, на секунду представив дядю Илью – самого большого весельчака, которого она знает, в ярости, и, вдобавок, отчитывающим свою ненаглядную Регишечку.

– Отправлю-ка я королеву сегодня к тебе ночевать, Агатенок, – задумчиво прижав пальцы к подбородку, говорит Нелли.

– Это еще зачем?

– От греха подальше. Попадется отцу на глаза в таком виде – точно схлопочет... – Нелли не выдерживает и сама взрывается хохотом. – Ой, не могу! Представляю себе эту сцену! Чтобы Илья...

Агата знает, несмотря на кажущееся отсутствие контроля родители находятся рядом с Региной двадцать четыре часа в сутки и она – единственное в их жизни сокровище.

– Ну, а ты чего? – Нелли вытирает салфеткой выступившие от смеха слезы. – Не веселишься, не танцуешь с остальными, царевна-несмеяна.

– Почему же? Я танцую.

– Угу, вижу. Ногами под столом. Ну, серьезно? Чего сидишь-то?

– Туфли новые. Жмут.

– Так снимай их к чертовой матери, и на сцену! К Регинке!

– Если честно, мне не по себе в этом наряде, – Агата уныло оглядывает себя. – Да еще эти шпильки. До сих пор не пойму, как Регинке удалось вытащить меня из дома? Заставить надеть все это?!

– Что-что, а заставлять Регишка умеет, – улыбается Нелли. – А насчет наряда, как же ты заблуждаешься, солнышко. Ты что, в зеркало не смотришь? Красавица! Женихи вон в очередь выстраиваются!

– Кстати о красоте, – Агата не отрываясь наблюдает за тем, как Нелли перекладывает ей в тарелку кусочек торта, – весь вечер хочу сделать вам комплимент по поводу этого шедевра. Даже жалко, что разрезали. Как вы такую глазурь делаете?

Нелли, всю жизнь посвятившая семье и благоустройству домашнего очага, довольно улыбается. Выпечка – ее пунктик. Кроме того, она не сомневается, что интерес Агаты к ее кулинарным хитростям искренний.

– Не то что моя Регинка, – досадует Нелли. – Ты знаешь, у нее напрочь отсутствует тяга к домоводству. Только и знает, что крутиться перед зеркалом. Ведь для женщины быть хорошей хозяйкой не менее важно, чем хорошо выглядеть. У тебя есть планы на выходные?

Агата пожимает плечами:

– Вроде нет.

– Приходи к нам в субботу. Испечем такой же торт вместе. Знаешь ведь мое кредо – рецепты нужно снимать с рук, а не записывать.

Пока Нелли, загибая пухлые пальчики, перечисляет ингредиенты чудо-торта, Агата вновь ловит себя на мысли, что именно материнская любовь, а вовсе не внешность позволяет девочкам с детства чувствовать себя принцессами и вырастать истинными королевами...

– Слушай, а почему твоя мама не пришла? – вдруг спрашивает Нелли. – По телефону мне говорила, что собирается.

– В последний момент не отпустили с работы.

– Жаль... – Нелли слегка кривит рот. – Ладно, передавай ей привет. Пусть позвонит... как-нибудь.

– Обязательно передам, – Агата думает, что ее преподаватель Вильчук прав на ее счет – врать она действительно не умеет, но не прав он в другом: у нее куча слабостей... А уже в следующую секунду она упирается взглядом в чью-то ладонь и, подняв голову, с досадой понимает, что этим жестом ее приглашают на танец.

– Я не танцую, Гордей, – быстро отвечает Агата, надеясь, что поклонник не проявит настойчивости. В школе всем известно, что Гордей Литвинцев – парень из параллельного класса, равнодушен к Агате, и несмотря на то, что вовсе не обделен женским вниманием, время от времени возобновляет попытки ухаживания.

– Я попросил поставить эту песню специально для тебя.

– Похвально, но я уже сказала, что не танцую.

– Ладно, не хочешь танцевать – не надо, – Литвинцев бесцеремонно отодвигает стул и садится рядом с Агатой, – но ты можешь уделить мне пять минут? Мне нужно поговорить с тобой. Пять минут!

– Ну, говори, что тебе нужно?

– Нет, не здесь. Давай отойдем.

– Отстань, Гордей...

– Слушай, Гордейка, – дружелюбно вмешивается Нелли. – По-моему, ты и так не один. Вон, тебя девушка стоит, дожидается...

Яна Осипова – девушка с которой Литвинцев пришел на выпускной вечер стоит неподалеку и награждает Агату гневными взглядами.

– Пусть это вас не смущает, Нелли Васильевна, – отмахивается Литвинцев.

– Скорее, это должно тебя смущать, – Агата смотрит на сцену в сторону Регины и Артема, прикидывая, какие шансы на то, что друзья помогут ей отделаться от назойливого поклонника. Регина, Артем и несколько парней из его музыкальной группы держатся друг за друга, содрогаются и над чем-то громко смеются. Им явно не до Агаты. Пока Нелли пытается вразумить Литвинцева, Агата мысленно ругает себя за то, что вообще согласилась прийти сюда:

«Выпускной бал – это же так важно! – вспоминается ей голос Регины. – Память на всю жизнь!»

– Неужели это так сложно? – упорствует Литвинцев. – Ты хочешь продемонстрировать свою принципиальность? Я тоже. Все. Не уйду пока мы не поговорим.

– Детский сад, – Агата берет сумочку и поднимается. – Счастливо оставаться!

– Агатенок! Да сядь ты, успокойся! – Нелли удерживает ее за руку. С другой стороны столика очень кстати появляется запыхавшаяся Регина:

– Аверина! Хорошо, что я тебя увидела! – Регина бросает взгляд на Литвинцева и сочувственно прижимает ладонь к груди. – Извините, мне придется похитить девушку. Видимо, у вас серьезный разговор? Жаль прерывать. Но Агату срочно вызывает председатель родительского комитета. Пошли, Аверина!

Без дальнейших объяснений Регина хватает Агату за руку и утягивает в самое пекло танцующей толпы.

– Председатель родительского комитета? – весело переспрашивает Агата. – Ничего, что «председатель» сидит сейчас рядом с Литвинцевым, и ему об этом прекрасно известно?

Регина корчится от смеха:

– Сказала первое, что в голову пришло. Да фиг с ним! Пусть думает, что хочет. – Она принимается танцевать. – Чего он прилип опять?

– Как обычно, – Агата подключается к танцу. – Ты вовремя подскочила. Я уже хотела вызывать такси.

Регина замирает:

– Зашибись... Какое еще такси? Сбегать с праздника из-за какого-то идиота? Пусть только попробует еще раз подойти к тебе! Правда, Тем?

Широко улыбаясь, Артем Крылов присоединяется к танцующим подругам:

– Что стряслось?

– К Агатке пристают!

Артем прикрывает глаза и разводит руками:

– Готов намылить шею любому, Агатка. Только скажи кому!

Неподалеку несколько девчонок с обожанием следят за каждым движением Артема.

– У этого Литвинцева совсем крыша поехала, Агатка! – Регина перекрикивает музыку. – Помнишь, каким он был шпендиком до пятого класса? Ха-ха-ха! Вымахал под метр восемьдесят, а мозгов не прибавилось. Ты в курсе, что он продинамил Осипову?

– То-то мне показалось, что она плачет. А что случилось?

– Угадай с трех раз. «Ты» случилась, конечно!

– Я-то причем?

– Ой-ой, можно подумать тебя это удивляет! Они поцапались из-за тебя, вот она и рыдает. Литвинцев напился до потери пульса, ну, и, как говорится, что у трезвого на уме...

– погоди, – Агата морщится, – откуда ты все узнала? Ты ведь даже не выходила никуда?

– Темик выходил курить, а эта ненормальная Осипова его чуть с ног не сшибла, выбегая в истерике. Так?

Артем кивает, глядя на Агату:

– Так, так. Некислый такой вышел скандальчик. Литвинцев крикнул Осиповой, что ему на нее плевать, что он любит тебя, она ему – по морде, ну, вообще, и пошло-поехало...

– Вот ненормальный, – Агата качает головой. – Завтра протрезвеет, локти будет кусать.

– Да ладно, Аверина, тебе-то что? Плюс сто баллов в твою копилку! – Регина делает серьезное лицо и обращается к Артему:

– Ты ведь меня любишь сильно-пресильно?

– Почему твои вопросы всегда звучат как утверждения, радость моя?

– Ох, ты сейчас нарвешься, Крылов...

– Да ты что, лапуля! Я тебя люблю сильнее всех на свете!

Артем обнимает Регину, та в свою очередь притягивает к себе Агату, и, смеясь, втроем они оказываются в плотно сжатом кольце из шести сцепленных рук. Артем, Регина и Агата качаются из стороны в сторону, изображая некое подобие танца, совершенно не попадая в ритм.

– Свет мой летит к полюсам, к небесам... – напевает Артем. Агата вдруг чувствует странную, почти неуловимую радость, которую невозможно перевести в слова. Ее окружают беззаботные улыбки, горящие взгляды. Она чувствует как время замирает вокруг, а друзья, с которыми она разделяет этот праздник и подводит еще одну жизненную черту, кажутся ей роднее и ближе всех на свете.

– Спасибо, что вытащили меня из дома, ребят, – признается Агата.

– А я что говорила? – Регина поправляет корону. – Всегда слушай меня, Аверина! Я лучше знаю, как лучше!

– Девчонки, как я вас люблю! Вы себе представить не можете! – Артем крепко сжимает в объятьях обеих подруг и подпрыгивает вместе с ними. Девушки взвизгивают:

– Артемка!!!

– Ноги нам отдавишь, балбес!!!

Литвинцев по-прежнему сидит рядом с Нелли, и та ему что-то наставительно втолковывает. Он пьет и не может удержаться от того, чтобы примерно раз в минуту не бросить взгляд на танцпол в сторону Агаты. Недалеко от Литвинцева за двумя сдвинутыми столиками расположились выпускники Андрея Борисовича Вильчука. Один из парней что-то рассказывает, за столиком дружно смеются. Андрей Борисович тоже смеется, хлопает парня по плечу, а затем поднимается и направляется к выходу. Перед тем как покинуть зал улыбка сходит с лица учителя, и он явно не хочет, чтобы это заметили окружающие.

«Что с вами, Андрей Борисович?» – смутно думает Агата. Убедившись, что Регина с Артемом не расстроятся из-за ее отсутствия (они танцуют и одновременно умудряются что-то рьяно друг другу доказывать) Агата тоже идет к выходу.

В коридоре курит компания. В укромном уголке возле лестницы, ведущей на второй этаж, целуется парочка. У главного входа, надувая губки в объектив, фотографируются девушки в вечерних нарядах.

– Девчонки, не видели Вильчука?

– Вроде пошел в свою мастерскую. Сфоткаемся на память, Агатка?

– Давайте позже.

Приподнимая на ходу длинное платье, Агата идет по коридору.

Часы перед главным входом показывают без четверти два. Грохот музыки эхом разлетается по четырехэтажному зданию, погруженному в полумрак. Невольно возникает желание прогуляться по этой другой, необычной, «ночной» школе, вдохнуть запах пустых классов, последний раз подумать и вспомнить обо всем, что происходило в этих стенах.

На центральном стенде все еще висит расписание уроков. Плакаты о проведении концертов. Объявления о родительских собраниях.

Художественная мастерская Андрея Борисовича Вильчука.

– Заперто. Странно...

Всю стену напротив мастерской занимает выставка достижений учащихся. Агата медленно идет вдоль стены. Турслеты. Эстафеты. Школьные праздники. Рисунки.

Агата задерживается у картины с изображением брюнета в рубашке с расстегнутым воротом. До боли знакомые черты. Агата невольно поражается тому, насколько бережно все подмечено: и черные, как бездонные колодцы, глаза; и вечно хмурые брови; и нежное, одновременно мужественное, лицо; и сильные скулы и его красивые губы... Даже ухмылка! Эта ухмылка возникает обычно в тот момент, когда Димка, говоря что-либо, слегка раскачивается и при этом много жестикулирует. Странно. Несмотря на внешнюю привлекательность и прирожденное лидерство в нем улавливается внутренняя скованность. Словно чего-то ему не хватает для того, чтобы расправить крылья и быть свободным по-настоящему. Чего-то ему не додали, обделили чем-то важным с самого детства. Хотя, это звучит нелепо: ведь у Димки, в отличие от многих детей, с рождения было все, о чем только можно мечтать.

Под картиной прямоугольная табличка с надписью:
РАБОТА ПОБЕДИТЕЛЯ КОНКУРСА «ГОДЫ ШКОЛЬНЫЕ, ЧУДЕСНЫЕ...» УЧЕНИЦЫ КЛАССА 9 «А» АВЕРИНОЙ АГАТЫ.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ: АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ ВИЛЬЧУК

Агата подходит к большому окну, присаживается на подоконник. Перед ней ночной город: многоэтажные дома, сверкающие сотнями окон; проезжая часть по которой несмотря на позднее время бежит шумный поток машин; прямо за школьным забором – аллея со старыми деревьями.

Об этих деревьях в школе ходят настоящие легенды, которые рассказывают каждому новому поколению учеников. В складках коры, всегда можно найти множество монет – таким нехитрым способом дети выпрашивают исполнения своих желаний.

Можно пожелать что угодно: от выигрыша в лотерею, до излечения тяжелой болезни, но чаще дети обращаются к деревьям с насущными проблемами – перед контрольной или экзаменом достаточно оставить здесь монетку и попросить взамен немного удачи. Успех в получении высокой оценки гарантирован.

Для многих детей – это не более чем шутка или игра, но Агата в раннем возрасте относилась к деревьям настолько серьезно и уважительно, что по утрам мысленно здоровалась с ними, прощалась перед уходом домой и даже разговаривала. Тайные друзья шелестели листьями, скрипели ветками, словно пытались объяснить с маленьким, человеческим существом. И ни разу не подвели Агату с получением хорошей отметки.

– Глупости. Ну, почему я об этом думаю? – спрашивает себя Агата и собирается вернуться в зал, но вдруг что-то останавливает ее: сутулая фигура, застывшая возле одного из деревьев. Если бы этот человек не смотрел на Агату в упор, по спокойной, непринужденной позе его вполне можно было бы принять за собачника из многоэтажки напротив: выгуливает себе песика. Но нет. Не будет никакого песика. Улыбка сходит с лица Агаты как и всегда при появлении этого типа:

– «Человек без возраста», – шепчет девушка себе под нос. Так она окрестила многолетнего преследователя после того, как столкнулась с ним в подъезде. Тогда Агата до смерти перепугалась, зато, увидев преследователя вблизи, сделала для себя открытие – вовсе он не молодой парень, как ей казалось изначально, а взрослый мужчина лет под пятьдесят.

Осознав, что незнакомец может разглядеть ее гораздо лучше, чем она его, Агата быстро отходит в тень.

– Агата...

Ей не показалось. Имя произносят повторно. Звук доносится из школьной гардеробной. В потемках угадываются пафосные, как две капли похожие наряды, и узнаются приглушенные голоса одноклассниц: Гелены Назаровой – дочери классного руководителя и ее заядлой подпевалы Ирмы Постниковой. Одноклассницы не видят Агату, так как она стоит выше, в тени, а гардеробная находится на цокольном этаже. Оттуда прекрасно виден портрет Димы.

– Семья у него очень серьезная, – Гелена щелкает зажигалкой, прикуривая. – У отца строительный бизнес, а сам Димка на последнем курсе МГИМО. Мне сестра рассказывала, по нему пол школы сохло, когда он здесь учился. Золотой мальчик этот Лазарев. Красавчик, лапочка, завидный жених.

– Кошмар какой-то, – отзывается Ирма. – Эта моль – Аверина ему однозначно не пара.

– Нет, ты объясни, *что* такой как Лазарев мог найти в этой аутистке? Холсты свои малюет, как блаженная...

– Угу. Такая правильная, елки-палки, аж коммунизм хочется начать строить.

– Святоша проклятая.

– Но что-то в ней есть такое, пацаны просто с ума сходят. Даже Литвинцев бегаёт!

– Литвинцев может и бегают, а вот с Димкой ничего ей не светит! Вот увидишь – расстанутся. Знаешь, какая у него мать? Никогда в жизни госпожа Лазарева не допустит, чтобы единственный сын связался всерьез с кем-то вроде Авериной, – Гелена понижает голос, – у нее ведь папаша – алкаш запойный, а мать чокнутая под стать доченьке. Думаешь, почему не пришли на выпускной?

– Ох, да наиграется он с ней и бросит, Гелен. Что ты так нервничаешь? Всего лишь вопрос времени.

– Бесит сил нет.

– Ну, есть из-за чего расстроиться, не спору.

– Хотите скажу, *что* такой как Дима, нашел в такой как я?!

Гелена и Ирма моментально притихают и поднимают головы. Агата перегибается через перила и насмешливо смотрит на одноклассниц:

– Хотя это и не ваше дело... Ну, будем считать, что даю вам совет на будущее – как себя вести с красивыми и успешными парнями. Нельзя верить в очевидное. И слушать нужно только себя, а не замороженных предрассудками посредственностей, не имеющих своей жизни. Хоть весь мир будет вопить «ты ему не пара!» нельзя верить никому, кроме себя. И если ваше мнение не изменится, несмотря на все гадости, которые вы услышите за спиной, возможно вам удастся произвести впечатление на такого как Дима.

Губы, глаза, все мускулы на лице задействованы, пока Агате мерещится, что этот монолог и впрямь произносится вслух. Замечтавшись, Агата быстро приходит в себя и понимает, что никому ничего не говорит: по-прежнему стоит в тени, терпеливо выслушивая сплетни одноклассниц. Ее успокаивает одна мысль: «Какое счастье, что больше мне не придется сталкиваться с этими стервозинами в школьных коридорах...»

Бесшумно отступив назад, Агата поднимается по лестнице на второй этаж и оказывается в противоположном крыле здания. Оттуда спускается к актовому залу, от всего сердца желая Гелене с Ирмой провалиться сквозь землю: «Неудивительно, что проще было завести дружбу с деревьями, чем с такими вот гадинами...»

С первого класса Гелена и Ирма – неразлучные подружки, а также вся так называемая «школьная элита» не давали Агате прохода: измывались, всячески пытались задеть, откровенно ненавидели.

Агата думает, что ее и в покое-то, кажется, оставили и перестали насмехаться открыто (теперь предпочитают злословить за спиной) лишь после того, как она переросла возраст гадкого утенка и удивительным образом похорошела.

Легкомысленных сверстников никогда не волновали ни ум Агаты, ни ее поразительные достижения в живописи. Зато хорошенькое личико заставило, волей-неволей, начать считаться с ней, вызвало интерес и открыло многие двери. Откуда не возьмись появились поклонники, а затем и подруги (вроде Гелены с Ирмой) которых Агата видела насквозь и держалась от них подальше.

Начав встречаться с Димой Лазаревым – местной знаменитостью, парнем из богатой семьи, слышать гадости за спиной для Агаты стало так же естественно, как и всякому человеку, сломавшему рамки общественной морали. Казалось, не было в школе человека не затаившего злобу на счастье влюбленной пары. Грязные пересуды, косые взгляды возникали, даже если Дима просто подвозил Агату до школы на своей машине. Завидев издали белокурую ученицу в сопровождении высокого, темноволосого красавца, Нина Юрьевна – классный руководитель Агаты, менялась в лице и заговорчески брала заучку под руку:

– Эта тихоня своего не упустит, – цедила Нина Юрьевна сквозь зубы, разглядывая влюбленных из окна учительской. – Всем еще покажет. Выскочит замуж, если не за Лазарева, так за какого-нибудь нефтяника и будет жить как у Христа за пазухой...

За спиной перешептывались все кому не лень, а вот сказать Агате колкость в лицо кто-то вряд ли бы решился, и дело было вовсе не в опасениях перед ее будущим влиятельным мужем.

В ней самой, такой хрупкой и, на первый взгляд, незащитной, окружающие подсознательно чувствовали угрозу, и никто наверняка не смог бы ответить – чего именно опасается и почему избегает конфликта с ней?

Думая об этом, Агата подходит к актовому залу, где по-прежнему гремит торжество. Перед тем как потянуть на себя тяжелую дверь, она еще раз бросает взгляд на школьный двор – незнакомец, как обычно, исчез так же быстро, как появился.

– Никогда никого не видел прекраснее тебя, – вдруг раздается красивый грудной голос, и по всему телу Агаты пробегает приятная волна. Девушка вдруг чувствует себя золушкой на балу: «И кто сказал, что принцы бывают только в сказках?»

Подпирая стену, Дима оглядывает Агату. Он появился в пустынном школьном коридоре неожиданно и бесшумно, словно только что сошел со своего портрета: тот же пронзительный взгляд черных глаз, те же хмурые брови, ухмылка. В его руках огромный букет из белых роз.

– Как ты меня напугал, – Агата глубоко выдыхает.

– Вообще-то, я рассчитывал на другую реакцию, – Дима, улыбаясь, приближается к Агате.

– На какую?

– Думал, обрадуешься мне, заключишь в свои объятия.

– Спасибо. Мне очень приятно, – Агата спокойно, не выражая эмоций, принимает букет от красоты которого, на самом деле, у нее захватывает дух. Дима берет ее руку так, что их пальцы переплетаются:

– Что с тобой?

– А что?

– Сердитая. И очень красивая. Просто потрясающе выглядишь.

– Не ожидала тебя увидеть. Ты же сказал, что будешь занят сегодня.

– Вот именно, занят «сегодня». Но уже не «сегодня», а пару часов как «завтра».

– Как остроумно.

Дима лукаво улыбается, а Агата по-прежнему смотрит на него с укоризной.

– Агатка, ты что обиделась? – голос Димы звучит едва ли не умоляюще. – Неужели ты всерьез поверила, что я способен пропустить твой выпускной? Ведь я ни дня не могу без тебя...

«Господи, да если бы ты знал, что теперь, когда ты здесь, весь мир может провалиться под ногами, и я этого даже не замечу...»

– Конечно не сержусь, дурачок, – Агата ласково прижимается к Диме. – Поцелуй меня...

Своеобразная улыбка-ухмылка делает лицо Димы совсем мальчишеским. Словно он одновременно смущен, весел, взбудоражен. Агата ловит его влюбленный взгляд, отвечает ему точно таким же, их губы сливаются снова и снова. Каждое прикосновение, словно разряд электрического тока заставляет их тела трепетать и сгорать от желания. Они уже не могут оторваться друг от друга и даже не способны закрывать глаза во время поцелуев, перестать любоваться друг другом. Дима прижимает Агату к стене, запускает руку в ее волосы:

– Давай сбежим отсюда...

Из зала доносится громкая микрофонная речь, затем визг и шумные овации. Агата смеется:

– Не хочешь потанцевать?

Свет мой летит к полюсам, к небесам.

Все уйдет в никуда, только ты, только я – навсегда...

Дима закатывает глаза:

– Неужели снова эта песня?

– Это все Регинка. Темик уже третий раз за вечер поет по ее просьбе.

– Третий?! Боже... Эту песню вся школа уже выучила наизусть. Я уже сам ее знаю наизусть!

– Это же наш школьный гимн. Ты что?

– А вообще, знаешь, молодец – Крылов. Превратить любимое дело в карьеру и так лихо начать зарабатывать на этом... Я ведь помню его совсем желторотым, скакал тут по сцене, как клоун. Никто никогда не воспринимал его всерьез. Помню их группу, как они репетировали по вечерам, терзали гитары... Знаешь, что странно, Агатка? Почему я не помню тебя? Ты точно училась в этой школе все десять лет? Общалась с Крыловым, с Регинкой?

– Нет. Я с неба свалилась.

– В день нашего знакомства я именно так и подумал.

– Просто, когда ты здесь учился, у тебя ветер гулял в голове, – Агата давит Диме пальцем на лоб, – и ты, балбес, смотрел не туда, куда нужно.

Дима улыбается:

– Скорее всего. Разве можно было не заметить девушку своей мечты?.. Агатка, у тебя такое соблазнительное платье. Я просто с ума схожу...

– Пойдем-ка лучше танцевать, – Агата обворожительно смеется и, оставив букет на подоконнике, тянет Диму в сторону зала.

Пока влюбленные идут по полутемному залу, все головы поворачиваются им вслед. Дима останавливается на середине танцпола, целует руку Агаты и, не выпуская из своей ладони, обнимает другой рукой за талию, начиная танец. Тело Агаты податливое и гибкое, полностью принадлежащее движениям Димы. Многие поджимают губы и косятся на влюбленных недобрыми взглядами. Дима и Агата не замечают этого. Когда они вместе, для них ничего больше не существует. Регина с поблескивающей короной в каштановых волосах снова вертится на сцене. Артем вливается в микрофон. Дима шепчет Агате нежности, касаясь губами ее уха и наслаждается ее дыханием на своей щеке:

– Слушай, Агатка, какие планы на субботу?

– Да вроде никаких, – Агата припоминает мимолетное приглашение Нелли, но не говорит о нем. – А что?

– Хочу познакомить тебя с родителями, – говорит Дима. – Мама уже столько раз звала в гости, а ты все время увиливаешь. Вообще, я уже сказал дома, что привезу тебя.

Агата незаметно закусывает губу.

Ей с трудом верится, что инициатива пригласить девушку сына в гости исходит от самой Вероники Аркадьевны Лазаревой. Если бы не эти сомнения, ничто не мешало бы давным-давно согласиться:

«Можно использовать в качестве отговорки запланированный мастер-класс по выпечке, но Димка прав – сколько можно отнекиваться?»

– Да, конечно, я с удовольствием, – улыбается Агата. На радостях Дима подхватывает ее и кружит на месте.

Агата живо представляет, как, оставив машину, они молча побредут по городу под золотистым светом фонарей. Теплая ночь будет развивать ветерком ее длинные волосы, которые Дима, то и дело, будет приглаживать. «А мы куда?» – спросит она. «Да какая разница», – улыбнется он. Потом Дима подхватит ее на руки, смеющуюся, счастливую, закружит на месте и...

– Убери руки от нее!

Фантазия Агаты обрывается, стоит ей услышать злобный голос Литвинцева, резанувший слух, как лезвие. Дима опускает девушку и недоуменно оборачивается. Гордей Литвинцев, давно впившийся взглядом в счастливых влюбленных, подходит к ним вплотную и неминуемо упирается в Димкины мышцы.

– Не врубаюсь, чего ты приперся на чужой выпускной? – цедит Литвинцев. – Свалил отсюда.

– Че ты сказал, урод?!

– Гордей, да ты что? – Агата вклинивается между парнями.

– Будешь со мной танцевать, поняла?! – Литвинцев сжимает руку Агаты. Дима просто звереет, хватая Литвинцева за лацканы пиджака и отшвыривает. Уцепившись за кого-то, тот удерживается на ногах и неожиданно ударяет Диму в ответ. Начинается драка. Короткие, яростные толчки заглушает рев гитар, сквозь который пробивается крик Нелли Сафроновой. Она старается прекратить потасовку, не зная с какого бока подступить – парни сцепились как бешеные. Вокруг дерущихся быстро образовывается кольцо из зевак и отталкивает Агату. Она не может прорваться к Диме, а Литвинцева, кроме Нелли, никто не пытается урезонить. Даже учителя бездействуют. Довольные, что оказались свидетелями скандала, они перешептываются:

– Дотанцевались, – говорит Нина Юрьевна завучу.

– Угу.

Наконец, Илье Сафронову с помощью учителя физкультуры удается разнять парней. Агата пробивается сквозь толпу, хватая руку Димы и быстро тащит его к выходу, боясь, что драка может возобновиться. Напоследок Дима успевает обменяться с Литвинцевым испепеляющим взглядом.

– Как с цепи сорвались! – физрук еле сдерживает буйствующего Литвинцева. – Где классный руководитель этого вояки?

– Да Андрей Борисович вышел всего на минуточку! – оправдывается Нелли. – А они здесь устроили!..

Тем временем Агата и Дима быстро выходят из школы и направляются к автостоянке, подходят к Димкиной машине:

– Супер – выпускной! – парень злобно усмехается, облачиваясь на капот, и лишь сейчас Агата замечает у него здоровенную ссадину:

– Что с губой? Дай посмотрю!

– Еще раз подойдет к тебе, башку ему оторву! – Дима довольно недружелюбно отстраняет от себя Агату и принимается нарезать круги, как тигр в клетке. Агата стоит в сторонке, почти физически ощущая, как горит рассеченная губа. Она знает, что Дима только строит из себя мачо и чувствует его страх. Уловив момент, она, наконец, подходит к нему, осторожно берет за руку:

– Димка. Ну, не молчи.

– Если кто-нибудь пальцем до тебя дотронется – убью.

– Никто меня не тронет, успокойся.

Дима до боли стискивает Агату в своих объятьях и зажмуривается:

– Я никому тебя не отдам, Агатка...

– А кто меня отнимет?

– Отнимает не «кто», а «что».

Агата высвобождается и внимательно смотрит на Диму. Даже ссадина не портит его красивое лицо:

– Губа разбита, – Агата ласково прикасается к ней рукой. – Нужно обработать. Сильно болит?

– Нет.

– Это я виновата... Не надо было нам ходить туда вместе. Провоцировать...

– Провоцировать? А что мы такого делаем, Агатка, что постоянно должны прятаться?

Агата понимает, что Дима имеет ввиду. Знает, что его возмущает вовсе не Литвинцев, по глупости затеявший драку. Ей вспоминаются равнодушные лица из толпы. Молчаливая толпа не препятствующая драке, волнами испускающая враждебность, испытывающая удовольствие от вида крови.

«Бывает счастье, которое никому не мешает, не колет глаза, не заставляет завидовать – но это не про нас. Наша любовь как будто пришла из другого мира. Она им всем поперек горла. И нам за нее придется дорого заплатить. Заплатить тем злопыхателям, которым не довелось испытать подобного счастья. Толпа так и будет разбивать нашу пару, растягивать нас в разные стороны, не даст быть вместе всеми способами, не успокоится, пока не разлучит! Потому что люди не выносят чужого счастья. Чужое счастье приносит им боль. Они хотят, чтобы их страдания делили с ними все остальные. Счастье здесь – среди лжи, тупости и жестокости, как кусок мяса для изголодавшегося зверья...» – Агата сильнее прижимается к своему любимому, будто и вправду, не держи она его сейчас крепко-крепко, их немедленно растащат в разные стороны. Девушка готова завопить от какого-то внезапно подступившего отчаяния, и тут она действительно слышит громкий крик. Только это не обычный крик, вопль, или визг. Даже не один из тех, которыми сопровождалась недавняя драка. Это протяжный, продирающий до костей вой, который сменяют не менее жуткие рыдания. Агата вздрагивает. Однажды она уже слышала подобный крик и знает – произошло нечто дикое, непоправимое. Дима хмурится и озабоченно вглядывается в здание школы, где стихают звуки праздника, и теперь раздаются душераздирающие вопли. В нескольких окнах первого этажа поочередно вспыхивает свет. Наблюдается движение, суета. Агата и Дима переглядываются:

– Что там?

– Не знаю.

Они бегут к школе. На крыльце появляется несколько человек, и в царящей суматохе Агата сразу же видит Регину: бледную, с выражением ужаса в глазах. Та держит в руках свою корону и таращится на Агату.

– Регинка, что случилось?

– Там... Андрей Борисович в мастерской, – Регина отвечает не своим голосом. – Завуч его нашла... Полицию вызывают...

Школьный учитель повесился во время выпускного бала

Новости / Москва

24 июня 2008 года, учитель ИЗО, преподававший в гимназии №684, покончил жизнь самоубийством.

Свести счеты с жизнью Андрей Борисович Вильчук, 1971 года рождения, решил в своей художественной мастерской, где был найден повешенным.

Как сообщает пресс-служба Следственного комитета России по Московской области, признаков насильственной смерти на теле погибшего обнаружено не было, как и не было выявлено фактов доведения до самоубийства.

По сообщениям СМИ, у погибшего не было близких родственников. Своими многочисленными картинами Вильчук завещал распорядиться школьной администрации.

Глава 3

– Зачем он это сделал? – Дима поглаживает пальцами кожаный руль. – Пытаюсь понять и не могу.

– Разве можно понять такое?

– Я стараюсь. И все спрашиваю себя: что же было в том конверте, который он тебе передал? Почему ты его сразу не открыла?

Всю последнюю неделю, с самых похорон Вильчука, этот разговор между Димой и Агатой возобновляется снова и снова.

Агата вздыхает:

– Чего теперь гадать? А конверт я не открыла потому, что Андрей Борисович сам просил меня прочесть письмо дома.

– Значит все-таки письмо? Ты же говорила, не уверена в том, что это было письмо?

– Что ты цепляешься к словам? Он сказал, это напутствие для профессиональной деятельности или как-то так. Я не передала этому значения и сразу же убрала конверт в сумку. Ты как-будто допрашиваешь меня, Дим.

– Возможно это было предсмертное письмо, понимаешь?

– Понимаю. И куда оно в таком случае подевалось? Кому понадобилось?

Дима хмурится:

– А когда ты заметила, что конверт исчез?

– В миллионный раз повторяю: когда вернулась в зал за сумочкой, тогда и заметила.

– Его могли вытащить во время драки?

– Не знаю. Наверное.

– Черт, Агатка... В последнее время ты виделась с Андреем чаще меня. Может, он рассказывал что-то такое, что могло бы...

– Нет. Ничего не рассказывал. Прошу тебя, перестань меня доставать. Я не знаю почему Андрей Борисович покончил с собой. Не имею ни малейшего представления, ясно?

– Извини, – Дима подносит руку Агаты к своим губам. – Прости, малыш.

Агата не в состоянии избавиться от ощущения необъяснимого ужаса, преследующего ее с выпускного вечера.

Страшны не сами воспоминания: тело, накрытое белой простыней; скорая; полиция; царившее кругом смятение. Страшнее врывающееся вспылками осознание того, что Андрея Борисовича, учителя и друга, которого она ценила и уважала с самого детства, больше нет. Что он умер, исчез, ушел в темноту, да еще так страшно и необъяснимо.

– Обещаю больше не мучить тебя расспросами и не поднимать эту тему, – мягко говорит Дима. – У нас сегодня важный день, так?

– Вот именно.

Мысли Агаты тут же метнулись от похорон Вильчука к предстоящему ужину с родителями Димы. Знакомство с родителями Димки. Ужин у Лазаревых. Звучит просто, но для Агаты подобное событие запросто способно заслонить мысли о чем угодно.

«Девушка, которая приходит в дом родителей молодого человека с выпечкой собственного приготовления, демонстрирует хорошее воспитание», – уверяла Нелли несколько часов назад, вынимая пирог из духовки.

Именно этот миндальный пирог, испеченный под четким руководством Нелли, Агата сейчас бережно держит на своих коленях, пока они с Димой мчатся по городу, совершая нехитрый маршрут от дома Агаты по улице Панфилова, до улицы Кипренского, где находится коттедж Лазаревых.

Ужин у Лазаревых...

Миндальный пирог лишь малая часть приготовлений Агаты к походу в гости. Весь день накануне она (пересилив себя) провела в гардеробной комнате Регины, где под пристальным надзором, знающей толк в таких делах, подружки, выбирала себе наряд.

– Правильно сделала, что пришла, – Регина прикладывала к Агате то одно, то другое платье, оценивая в зеркале как оно сочетается с цветом ее глаз. – Хоть оденешься по-человечески! А то знаю я тебя – додумаешься идти в джинсах и кедах! Вот это тебе идет. Зашибательское! От Valentino, между прочим. Повернись-ка спиной!

Но сегодня, за полчаса до выхода из дома Агата все-таки отказалась от выбранного Региной платья. Она решила, что должна остаться собой, а желание произвести впечатление и казаться не той, кто она есть на самом деле, по ее мнению могло только все усугубить. То же самое Агата решила насчет прически – длинные, немного выющиеся от природы волосы, на взгляд Регины смотрелись весьма неряшливо. Агата должна была идти в парикмахерскую, делать прическу, но в итоге просто собрала волосы в конский хвост. Осталась в своем привычном облике.

«Димка полюбил меня именно такой. Почему я должна что-либо в себе менять ради его родителей?»

Легкий толчок. Дима притормаживает на светофоре.

– Привет! – вдруг раздается благозвучный женский голос, и Агата окончательно выходит из задумчивости.

– Ой, привет, Наташка! – отзывается Дима, облокотившись на открытое окно. Агата наклоняет голову, выглядывая из-за Димкиного плеча, чтобы посмотреть с кем он поздоровался – к машине подходит великолепно одетая девушка. Агата встречается с ней взглядом и поспешно отворачивается: «Не знаю ее и знать не хочу...»

Дима не знакомит Агату с девушкой – в этом нет необходимости, их разговор мимолетный, но теплый и доверительный: девушка отрицательно качает головой, в ответ на дружеские уговоры Димы подвезти ее; они смеются и любезничают; Дима даже обещает передать от нее «привет» своей маме.

– Ладно, счастливо! – весело прощается Дима. – Тоже передавай своим «привет»! – и как только загорается зеленый сигнал светофора, сразу же нажимает на газ.

Агата чувствует, как к лицу приливает кровь, как учащается ее пульс и дыхание, решает, что слишком перенервничала за последнюю неделю, потому что отчетливо представляет, как вцепляется в волосы этой великолепной, незнакомой девушки и слышит ее истошный визг.

– Это дочь друзей моих родителей – Наташа, – поясняет Дима, хотя Агата не требует никаких объяснений. – Мы вместе выросли. Я ее вот такусенькой помню. Она – журналистка, пишет книгу о Японии.

– То есть у вас много общего.

– Ты что?

– Ничего...

Дима иронизирует:

– Было бы некрасиво не поздороваться, не находишь?

– Меня это абсолютно не волнует.

– А что же тебя волнует? С чего вдруг такая перемена в настроении?

– Да так... Вспомнила, что завтра первый вступительный экзамен, – Агата старается, чтобы ее ложь прозвучала правдоподобно. Дима улыбается:

– Кажется, кто-то у нас просто переутомился. Тебе бы выспаться. А какой завтра экзамен?

– Рисунок. А во вторник – натюрморт.

– Да ну, ерунда! Это для тебя простая формальность.

– Ну, не скажи. В крайнем случае, если провалюсь, можно будет поступить на менее привлекательный факультет, а уже через год перевестись...

– Все у тебя получится, Агатка. Что ты себя накручиваешь?.. Ну вот, – Дима поворачивает в сторону большого каменного коттеджа, – мы и дома.

Машина въезжает в автоматически распахнувшиеся ворота и останавливается возле гаража.

Агата выходит первой.

Ухоженный газон, красивые сосны, растущие по всему участку, просторное крыльцо с колоннами... В окне дома Агата замечает силуэт:

– У меня ощущение, что я знаю это место, – говорит она.

– Я думаю это добрый знак, – захлопнув водительскую дверцу, Дима подходит к Агате.

– Почему?

– Все мы когда-то встречались, не в этой жизни, так в другой. Ты просто узнала то место, где мы уже когда-то были счастливы, – Дима обнимает и нежно целует Агату в висок. – До встречи с тобой я смеялся над подобными вещами, а сейчас убеждаюсь, что это правда.

– Нет. Не в этом дело, – Агата не может оторваться от дома.

– А в чем?

– Не знаю, – Агата чувствует, как за ней одновременно наблюдает тысяча глаз, а за каменными стенами таится нечто опасное.

– Пойдем? – Дима берет Агату за руку и ведет к дому. Девушка заставляет себя улыбнуться, но на самом деле ей хочется сбежать. Звуки, запахи, все вокруг закручивается узлом с событиями последней недели, со смертью Вильчука, словно возрождая забытый кошмарный сон.

– Перестань бояться, трусишка! – у Димы прекрасное настроение. Он крепко сжимает руку Агаты. Открывает входную дверь:

– Мам, пап! Это мы!

Ступени широкой лестницы, в которых мягко горят встроенные светильники, заворачивают на второй этаж. Агата сжимает ладонь Димы, услышав приближающиеся шаги:

«Сейчас я увижу их».

Вероника Аркадьевна Лазарева безупречна с головы до ног. Светло-персиковый костюм сидит на ней как на манекене, гармонируя с такого же цвета обувью. Каштановые волосы аккуратно убраны – будто каждый волосок знает свое место. Агата обращает внимание на милые черты Лазаревой, словно контрастирующие с суровыми, почти черными глазами.

«Димка внешне похож на мать, – думает Агата. – Даже мимика одинаковая. А вот от отца достался высокий рост и темперамент».

Сергей Афанасьевич так же как и Дима довольно сдержан и элегантен. Но в отличие от звучного баса сына, у Сергея Афанасьевича невероятно тусклый и слабый голос. С трудом верится, что этим самым голосом руководитель крупной строительной компании разговаривает, внушая страх, со своими подчиненными.

– Это вам, – Агата смущенно протягивает свой подарок и поднимает голубые глаза на хозяйку дома.

– Очень тронута, – Вероника Аркадьевна с улыбкой принимает пирог и внимательно изучает лицо гостьи. – Домашний. Вы разрушили мое сложившееся мнение, детка, будто современная девушка не умеет готовить.

– Что ты, мам! Агата – мастер на все руки! – радостно подхватывает Дима.

– Счастлива, наконец, с вами познакомиться, – Лазарева делает вид, что не слышала последних слов сына. – Будьте как дома!

От дверей парадного входа, в сопровождении Вероники Аркадьевны и Сергея Афанасьевича (который на удивление, не проявляет абсолютно никаких эмоций, сохраняя холодное, рыбье выражение лица) Агата с Димой направляются в гостиную. Агата идет потупя голову, даже стесняясь смотреть по сторонам. На секунду подняв глаза, она видит себя в зеркале и при-

ходит в ужас от того, насколько ее облик не соответствует обстановке – словно уличная кошка, по ошибке забредшая в чужой роскошный дом. Агата с досадой вспоминает о Регинкином платье, оставшемся висеть в шкафу...

– Долго же мне не удавалось заманить вас в гости, – смеется Лазарева, усаживаясь за безупречно накрытый стол. – Неужели вы меня избегаете?

Всем телом Агата ощущает, как гулко колотится ее сердце. Лишь не желая разочаровать Димку, она запрещает себе бояться:

– Что вы, Вероника Аркадьевна, конечно нет! Но мне действительно было некогда. Днем – школа, вечером – подготовительные курсы...

– Чистая правда, – подтверждает Дима, разливая вино по бокалам, – даже мне с трудом удается втиснуться в ее плотное расписание.

Агата переводит взгляд на Сергея Афанасьевича. Тот приступает к трапезе, не дожидаясь остальных, не обращая на гостью никакого внимания.

– Ну, теперь рассказывайте, что же вы за таинственная девушка такая? – Лазарева сплетает тонкие пальцы в замок.

– Я?

– Агата, не смущайся. Мама очень любит задавать странные вопросы, – с улыбкой говорит Дима.

– Ради Бога, что Агата обо мне подумает? – Лазарева смеется. – Димуля рассказывал, вы готовитесь к поступлению в художественный институт?

– Надеюсь поступить.

– И как вы оцениваете свои шансы?

– Она обязательно поступит! – подхватывает Дима. – Весь год занималась с репетитором, но, думаю, в дополнительной подготовке не было необходимости. Ее и так примут в любой институт с такими-то способностями!

– Димуля, ты не прав, – тут же возражает Лазарева. – Талантливых людей великое множество. Отправляться в институт без соответствующей подготовки – неразумно. Если, конечно, нет человека готового замолвить за вас словечко.

– Я согласна с вами, Вероника Аркадьевна.

– Мне кажется, вы обе преувеличиваете.

– Нет, Дим, так и есть, – Агата снова мельком взглядывает на Сергея Афанасьевича. Тот по-прежнему игнорирует происходящее, только ест и пьет. – Сейчас определяющий фактор для поступления не талант студента, а его связи.

– Ну, не только сейчас, – Лазарева прищуривает черные глаза. – Заискивание преподавателей перед влиятельными людьми старо как мир. А кто ваши мама и папа, позвольте спросить?

Агата находит вопрос двусмысленным, но не теряет:

– Мама – учитель русского языка и литературы, папа – военный инженер.

– Надо же, – протягивает Лазарева. – Инженер. Учитель. А вас увлекла живопись.

– Да, действительно, родители далеки от искусства и не имеют прямого отношения к моему выбору. Но мне повезло встретить талантливого преподавателя, благодаря которому и появилось твердое намерение заниматься живописью.

– О ком вы говорите, детка?

– Об Андрее Борисовиче Вильчуке.

– Который повесился?!

Агата и Дима переглядываются. Сергей Афанасьевич продолжает орудовать ножом и вилок, будто все сказанное ни в коей мере его не касается.

– Димуля, ты вроде говорил, что картины Вильчука поднялись в цене после громких заголовков в прессе? – вкрадчиво спрашивает Лазарева.

– Есть такое, – кивает Дима. – Цены на его картины выросли в несколько раз после того... что случилось. Станные люди.

– Какая жуть. Покончить с собой, практически на глазах у всей школы. Может, он это сделал специально? Ради славы?

– Мам, если можно, сменим тему, – мягко просит Дима. – Агата очень переживает из-за случившегося.

– Хорошо, хорошо. Светлая память вашему преподавателю. Знаете, детка, я всегда уважала преподавателей, поддерживающих инициативу творческих детей. И, признаться, ничуть не удивлена, что вы и Вильчук, как бы это сказать, нашли общий язык. Я немного его знала. Он производил впечатление довольно эксцентричного человека.

– Что вы имеете ввиду? – Агата чувствует, как дрогнули пальцы на бокале.

– Вы не обидитесь, если я скажу, что нахожу вас довольно необычной, странной что-ли. Я это без всякой задней мысли.

– Я понимаю.

– Для творческой личности – это даже хорошо! – Лазарева, махнув рукой, невинно улыбается. – Видимо, вы были необычным ребенком?

– Агата была необыкновенным ребенком, – поправляет Дима и подмигивает ей, – и работы ее – такие же. Знаете, – он поочередно смотрит на родителей, – просто уникальная реалистическая техника письма! Агата писала мой портрет и...

– Мы даже не ставим это под сомнение, – Лазарева сверкает глазами в сторону Агаты, – и все-таки быть художником в современном мире... Далеко не все талантливые художники могут реализовать себя в профессии. Подобный выбор, если хотите знать – связан с огромным риском, тем более для девушки не имеющей... реальной опоры под ногами. Упорства у вас безусловно хватит, но дело ведь не только в этом. Можно потратить годы, и ничего не добиться. Нет никаких гарантий, что аудитория будет принимать ваше творчество так же восторженно, как мой сын. На современном небосклоне живописи лишь немногие творцы достигают значительных высот. Особенно это касается России, в которой почти не осталось известных художников. Взять хотя бы вашего преподавателя – всю жизнь занимался живописью, а заговорили о нем только после его смерти.

– Мам...

– А что я такого сказала?

– Мне нравится то, чем я занимаюсь, Вероника Аркадьевна, – Агата берет тон чело- века, способного за себя постоять. – Более того, живопись – моя страсть с самого детства. Я не вижу себя ни в какой другой профессии. Мне не нужна слава, не нужен успех, я занимаюсь живописью не поэтому. Просто я – художник и должна самовыражаться, а для всякого худож- ника, строит ли он здания, сочиняет симфонии или пишет картины, его работа это единствен- ный способ дальнейшего постижения жизни и единственный смысл существования. Поэтому я не считаю, что чем-либо рискую, даже не имея, как вы сказали, реальной опоры под ногами.

– Если вы намерены удачно выйти замуж, тогда вы действительно ничем не рискуете, – сухо вставляет Сергей Афанасьевич. Все оборачиваются. Выражение лица хозяина дома по- прежнему не выдает никаких эмоций.

– Агатка, знаешь что нужно, чтобы картины заняли достойное место в истории живо- писи? – Дима спешит нарушить неловкую паузу. – Нужно хорошо кушать. Художнику нужны силы, а ты ничего не ешь! Даже к жаркому не притронулась, а мама ведь так старалась!

– У меня идея, – Лазарева поднимается. – Пойдемте-ка, организуем вместе десерт, детка. Может, это разбудит ваш аппетит?

– Конечно, – Агата торопливо поднимается, нечаянно задев вилку, которая со звоном падает на пол. – Ой... Простите.

– Да ну, пустяки, – Лазарева дружески обнимает Агату за плечи и ведет на кухню. – Заодно покажу вам дом.

Дима одобрительно провожает их взглядом, но, вопреки ожиданиям, его мать не собирается показывать дом Агате. Скрывшись из поля зрения Димы, хозяйка дома моментально меняется в лице. Ее глаза становятся еще более черными, губы плотно сжимаются, она тут же отстраняется от Агаты.

Агата понимает, что происходит. Лазарева сделала огромное одолжение, потакая прихоти сына, и знакомство с его так называемой девушкой, было организовано с единственной целью – доставить удовольствие избалованному ребенку, топнувшему ножкой, требуя удовлетворения нелепого каприза. И ничего, что его ножка давно сорок шестого размера.

Вероника Аркадьевна не считает Агату подходящей партией для своего единственного сына и уводит ее из-за стола вовсе не для того, чтобы познакомиться поближе или обменяться женскими секретами, а лишь для того, чтобы покончить с ней. Раз и навсегда.

«Может, это не так уж и плохо оказаться с ней с глазу на глаз? – Агата тоскливо оглядывается в направлении столовой, где остался Дима. – Можно будет откровенно поговорить без надзора ее мужа. Она – женщина, у нее есть сердце. Она должна понять!»

Агата готовит в уме целый монолог, желая объяснить, что для нее значит Дима, но не успевает и рта раскрыть.

– Ну, что ж, детка, давайте поговорим начистоту, – Вероника Аркадьевна заводит Агату на кухню.

– Давайте. Только позвольте...

– Нет уж! – интонация Лазаревой кардинально меняется. – Позвольте сначала мне, – она открывает стеклянную дверцу шкафчика и вынимает изящные, фарфоровые чашки. – Вы милая. Я вижу, вы отлично справляетесь с ролью вежливой, сдержанной, воспитанной девушки, но прекрасно понимаю, что вы представляете из себя на самом деле, – Лазарева ставит чашки на поднос. – «Казаться» и «быть» – не одно и то же, – невозмутимо продолжает Лазарева. – Кроме того, наслышана о проблемах в вашей семье: отец-алкоголик, мать не в своем уме, жизнь у вас – не сахар, да еще эта одержимость живописью... Конечно, я вам сочувствую, не дай Бог пережить все то, что пережили вы, – Лазарева стучит по столу. – Я могла бы долго ходить вокруг да около, но, раз уж дело дошло до того, что Димуля приводит вас в дом, думаю, мне следует сразу же объясниться с вами, дабы развеять иллюзии.

– Вероника Аркадьевна... я люблю Диму. Разве может быть что-то...

– Ну разумеется любите! – Лазарева приторно улыбается и наливает кипяток в чайник. – А как же вам его не любить? А материальные блага вас, естественно, интересуют постольку-поскольку. Я вполне допускаю, что случайное знакомство между молодыми людьми из разных социальных слоев может перерасти в некое чувство, но у вас с Димулей нет будущего. Да вы и сама – умная девочка, это прекрасно понимаете. Юность мимолетна, а жизнь длинная, сложная, – Лазарева принимается неторопливо нарезать пирог. – Жизнь необходимо тщательно, стратегически планировать, и это не просто слова, это жестокая необходимость. Людям с такими амбициями и претензиями как у вас, ох, как не просто живется...

«Как же она наслаждается собой, упивается своей властью! Именно в такие минуты жизнь этой женщины приобретает смысл. Но если она надеется, что я сейчас расплачусь...»

– Не думайте, что у меня есть какие-либо предрассудки по поводу разницы в социальном положении, – спокойно продолжает Лазарева. – Просто я прожила больше вас и лучше знаю, как устроен мир. Вы, конечно же, сию минуту не распрощаетесь с Димулей – это невозможно. Я не какой-нибудь лютый зверь, и прекрасно все понимаю, но совершенно бессмысленно затягивать и усложнять эту ситуацию. Уверяю вас. Напрасно время потратите, пытаясь его удерживать, и себе причините лишнюю боль. Неужели вы сами не чувствуете, что ваши отношения с моим сыном даются ему с трудом?

– Ничего такого я не чувствую. Я знаю, что он любит меня...

Лазарева вручает Агате поднос, на котором аккуратно по четырем тарелкам разложен миндальный пирог:

– Мы поняли друг друга, детка?

– Вероника Аркадьевна, – Агата пытается сохранять хладнокровие, но всем телом ощущает тряску, – в моей семье действительно есть определенные сложности, но какое это имеет значение? Вы же видите что я за человек. Мне не нужны ваши деньги, мне нужен только ОН!

– Вы ЕГО не получите.

– За что вы так со мной? Что я вам сделала плохого?!

Лазарева бросает на Агату снисходительный взгляд и по-матерински приглаживает ее светлые, доходящие до середины спины, волосы. В этом прикосновении улавливается какая-то недоброжелательность, нечто оскорбительное: где уж тебе, бедной сиротке, сделать мне что-то плохое.

– Так вы услышали меня? – переспрашивает Лазарева, дав понять, что не намерена продолжать разговор.

– Да...

– Вот и замечательно, – Лазарева берет прежний гостеприимный тон и радушно смеется. – Пойдемте, попробуем ваш пирог!

Глава 4

– Ты не задумывалась, почему мы – люди так часто болеем?

Мы болеем постоянно, от рождения до смерти. Почему?

Ты бы поверила, что виной тому твое собственное подсознание? Голос, который время от времени нашептывает на ухо то, что ты не осмелилась бы рассказать даже самым близким. Голос, который управляет твоими тайными помыслами. Неосознанный, подавленный, отодвинутый в сторону повседневными заботами. Требуется мужество, чтобы принять его, ведь это голос хранителя твоего внутреннего мира – голос подсознания.

А что бы ты сказала, узнав, что подсознание тебе не принадлежит? Оно не имеет к тебе никакого отношения, являясь отдельным, инородным, живым существом. Существом со своими эмоциями, желаниями, целями. У этого существа есть название – АГРИД. Это агрид съедает твою внутреннюю жизненную энергию, или питается энергией твоих родственников и друзей.

Есть сильные агриды – энергетические вампиры, способные пробивать защитное поле своих жертв и забирать их жизненную силу, а есть слабые, и они, в конечном счете, губят сами себя.

Тут уж кому как повезет.

Зная об этом, сумеешь ты подчинить подсознание себе, или оно одержит верх над тобой?

Так говорила Сонора, когда впервые объясняла мне суть моих видений и рассказывала обо Всем. Впоследствии я много раз вспоминала именно этот, самый первый разговор, навсегда изменивший мою жизнь.

Существа, которые, как оказалось, живут среди нас, более того, живут в нас – людях – своих носителях, питаются нашей энергией... такое услышишь не каждый день.

Тогда же я приступила к изучению знаменитой книги Вершителя, которой Сонора и другие ясновидицы завладели вскоре после вторжения агридов на Землю.

Я закрываю глаза и зрительно вспоминаю каждую страницу. Каждую мелочь и деталь. Помню, какая погода стояла за окном, какая музыка звучала за стенкой, пока я впитывала каждое слово. Ведь от того, насколько внимательно я читала текст, зависела моя жизнь.

Помню, например, как из первой главы я узнала о том, что растения, так же как и люди, обладают сознанием, чувствами, и их жизненная энергия (разумеется, не в такой степени как человеческая, но все же) может служить источником питания для агридов. Но только человеческая энергия способствует долгожительству агридов, потому они и живут в нас...

В той же главе говорилось о том, что люди заблуждаются, называя «порчей» обычное, по сути, разрушение ОБЕРЕГА – специального защитного поля, которое есть у каждого агрида, и после разрушения которого, агрид становится доступнейшей жертвой для своих сородичей.

Приписка в конце главы гласила:

Хотите избежать укуса агрида?

А) Не показывайте другим своих эмоций.

Б) Не рассказывайте другим о своих мыслях и чувствах.

В) Не подпускайте никого близко.

Г) Никто и никогда не должен вас касаться. Никто и никогда...

Глава 5

Достав из кармана ключи, Агата начинает открывать дверь. Вдруг замирает и прислушивается: из-за дверей доносится пьяная ругань и звон разбиваемого стекла.

Мир и покой в ее доме – редкость...

Агата быстро заходит, пытаясь оценить обстановку: отец в комнате, как обычно пьяный в стельку.

– Мам?! – заглянув в спальню матери и не найдя ее там, Агата идет на кухню, нащупывает рукой выключатель. Желтая тусклая лампочка освещает неуютную обстановку, груды разбросанных пустых бутылок и женщину, которая курит, облокотившись на подоконник.

В школе, где мать Агаты когда-то преподавала русский язык и литературу, ее уважительно называли Анной Сергеевной. Сейчас зовут Аней, словно считается чем-то неестественным обращаться к продавцу по имени и отчеству.

Анна не оглядывается несмотря на то, что слышит, как вошла ее дочь.

«Мам, ты в порядке?» – Агата лишь представляет, как задает этот вопрос, глядя на острые плечи, на преждевременно поседевшие, редкие волосы матери... и не может спросить. Голос словно покидает ее.

– Не ходи здесь. Осколки... – Анна приоткрывает дрожащие губы. – Сейчас уберу.

– Не надо, я сама.

Агата приносит веник с совком, убирает осколки. Выходит из кухни, испытывая скользкое, ядовитое чувство – стыд: за себя, за маму, за отца; за долгие годы, превратившие троих людей в чужаков, живущих под одной крышей; за то, что в их семье не принято делиться новостями, собираться за общим столом, даже здороваться.

Бессилие и невозможность что-либо изменить, преодолеть внутренний барьер и просто сказать теплое слово близкому человеку, гонит Агату в ее комнату – в убежище, единственное место, где она может укрыться от всего мира.

Уткнувшись лицом в подушку, она чувствует как под веками скапливаются жгучие слезы. Ей не хватает одного маленького толчка, чтобы расплакаться. И тут она в мельчайших подробностях вспоминает лицо Лазаревой: «НЕУЖЕЛИ ВЫ САМИ НЕ ЧУВСТВУЕТЕ, ЧТО ВАШИ ОТНОШЕНИЯ С МОИМ СЫНОМ ДАЮТСЯ ЕМУ С ТРУДОМ?»

Агате приходится сжать руки в кулаки, чтобы не вскрикнуть. Она даже издает что-то вроде сдавленного рыка: «Проще всего сейчас расплакаться, как ребенку; рассказать Димке обо всем что случилось и поставить ему ультиматум. Именно этого его мать и добивается, чтобы Димка оказался в безвыходном положении, начал бы разрываться между ней и мной, затем, наконец, устал бы от всего и бросил меня! Но этому не бывать, Вероника Аркадьевна. Плохо вы меня знаете. Чего бы ни стоило и впредь быть с вами любезной, даже после такого унижения – я буду улыбаться вам. Потому что знаю, чего хочу. Я умею бороться так, как вам и не снилось!!!»

Мелодия мобильного прерывает воспаленные мысли Агаты. Ее руки разжимаются, на ладонях остаются глубокие вмятины от ногтей. Агата роется в сумочке и достает телефон:

– Алло?

– Я уже соскучился по тебе...

– А я по тебе...

– Всю дорогу молчала. Точно все хорошо?

– Конечно. Ты нормально доехал?

– Да. Только что говорил с мамой. Она сказала, ты ей очень понравилась.

Агата проглатывает колкость, которая начинает вертеться на языке:

– Она мне тоже. У тебя замечательные родители, Димка...

– Ты ей понравилась, я серьезно.

Агата тяжело вздыхает:

– Слушай, не надо меня утешать. Мне не три года. Я в курсе, что все матери недолюбливают избранниц своих сыновей.

– Может быть. Но я надеюсь, вы с мамой выше этих условностей? У вас ведь много общего, если разобраться. Просто мама не из тех людей, которые «открываются» сразу. Между прочим, так же, как и ты.

– А твой отец? Он был так неприветлив.

– Да он даже на меня не обращает внимание! – оправдывается Дима. – Отец бывает разговорчив только в вопросах бизнеса. Но в одном могу тебя заверить – он презирует слабых духом людей и наверняка уже проникся к тебе симпатией, просто ждет одобрения мамы, чтобы продемонстрировать свое истинное отношение. Весьма скоро вы подружитесь, и мы еще ни раз со смехом вспомним эти первые, поверхностные впечатления.

– Я думаю, подружимся мы с ними или нет, во многом зависит от тебя.

– Агатка...

– Что?

– Знаешь, как бы там ни было... Даже если родители будут против, я все равно выберу тебя. Понятно?

Губ Агаты невольно касается улыбка, а боль, терзавшая каждый нерв еще секунду назад, словно растворяется.

– Димка... – нежно начинает Агата, но тут в ее дверь тихонько стучат. – Слушай, ты извини... Давай завтра договорим. Хорошо?

– Конечно. Спокойной ночи, любимая. Целую тебя.

– Спокойной ночи.

Агата отключает мобильник и открывает дверь. Входит ее мать со следами слез на щеках.

«Если и есть в мире противоположность Вероники Аркадьевны Лазаревой, – думает Агата, – то это – моя мама. Женщина полуманная изнутри. С отпечатком застарелой боли на лице, словно она видела нечто такое жуткое, что отбило всякое желание жить. Чем бы мама ни занималась: на работе ли она, смотрит ли телевизор, или готовит обед – боль находится в ней непрерывно, будто застряла в складочке между ее бровей...»

– Наконец-то уgomонился, – говорит Анна и устало садится на диван. Агата прислушивается: пьяные вопли отца стихли и сменились храпом.

– Надеюсь, до завтра проспится, – вздыхает Анна.

– А что завтра? – спрашивает Агата.

– Как это «что»? Годовщина смерти твоего брата. Ты забыла?

– Да, действительно. Вылетело из головы... – Агата садится рядом с матерью и включает телевизор.

– Мне твоя помощь понадобится, – говорит Анна. – Нужно будет заказать пироги в кондитерской, кое-что купить.

– Мам, у меня же завтра экзамен.

– Экзамен... А мне что прикажешь делать? Разорваться?

– Но я даже не знаю во сколько освобожусь. Я тоже не могу разорваться.

– Приглашенные подойдут к двум часам. Одной мне не успеть. Рассчитывала, что отец поможет, но... Никому нет дела до моего мальчика.

– А до меня кому-нибудь есть дело? – перешелкнув несколько каналов, Агата выключает телевизор и отбрасывает пульт. – Позвонила бы Нелли. Уверена, она с радостью тебе поможет. Почему ты ее избегаешь? Она постоянно о тебе спрашивает.

Анна ухмыляется:

– Спрашивает она... Благотельница.

Агата устало прикрывает глаза и делает над собой усилие:

– Хорошо. Утром я зайду в кондитерскую, сделаю заказ, пироги доставят на дом. А после экзамена буду тебе помогать. Годится?

– Возьми деньги.

– Убери свой кошелек. Отец и так все из дома выносит, еле концы с концами сводишь. Есть у меня деньги.

– Ну, тогда спокойной ночи, – Анна поднимается и идет к двери.

– Спокойной ночи. И позвони Нелли.

– Нашла бы себе нормальную профессию, жила бы как все, – добавляет Анна в дверях, обернувшись через плечо. – Художница... Мне было бы смешно тратить время на такое.

– Конечно, ты ведь большой знаток того, как именно нужно тратить время.

Анна выходит, не ответив. Агата включает лампу, садится за мольберт и принимается бесцельно водить карандашом по ватману. Через несколько минут линии складываются в рисунок: роскошная гостиная, посреди которой находится кошка с изогнутой спиной, окруженная недоумевающими людьми. Агата работает над рисунком, даже не замечая, что давно плачет навзрыд.

Глава 6

«Голубой – страх. Зеленый – спокойствие. Фиолетовый – гнев».

– Оберег меня выдаст, все бестолку! – Вира отчаянно пытается изменить цвет полупрозрачной оболочки, которая окружает ее тело. Чтобы расцветка оболочки изменилась с небесно-голубой – выдающей страх Виры, на зеленый – цвет спокойствия, ей необходимо взять свои эмоции под контроль, перестать волноваться, но Вира впервые в жизни не в состоянии этого сделать. Услышав хлопок входной двери, Вира вздрагивает и замирает. В прихожей загорается свет, раздаются неторопливые, твердые шаги. Входит хозяин квартиры: высокий, сутулый мужчина с хмурым лицом. Ему можно дать около тридцати, но в его пепельных, почти стальных глазах, есть нечто неестественное, что добавляет ему лет двадцать, а то и тридцать сверху. Оболочка, окружающая тело мужчины, излучает мерное изумрудное сияние.

– Г-где ты был, Гектор? – Вира изо всех сил старается не дрожать.

Гектор молча проходит по комнате, даже не взглянув в сторону гостьи. Всем своим видом он дает понять, что недоволен.

– Сегодня у тебя *поиски*, забыл? – Вира задает второй вопрос, не получив ответа на первый. Мысленно она проклинает себя за то, что все это затеяла: «Теперь уже поздно... Придется все ему сказать».

– Ты что-то хотела? – спрашивает Гектор, стягивая часы с запястья. – Я ложусь.

– Будешь спать в одежде?

– Тебе-то что?..

– Надеюсь, ты не меня стесняешься?

Будто не услышав, Гектор поворачивается к Вире спиной, заводит метроном, ставит его на прикроватный столик, как есть – в куртке и джинсах, ложится на постель, подкладывая длинные пальцы под голову и медленно закрывает глаза.

– Что ты с собой делаешь? – Вира не отрывает взгляд от Гектора. – Зачем так себя изматываешь? Тебе ведь нужно... совсем другое.

– Позволь мне самому решать, что мне нужно, – басит Гектор в ответ, не открывая глаз. – Ты за этим пришла? Я ведь, кажется, просил тебя не приходить сюда, как к себе домой.

– Я беспокоилась.

– Не стоит.

– Завтра годовщина смерти Вадима. Второе июля. Ровно десять лет прошло. Мы с Соной собираемся навестить его родителей. Не хочешь составить компанию?

– Хочу. Составлю. Только будь добра, уйди. Ты меня отвлекаешь.

– Ну, Вадим был прежде всего твоим другом...

– Моим, моим...

– Не зря ведь ты так печешься о его сестре...

– Вира, что тебе нужно?

– Я все знаю!!! – Вира отчаянно вскрикивает. – Я была... – она начинает мямлить, – была на выпускном Агаты неделю назад... Я все видела, Гектор...

Тот медленно оборачивается, не столько для того, чтобы посмотреть в глаза Вире, сколько для того, чтобы увидеть цвет окружающей ее оболочки. «Цвет небесной синевы...»

– Ты о чем? – невозмутимо спрашивает Гектор.

– Агата убила своего учителя... того художника, Вильчука.

– Так-так... И ты видела нападение?

– Нет.

– Тогда почему ты решила, что это сделала Агата?

– Больше никому. Такое не мог сделать обычный человек, ты и сам знаешь, – Вира нервно оттягивает ворот блузки, словно чувствует удушье. – Скорее всего, агрид Агаты совершил нападение в момент сильного голода, – продолжает она. – Агрид полностью истощил Вильчука: у того даже оберег отсутствовал... Кроме того, предсмертное письмо Вильчука посвящено Агате. Скажи спасибо, что я успела вовремя забрать письмо, чтобы не посыпались ненужные вопросы, а вместе с ними не появились агенты Вершителя, – Вира выпаливает все на одном дыхании и выжидательно смотрит на Гектора. Тот нехотя приподнимается:

– Будь добра, раз уж ты здесь, завари мне чайку покрепче и... могу я взглянуть на письмо?

Вира рывком хватая свою сумочку, достает конверт, послушно протягивает его Гектору и буквально выбегает из комнаты. Глянув ей вслед, Гектор начинает читать.

Автор письма не был знаком ни с Гектором, ни с Вирой, более того, не видел их ни разу в жизни, при том, что этим двоим было известно о нем практически все.

В предсмертном письме Андрей Вильчук – художник и школьный учитель, ко всеобщему ужасу покончивший жизнь в день выпускного бала, рассказывал о том, что был без ума от своей ученицы – девушки с необычайным (по его словам) талантом к рисованию. Никто не знал об этой любви. Даже сама Агата едва ли подозревала об этом. Андрей тщательно хранил свой секрет, не сомневаясь – чувство к девушке, постигающей основы искусства в его мастерской, часами просиживающей за мольбертом, вызывавшей восхищение и занимавшей все его мысли, никогда не будет взаимным.

– Его убила не Агата, – заключает Гектор, с интересом дочитав письмо. Услышав из кухни голос Гектора, Вира замирает с чайником в руках:

– Что ты сказал?

– Любовь, Вира. Тайные страдания и собственный агрид сожрали Вильчука заживо... «Я решил, что буду любить молча, тайно, что об этом не узнает ни одна живая душа и, в первую очередь, не узнает сама Агата». Так здесь написано.

Вира злобно усмехается:

– Любовь... Как же! Ничего умнее не придумал? Агата – убийца! Признай уже, наконец, этот факт! – неожиданно Вира замечает, как окружающая ее тело оболочка меняет оттенок с небесно-голубого на агрессивно-фиолетовый. «Страх» удачно сменился «злостью».

– Эта проклятая девчонка нам еще покажет, – обрадовавшись запалу ярости, за которым можно спрятать свой страх, Вира продолжает в том же духе, – сожрет одного за другим. Вот увидишь. Бомба замедленного действия... Однажды она проявит себя в полную силу, и тогда вы вспомните мои слова: и ты, и Сонора. Слышишь?

Вира возвращается в комнату, останавливается в дверях, держа в руках чашку дымящегося чая. Она видит, что Гектор уже спит. Метроном не спеша отстукивает ровные удары, которые эхом разлетаются по комнате, а над постелью Гектора повисает светящийся, сферический объект.

Глава 7

Агата не помнит содержание своих снов, но знает – ей снится тот, кто ее очень любит. Тот, кто приходит во сне, чтобы залечить ее раны, развеять страхи, восстановить силы. От него исходит добро. Не будь образ таким зыбким и расплывчатым (белое яркое пятно, парящее по воздуху) кажется, можно было бы ухватить его, забрать с собой из сна в реальность. Ведь это даже не сны, а настоящие встречи. Но с кем?

Сладко потянувшись под лучами утреннего солнца, Агата поднимается, заправляет постель, раскладывает на полу коврик и приступает к зарядке – своему обычному, каждодневному ритуалу. Дотягиваясь до кончиков пальцев ног, мышцы живота обжигает болью. Агате тяжело, ее тело, как натянутая струна, но во время каждого упражнения, каждого, из последних сил сделанного, подъема, Агата заставляет себя представлять лицо Лазаревой, думать о том, насколько сильно желает поквитаться с этой женщиной и, сама того не замечая, намного превышает свой норматив.

«Злость – лучший мотиватор, – говорит себе Агата чуть позже, зажмуриваясь под прохладным душем, – а я как Ванька-встанька – никогда не падаю! Ну, казалось бы – нокаутировали. Лежу плашмя, готова сдаться, но не тут-то было. Совершенно неожиданно, точно на пружинках я поднимаюсь и снова держусь на ногах. Тот, кто меня злит, оказывает мне услугу – всегда включает во мне дополнительный источник энергии! Так что, спасибо вам, госпожа Лазарева!»

Агата и думать забыла о своем сновидении – об идеальном мире с ясными мыслями и добрыми чувствами. Ее все больше занимают враждебные мысли о Лазаревой, о том, что она моложе Лазаревой, сильнее, умнее, энергичнее; о том, что она обязательно найдет способ отомстить и поставит эту женщину на место. Агата завтракает с этими мыслями, одевается с этими мыслями; затем достает из ящика своего письменного стола шкатулку с накопленными деньгами, отсчитывает несколько купюр, кладет их в кошелек, и, убрав шкатулку обратно, как всегда, перед уходом из дома, запирает свою комнату на ключ. Затем, легко сбегав по ступенькам, оказывается на улице.

Свежий утренний ветер ударяет в лицо – Агата чувствует себя очень бодро, ее ноги буквально парят над асфальтом. Она направляется к перекрестку на улице Брюллова, делает заказ в кондитерской – выполняет все, что обещала матери. Затем идет к метро, проходит мимо салона красоты и вдруг останавливается. Взглянув на часы (до начала экзамена остается еще достаточно времени) что-то словно дергает Агату открыть входную дверь и войти: «Почему бы и нет?»

Раньше Агата такого не делала, но сегодня, не отдавая себе ни в чем отчета, она проходит в зал и садится в кресло, на которое ей указывает администратор:

– Одну минутку. Мастер сейчас подойдет.

В зале надывается радио.

– *Девять утра в Москве!* – сообщает ди-джейский голос, и начинает звучать знакомая песня Артема Крылова.

Свет мой летит к полюсам, к небесам,

Все уйдет в никуда, только ты, только я – навсегда...

Внезапно песня обрывается, в динамиках что-то гудит, слышится скрипучий треск:

– ...поможет пролить свет на то, что же с вами происходит, – голос, доносящийся из радио, будто диктует. – *Это обычные связи, возникающие между людьми, пусть даже они виделись единственный раз в жизни, толком не общаясь, но эти связи ведут к энергетическому вампиризму. Задайте себе вопрос: о ком или о чем вы думаете в течение дня чаще, чем обо всем остальном? Подобный анализ позволит вам понять, куда вы вкладываете свою энергию.*

И вы обнаружите и, скорее всего, удивитесь, что постоянно думаете об одном и том же, даже не отдавая себе в этом отчета. Образ какого-то человека или события постоянно крутится в вашей голове, но вы ничего не можете с ним поделать. Вы просто не можете о нем не думать! Это и есть объект энергетического вампиризма, который пользуется вашей энергией, и вы ее добровольно и постоянно отдаете. Вам обязательно нужно определить этот образ, не позволяющий сфокусироваться на собственных задачах, иначе, даже такая, казалось бы, незначительная мелочь, как спонтанный поход в парикмахерскую может оказаться началом роковых...

– Как будем стричься? – спрашивает симпатичная девушка-парикмахер, дотронувшись до волос Агаты.

Голос в динамиках смолкает, вновь раздается треск, и возвращается прерванная песня.

– Покороче, – Агата указывает на картинку, которую быстро находит в журнале. – Вот так. Мне бы хотелось придать волосам форму, как на этом фото. А с моей длиной этого трудно добиться.

– Никогда не видела такого роскошного цвета волос, – говорит парикмахер. – И не жалко тебе? Такие длинные...

Вчера Лазарева покосилась на волосы Агаты таким недобрый взглядом, что Агата невольно почувствовала себя лохматой неряхой. Никакой комплимент по поводу ее волос теперь не сможет стереть из памяти вчерашний взгляд. Параллельно в мыслях Агаты возникает Наташа со своими ухоженными, блестящими локонами, один в один, как на картинке из журнала...

– Нет, не жалко, – отвечает Агата. – Приступайте.

– Дело твое, – вздыхает девушка-парикмахер.

– Если вам не трудно, говорите мне «вы», – обычно Агата не заостряет внимание на таких мелочах, но сейчас не может удержаться. Ей кажется, что в ее голосе проскользнула интонация Лазаревой, и это обстоятельство странным образом радует. Агата даже голову приподнимает повыше, почувствовав себя важной птицей.

Девушка-парикмахер хмыкает, надувает пузырь из жвачки, равнодушно им щелкает и начинает клацать ножницами.

Через час преобразенная, обновленная, готовая к подвигам Агата входит в аудиторию института, где с толпой других абитуриентов оказывается перед членами приемной комиссии. Здесь все готово к началу экзамена. Мольберты выстроены вокруг натурщицы. Агата занимает свое место и бегло оглядывается: огромный конкурс, все волнуются, одна из девушек даже рыдает, то и дело хлюпая в платок...

– Напоминаю вам, что пользоваться линейками нельзя, – объявляет председатель комиссии. – По истечении времени вы должны сдать работу независимо от того, успели вы или нет. Приступайте. Желаю успеха.

Внимательно рассмотрев натурщицу, Агата распределяет композицию на бумаге, и снова слышит всхлипывания чересчур эмоциональной абитуриентки. «Куда ж ты, милая, поступаешь, с такими-то нервами?» – думает Агата, довольная своим самообладанием, чувствуя преимущество, словно чужой страх придает ей еще больше сил. Она действительно не испытывает даже намека на волнение, наоборот – ей очень весело и комфортно. Все потому, что стоит ей оказаться в художественной мастерской, она сразу же чувствует, как за спиной вырастают крылья; здесь Агата на своем месте, занимается тем, для чего рождена и готова горы свернуть.

Она в очередной раз с удовольствием дотрагивается рукой до своих аккуратно остриженных волос и приступает к работе над рисунком...

Обозначив несколько линий, Агата ощущает знакомый трепет в руках: все тревожащее меркнет, тело наполняется теплом и покоем, голова делается ясной. Минуты летят незаметно. Сделан набросок, нанесены общие контуры, начинается волшебство, благодаря которому чьи-

то глаза начинают смотреть на Агату с листа бумаги. Ей нравится это ощущение, хоть оно и длится сотую долю секунды, но за один только миг в нарисованных глазах можно разглядеть душу совершенно незнакомого человека, заглянуть в чью-то жизнь, узнать чужие секреты. Это ли не волшебство?

«Не застывай на одном месте: от общего к частному, – мысли Агаты озвучены голосом Андрея Борисовича, как если бы он сейчас находился рядом с ней. – С контуром глаз и положением шеи ты отлично поработала, – продолжает Андрей Борисович, – а вот блики на волосах выглядят не достаточно реалистичными. Где там твой „волшебный“ ластик?» Взяв ластик, Агата начинает работать над бликами в прическе, стараясь сделать их зеркально яркими. Подняв глаза на струящиеся, переливающиеся словно мед, пряди натурщицы и, сопоставив их с тем, что получается на бумаге, Агату всю передергивает: «Как же я сразу не обратила внимание?» Ее изумляет невероятное сходство натурщицы с Наташей – знакомой Димы, которую они встретили вчера. Это дурацкое сравнение кладет отпечаток тревоги и отравляет Агате всю последующую работу над рисунком, которая, до этого, шла как по маслу. Некстати одна за другой начинают стучать мысли, словно кто-то произносит их громким голосом:

...ДОЧЬ ДРУЗЕЙ МОИХ РОДИТЕЛЕЙ – НАТАША. Я ЕЕ ВОТ ТАКУСЕНЬКОЙ ПОМНЮ. ОНА – ЖУРНАЛИСТКА, ПИШЕТ КНИГУ О ЯПОНИИ...

...НЕУЖЕЛИ ВЫ САМИ НЕ ЧУВСТВУЕТЕ, ЧТО ВАШИ ОТНОШЕНИЯ С МОИМ СЫНОМ ДАЮТСЯ ЕМУ С ТРУДОМ?..

...ОБРАЗ КАКОГО-ТО ЧЕЛОВЕКА ИЛИ СОБЫТИЯ ПОСТОЯННО КРУТИТСЯ В ВАШЕЙ ГОЛОВЕ, НО ВЫ НИЧЕГО НЕ МОЖЕТЕ С НИМ ПОДЕЛАТЬ. ВЫ ПРОСТО НЕ МОЖЕТЕ О НЕМ НЕ ДУМАТЬ!

...Агата слышит голоса со всех сторон. Это даже не голоса, скорее мысленные издевки над собой, которые полностью овладевают ей, заставляют подняться из глубины души хорошо запрятанное чувство неуверенности. С новой короткой стрижкой Агата вдруг чувствует себя уродиной – беспомощной, жалкой, уступившей чужому мнению:

«Наташа, а вовсе не я – воплощение будущей идеальной жены для Димки... – Агата непроизвольно зажмуривается. – Очевидно, что я ей и в подметки не гожусь! Ненавижу и ее, и Лазареву! За их превосходство! За их самоуверенность! За то, что я так не похожа на них и живу в убогой нищете... Почему я не родилась в подобной семье, в которой родились и выросли эти женщины? Какой я могла бы стать, каких высот добиться, если бы с детства, как и у них, у меня было бы ВСЕ?! Эти женщины олицетворяют собой все то, что возмущает меня и одновременно с тем... восхищает. Какая нелепость! Как можно ненавидеть и восхищаться одновременно?! Я обречена лишь примерять их самоуверенные образы, копировать их жесты, их слова и мысли, но я никогда не смогу сравниться с этими женщинами, с существами высшего порядка. Я даже постриглась, чтобы хоть немного стать похожей на них! Да я же просто ДУРА!!!»

Это личное признание уничтожает Агату. Мысли, словно кислота начинают разъедать ей мозг и незаметно становятся нестерпимой головной болью. От такой сильной боли у Агаты темнеет в глазах, начинают дрожать и слабеть руки. Карандаш выскальзывает из пальцев и летит вниз: звенит как вчерашняя, упавшая на мраморный пол, вилка. Тот же стыд за свою неуклюжесть мгновенно возобновляется в Агате, причиняя новый виток боли, беспощадным звоном раздающийся в голове: «Плохо мне... Как же мне плохо...»

Члены приемной комиссии и несколько абитуриентов недоуменно оглядываются в сторону, едва стоящей на ногах, Агаты. И хотя в ее глазах все плывет от боли, призвав всю свою волю она подбирает карандаш с пола и продолжает работу, еле удерживая внимание на натурщице. Кажется, вместо человеческого тела Агата пытается изобразить свои страдания, но ей во что бы то ни стало нужно закончить работу!

– Время вышло! – вскоре объявляет председатель комиссии, похлопав в ладоши.

Агата с облегчением выдыхает: непонятно каким образом, но она успела. Осторожно сняв свой рисунок с мольберта, она ставит его рядом с остальными работами, идет к выходу, цепляясь за все встречные поверхности; хватая глоток свежего воздуха, оказавшись на университетском крыльце, спускается по ступенькам и садится на скамейку возле фонтана:

– ЧТО СО МНОЙ?!!!

Глава 8

Нелли чувствует себя неловко. Она уже и сама не рада, что завела этот бессмысленный разговор:

– С этими бамбуковыми салфетками можно не использовать моющего средства, – говорит она Анне, пока та передает ей очередную тарелку.

– Да? – вроде бы удивляется Анна.

– Говорю тебе! – Нелли начинает вытирать тарелку краем полотенца. – Один раз проводишь такой салфеточкой, и жир отмывается, ну просто, как по волшебству!

– Чего только не придумают, чтобы выуживать у людей побольше денег...

– Ну, зачем так пессимистично? Попробуй. Поделишься потом впечатлениями.

Пока Нелли объясняет где и как купить чудо-салфетки, Анна, споласкивая тарелку, участливо кивает головой, а сама думает: «Мне бы твои заботы... Благостная. Сытая. Всегда довольная... Да какие тут, к черту, салфетки?!»

«Она так изменилась, – в свою очередь думает Нелли, искоса поглядывая на подругу. – Мы ведь ровесницы, а выглядит она почти старухой. Была такой обаятельной, лучезарной красавицей. Куда все это подевалось?»

«Думаешь, мне нравится играть эту роль? Так издеваться над собой? – Анна чутко угадывает мысли подруги. – Если бы ты только знала, что разыгрывать из себя сварливую старуху, прятаться за броней цинизма – мой единственный способ сохранить остатки рассудка. Но я не собираюсь обсуждать это с тобой, Нелли...»

– Самое надежное средство для мытья посуды по старинке – хозяйственное мыло, – говорит Анна. – Согласна?

– Еще пищевая сода, – подхватывает Нелли, со стыдом думая: «Будто нам поговорить больше не о чем...»

У Нелли Сафроновой и Анны Авериной, которые дружат еще со времен студенчества, никогда не было секретов друг от друга. Но уже несколько лет, с тех пор как в семье Анны случилось несчастье, обе женщины старательно избегают разговоров «по душам» и не откровенничают друг с другом как раньше. Все их теперешние разговоры (если они вообще возникают) касаются хозяйства, кулинарии, иногда здоровья, а чаще превратностей погоды – «разговоры дураков», как называет их сама Нелли.

«И это не моя вина, Аня, – мысленно оправдывает себя Нелли, бросая жалостливые взгляды на подругу. – Ты сама отказалась от меня, как, впрочем, и от всего остального в своей жизни. Я всегда была хорошей, верной подругой и всегда была готова тебе помочь, но ты по собственной воле создала пропасть между нами. До тебя ведь не достучаться. Ты как в коконе!»

– Давай, братан, еще хватанем! – неожиданно выкрикивает мужской голос, хотя до этого из комнаты доносились лишь приглушенные голоса гостей. Анна, даже не пытаясь скрыть отвращения к собственному мужу, обреченно вздыхает:

– Попросила его вчера по-хорошему: «Не пей». Ведь знал, что придут люди. Так хотелось, чтобы в кои-то веки выглядел по-человечески. Нет. Накидался, одну за другой...

– Ты извини, что Илья не пришел, – Нелли делает виноватое лицо. – У него сейчас такой аврал на работе, поэтому мы с Регишей пришли вдвоем, так сказать – неполным составом.

– Все нормально, Нелли, ты что? Спасибо тебе за все. Я понимаю, что Илья не приходит к нам из-за Мишки.

– Да ну что ты!

– Ладно-ладно... Человек, у которого все интересы сводятся к распитию очередной бутылки... Кому захочется с таким общаться?

– Слушай, Анята, может как-нибудь встретимся? – вкрадчиво спрашивает Нелли. – Как раньше, в старые добрые времена, безо всякого повода. Посидим, поболтаем, песни наши попоем, винца выпьем, а?

Анна печально улыбается, но не успевает ответить – слышится хлопок входной двери.

– А вот и Агата, – вздыхает Анна. – Можно, наконец, садиться.

– Привет, Агатенок! – Нелли обнимает девушку, когда та заходит на кухню. – Бедная. Какой измученный вид!

– Экзамен сдавала.

– Да, мама сказала. Успешно?

– Да вроде.

– Ох, Регишка тоже вся в экзаменах. Конца и края нет вашей учебе. Даже мы – родители устали. Правда, Анята?

– Мой руки, и за стол, – говорит Анна, снимая передник. – Все собрались. Только тебя ждали.

– Мам, у нас есть что-нибудь от головной боли? – Агата поочередно открывает все ящики.

– Не знаю. Посмотри в аптечке.

– Анята, возьми-ка эту большую тарелку с пирогами и неси ее в комнату, – говорит Нелли. – Агатенок! Ну что ты там копаешься? Быстренько пей свою таблетку, и за стол!

– Раскомандовалась... – чуть слышно бормочет Анна, направляясь к гостям.

В небольшой тесной комнатке, выполняющей функцию гостиной, за длинным столом находится столько народа, что совершенно негде повернуться. В углу комнаты Агата замечает Регину.

– Садись со мной! – подзывает Регина, впритык придвигаясь к соседке слева, освобождая, таким образом, место для Агаты.

– Слава Богу, что ты здесь, – говорит Агата с трудом втискиваясь между Региной и какой-то старушкой.

– Ты что с собой сделала, Аверина?! – заметив короткие волосы Агаты, Регина до невозможности округляет глаза. – Зачем?!

– Ох, не доставай...

Устроившись за столом, Агата оглядывает присутствующих, наполняющих рюмки и лязгающих вилками по тарелкам. Последние полтора часа, проведенные в общественном транспорте, Агата только и мечтала о том, как доберется до дома, повалится на свой старый диванчик, который представлялся ей лучшим местом на свете и долго не увидит ни одного лица, не услышит ни единого звука. «Угу. Не тут-то было... Ладно, посижу полчаса для приличия и потихоньку смоюсь...»

– И это называется «поминки», – раздражительно шепчет она, чуть наклонившись к Регине. – Какой смысл тратить столько сил и времени, если уже после второй рюмки эти люди и не вспомнят, ради чего пришли?

– Да ладно тебе. Поминки – дело святое.

– Вспоминать и скорбить об умершем можно, при желании, по пятьдесят раз в день. Не вижу смысла в этих застольях.

– Зато посмотри, как ожила твоя мама, – кивает Регина в сторону Анны. – Давно не видела ее такой... энергичной.

– Да уж. Второго июля мама всегда становится вот *такой*. Будто этот день – единственное, что имеет в жизни смысл. Представляешь, за все десять лет она ни разу не перенесла событие ни на день раньше, ни на день позже. Принципиально!

– Одуреть...

– И всегда приглашает всех, кого только можно: родственников, друзей, соседей, даже бывших приятелей Вадима. Не поминки, а свадьба.

– Ну, а что в этом плохого, по сути?

– Да я и половины этих приглашенных не знаю и сомневаюсь, что Вадим для них важен. К тому же, для отца – это очередной повод напиться...

Михаил опрокидывает рюмку водки и шумно закусывает. Агата с досадой останавливает на нем взгляд.

У Михаила Аверина довольно приятная внешность: правильный профиль, красивая улыбка, голубые, немного суровые (как у всех военных) глаза. Но только увидеть это в нем, с каждым днем, становится все сложнее. Агата, как бы себя не настраивала, не может воспринимать отца таким, каким он был когда-то. Она видит вывернутые губы; расползшийся, похожий на картофелину, нос; мутный и пустой взгляд. Рубашка так и липнет к исхудалому телу, а мокрые волосы Михаил то и дело нервно убирает со лба.

– Открой форточку, – просит он заплетающимся языком, глядя на жену. – Душно!

– Я это окно не трогаю, ты же знаешь, – спокойно отвечает Анна.

– Да не валяй дурака! Совсем баба чокнулась, – усмехается Михаил, снова наполняя рюмку. – Окно мы, видите ли, не трогаем – боимся мертвых потревожить. А живые пусть задыхаются, так?

Анна бросает на мужа презрительный взгляд, но ничего не отвечает.

Агата тоже не прочь впустить в комнату немного свежего воздуха, но знает – ее мать скорее даст себя убить, чем подпустит кого-то к «памятному» окну. Все важные в их семье события всегда отмечались в этой непрветриваемой, тесной и убогой комнате. Агата вспоминает, как с самого детства она глядела по сторонам и мечтала: гости в ее фантазиях сидели за красивым столом, украшенным серебряными приборами. Высокие бокалы пенились разноцветными винами. В камине горел огонь, сверкала люстра...

– Нелли Васильевна, что-то давно вас не видела, – говорит старушка, сидящая справа от Агаты. Каждый раз, когда старушка двигается или говорит, от нее исходит резкий кислый запах и Агату начинает мутить. – Забыли вы нас совсем. А раньше с Анютой были «не разлей вода».

– Ой, что правда, то правда, Серафима Лаврентьевна, – улыбочиво отзывается Нелли. – Всю жизнь мы с Анютой вместе. И учились, и девочек воспитывали. Девчонки у нас даже болели одновременно то ветрянкой, то желтухой... Господи, всю жизнь все вместе!

– И все по-разному... – вполголоса добавляет Анна.

– Ну, как же это по-разному, Анюта?

– Да вот так, очень просто. Обязанности у нас с тобой разные.

Своей улыбкой Нелли дает понять, что не согласна с подругой:

– Я думаю, что женщинам свойственно возлагать на себя слишком много обязанностей, и при этом забывать о самой главной своей обязанности – быть счастливой.

– Ой, как вы хорошо сказали, Нелли Васильевна, – соглашается старушка. – Вот правильно!

Анна болезненно усмехается. Она готова как обычно промолчать, но:

– А если невозможно стать счастливой?

Агата поднимает глаза на мать, та продолжает:

– Если живешь с нелюбимым мужем-алкоголиком, терпишь его только ради того, чтобы у ребенка был какой-никакой отец? Как тут стать счастливой? Есть у тебя варианты?

– Ну... – Нелли слегка теряется. – Ты слишком все омрачаешь, Анюта.

– Разве?

Михаил бросает на жену желчный взгляд и опрокидывает рюмку, даже не закусив:

– Ради ребенка она живет... Вырос давно твой ребенок! Можешь не мучиться, скатертью дорога... Агатушка, – Михаил вдруг меняется в лице, посмотрев на дочь. – Вон какая красавица выросла. Доченька. Ну, посмотри на отца-то, Агата!

– Из-за этой красавицы все мальчишки в школе передрались, – радуясь смене разговора, замечает Нелли.

– Мам, ну хватит об этом, – встревает Регина.

– Агатенок, ты почему ничего не кушаешь? Блины, пирожок рыбный?

– Не хочу, Нелли, спасибо.

– Что ты бледненькая такая, Агатонька? – старушка хватается ее за руку. – И вид такой усталый.

Агата вежливо улыбается, пытаясь вспомнить: кем ей приходится эта старушка? «Вроде тетка с папиной стороны, или?..»

Агата мало помнит из своего детства и уже давно перестала удивляться тому, что порой не может узнать старых знакомых или родственников. Она помнит, например, что Вадим, несмотря на большую разницу в возрасте, был для нее не просто старшим братом, а самым главным и близким человеком из всей семьи, но при этом совершенно не помнит как Вадима не стало на свете. То есть, Агата знает, конечно, что второго июля девяносто восьмого года, в возрасте двадцати трех лет, ее старший брат Вадим неожиданно для всех выбросился из окна вот этой самой комнаты, но не помнит ни единой подробности того дня, и уж тем более не имеет ни малейшего представления о том, что могло подтолкнуть Вадима к такому поступку.

Загадочная смерть грузом потянула за собой целую цепь событий, разбивших жизнь всей семьи. Словно злой рок повис над семейством Авериных: Михаил, никогда не злоупотребляющий алкоголем, ударился в пьянство; Анна, будучи не в состоянии оправиться после смерти горячо любимого сына (ни для кого не было секретом, что к Вадиму она была привязана гораздо больше, чем к Агате) ушла из школы, где преподавала много лет. Денег стало катастрофически не хватать. У Михаила долго не ладилось с работой, а после он и вовсе лишился заработка. Анна стала единственным кормильцем в семье, устроилась кассиром в продуктовом магазине недалеко от дома и однажды заявила Агате: «Если бы не ты, мне не пришлось бы так унижаться, устраиваться в этот паршивый магазин. Я просто наложила бы на себя руки или спокойно отправилась в психушку, где и должен находиться человек в моем состоянии. Я подниму тебя на ноги. Выращу. Выучу тебя. Но знай, чего мне это стоит. Помни, что ты значишь для меня...» Слова врезались в память Агате на всю жизнь, но она до сих пор продолжает убеждать себя в том, что мама, какой бы странной она ни казалась, любит ее, а не просто выполняет свой долг – кормит и одевает. У Агаты в запасе множество светлых воспоминаний, правда они словно перечеркнуты холодными взглядами и равнодушием матери. Вот и сейчас, все за столом обсуждают какой Агата выросла умницей и красавицей, все, кроме Анны, которой словно нет до этого дела. Женщина уткнулась в тарелку своим привычным, равнодушным взглядом (ведь даже ест она без удовольствия, словно еда лишена вкуса) и молчит.

«Ты – не Вадим, – говорит холодный взгляд Анны, – не мой ненаглядный мальчик, и ради тебя я способна лишь на такую жертву – быть живым трупом».

От духоты и головной боли у Агаты все плывет перед глазами. Вместо поминального застолья ей представляется собственная свадьба: благородные и изысканные Лазаревы рядом с ее раскрасневшимся, пьяным отцом и матерью, которая, забившись в самый дальний угол, нетерпеливо дожидается, когда все закончится и можно будет сбежать.

Агата тоже не отказалась бы сейчас сбежать из-за стола, и вдруг на ее счастье появляется повод – раздается звонок в дверь. Она тут же подскакивает и, с твердым намерением больше за стол не возвращаться, идет в прихожую, чтобы открыть.

На пороге стоит незнакомая светловолосая женщина лет тридцати с цветами в руках. Дорогое платье-футляр, босоножки на высоком каблуке...

– Вам кого?

– Здравствуй, Агата.

– Здравствуйте...

– Ты выросла с тех пор, как мы виделись.

– Мы разве знакомы?

– Да. Я хорошо знала твоего брата, – незнакомка говорит с легким акцентом. Агате даже кажется, что она напоминает ее:

– Может войдете?

– Нет, не нужно беспокоиться. Я зашла на минутку и буду признательна, если ты передашь цветы Анне Сергеевне, – незнакомка протягивает букет и вдруг застывает, ошеломленно уставившись на что-то поверх головы Агаты. Та даже оглядывается, не понимая, что происходит:

– Что-то не так?

– Т-ты постригла волосы... – чуть слышно шепчет женщина. – Зачем?..

Агата пожимает плечами:

– Почему, собственно, вас это волнует?

Незнакомка находится в ступоре пару секунд, затем, словно очнувшись, быстро направляется вниз по лестнице. Агата в полном недоумении закрывает дверь.

– От кого цветы? – спрашивает Анна, выходя из комнаты.

– Понятия не имею... – Агата идет на кухню, чтобы выглянуть из окна. Машина, к которой поспешными шагами направляется незнакомка, стоит во дворе, возле подъезда.

– На кого ты там смотришь? – спрашивает Анна, заходя следом.

– Мам, иди скорей сюда. Знаешь эту женщину?

Анна подходит и выглядывает из окна:

– Ну-ка...

– Это она принесла букет, – Агата кивает на цветы. – Сказала: это тебе. Упомянула Вадима. Она кто?

– Невеста Вадички, – Анна печально вглядывается в блондинку.

– Да ладно!

– Марина... Давно я ее не видела. Что ж она меня не позвала и ушла так быстро?

– Да она вообще какая-то странная. И почему я впервые слышу о ней?

– Просто не помнишь. Маленькая ты еще была.

– Не такая уж и маленькая, мам. Мне было семь, когда погиб Вадим. Кроме того, эта Марина, похоже, неплохо меня знает. Отметила, что я выросла, а потом так покосилась на мои волосы... – в отдаленных уголках памяти Агаты мельтешат мутные картинки: «Марина. Марина. Что-то очень знакомое и даже ее легкий акцент... Стоп...» Агата застывает, случайно переведя взгляд на мужчину, сидящего на водительском месте, и не верит своим глазам:

– А это еще кто?

Анна пожимает плечами:

– Может, ее муж? Хотя, мне казалось, что Мариночка никогда не сможет забыть Вадима. Как же они любили друг друга... Ладно. Пойду цветы в вазу поставлю.

– Потрясающе... – Агата провожает взглядом отъезжающую машину. – «Человек без возраста» и бывшая невеста моего брата приезжают к нам вместе???

Размышляя о том, что произошло, Агата направляется в свою комнату, где застает Регину. Та прихорашивается перед зеркалом:

– От матери влетело?

– За что? – рассеянно уточняет Агата, перекладывая подушки с дивана.

– За твою дурацкую стрижку! С детства волосы отращивала. Была коса до пояса, а стало что?

– Мама и не заметит этих перемен... – Агата ложится, прикрывает глаза, и кладет на них ладони, которые очень кстати оказываются холодными.

– И потом, кто перед самым экзаменом стрижется? – продолжает Регина. – Додумалась!

– А что здесь такого?

– Как это «что»? Остригаешь волосы – лишаешься внутренних сил и энергии, балда! – Регина любит свое отражение, поворачиваясь то в профиль, то в фас. – Ну, как все прошло в институте?

– Прекрасно все прошло в институте, несмотря на то, что я – балда, – Агата залезает под плед и зябко кутается в него. – Только... голова разболелась страшно. Думала, умру где-нибудь по дороге.

– Ну какой черт дернул тебя так постричься? – Регина не может успокоиться. – Это вообще не твой стиль!

– Не знала, что у меня есть свой стиль.

– В том-то и дело, что ты его пока не нашла и косишь под других, – Регина роется в сумочке и выкладывает на трельяж продолговатый тюбик:

– Вот. Спрей-фиксатор тебе для волос. С такой стрижкой нужно постоянно делать укладку.

– Спасибо.

– И как ты это будешь делать, ума не приложу? Ты ведь совершенно не умеешь заниматься собой, Аверина. Макияж тебя, видите ли, раздражает; гардероб месяцами не обновляется...

– К твоему сведению, я была в парикмахерской первый раз в жизни.

– Вот-вот, и я о том... Дремучая!

– А гардероб обновлять... Да на какие шиши? Хотя, наверное, дело не в этом – просто не интересно.

– И ведь додумалась стричься, наверняка, в какой-нибудь задрипанной парикмахерской со вздутым линолеумом и криворукими мастерами. Могла бы попросить: Региш, так и так, мол. Отвела бы тебя к крутому стилисту, привели бы тебя в порядок по-человечески! Надеюсь, ты не оставила волосы в парикмахерской? – Регина вдруг настораживается.

– А что надо было сделать? Попросить их в пакетик завернуть?

– Ну конечно! Ты в курсе, что с этим не шутят? Вот потому, дорогуша, голова у тебя и болит. Да-да! Что-то не замечала, чтобы ты раньше жаловалась.

– Региш, ну хотя бы сегодня не надо этого, извини меня, бреда...

– Бреда? Приметы и суеверия – вовсе не бред! И, помнится, раньше ты думала иначе.

– Мало ли что было раньше.

– Но ведь это ты научила меня смотреть на вещи подобным образом – не глазами, а чувствами, а потом сама же и отрекалась от своего видения.

– С возрастом все меняется, и видение жизни в том числе, – Агата растирает виски. – У меня был сумасшедший день, ты просто не представляешь. И завтра тоже экзамен... Почему же таблетка не действует?

– А кто там в дверь звонил? С кем ты разговаривала? По-моему, и так вся компания в сборе.

– Ты не поверишь, если скажу... Помнишь чудика, который ходил за мной повсюду?

– Только не говори, что это он звонил в дверь...

– Нет. Приходила бывшая невеста Вадима.

– Какая еще невеста?

– Это со слов моей мамы. Ее зовут Марина. Она принесла цветы, а потом вдруг уставилась на меня, испугалась чего-то и унеслась опрометью.

– Ничего себе. А ты?

– Я выглянула в окно – хотела получше ее разглядеть. Смотрю, а за рулем сидит тот самый чудик. Представляешь? Это он привозил к нам Марину.

Регина округляет глаза, демонстрируя полное недоумение:

- Как думаешь, почему он ходит за тобой столько лет?
- Да откуда я знаю.
- погоди, не соображу что-то, – Регина снова поворачивается к зеркалу. – Выходит, тип, который преследует тебя, знаком с бывшей невестой твоего брата?
- Не знаю. Может знаком, а может он просто водитель такси. Может, то, что они были вместе – это элементарное совпадение?
- Довольно странное совпадение, – задумчиво произносит Регина, хлопая расческой по ладони. – Аверина, почему ты вечно попадаешь в какие-нибудь авантюры? Где ты их находишь?
- Задаю себе тот же вопрос целых семнадцать лет.
- Знаешь, я советую тебе рассказать обо всем Димке.
- Это еще зачем?
- Он – твой парень. Должен же он принять какие-то меры.
- Ну уж нет. Только Димку не хватало в это впутывать. Я запомнила номер машины, мне этого вполне достаточно.
- Достаточно для чего? Тогда уж доведи дело до конца: сообщи данные в полицию, пусть пробьют адрес чудака и проверят его. Может, он маньяк со стажем.
- И что я им скажу?
- Скажешь: так, мол, и так; тебя преследует какой-то псих; появляется в тех местах, где ты бываешь; ходит повсюду; маячит под окнами дома и так далее. Что ему нужно от тебя – непонятно. Пусть разбираются!
- Сомневаюсь, что нужно посвящать в это полицию.
- Ты ненормальная, Аверина! За тобой маньяк какой-то по пятам ходит, а тебе и дела нет. Когда ты рассказывала о том, как столкнулась с ним в подъезде... Мама родная! Если бы я столкнулась с *таким* в подъезде, то обделалась бы и умерла со страха еще до того, как он со мной заговорил! Кстати, он ничего тогда не сказал?
- Нет. Он тут же убежал, сломя голову. Сама посуди: если бы он хотел причинить вред, разве сбежал бы? Что-то мне подсказывает, что он безобиден, просто... наблюдает за мной.
- Аж мороз по коже... Наблюдает он. На кой черт, спрашивается?!
- Наверное, есть причины, просто мы их не знаем.
- Такие причины могут быть только у психопатов!
- А мне кажется, что все это не так просто. И многолетнее преследование этого человека имеет причины и как-то связано...
- С чем?
- Не важно. Одно могу сказать точно – я не должна впутывать в это дело посторонних. Должна сама во всем разобраться.
- Сама, сама... Снова завела свою пластинку. Дитя ты безмозглое, Агата. Дадут по башке, изнасилуют! Доиграешься!
- Перестань...
- А вот эта твоя скрытность вперемешку с гордыней когда-нибудь выйдет тебе боком! Помяни мое слово. Да что я тебя уговариваю? Возьму и сама расскажу все Димке!
- Агата собирается предупредить Регину, чтобы та не вздумала вмешиваться, но чувствует новый виток головной боли, а вместе с ним и тошноту и понимает, что не в состоянии сегодня спорить с подругой.
- Ты странная, Аверина, и проблемы у тебя тоже странные.
- Скажи лучше «эксцентричная», как выразилась вчера Вероника Аркадьевна Лазарева.
- Точно! – вскрикивает Регина и плюхается на диван так, что Агата едва с него не сваливается. – Я и забыла совсем про твой званый ужин! Заморочила мне голову своими маньяками, – она с упреком шлепает Агату по ноге. – Ну? Рассказывай! Как все прошло у Лазаревых?

– Да никак.

– В смысле?

– Паршиво все прошло. Но можешь меня поздравить: смысл выражения «попасть в змеиную яму» мне теперь известен.

– Да ладно...

– Им только оставалось плакат у входа повесить: «Желаем всего наилучшего, и надеемся больше никогда тебя не увидеть».

– Ну, в таком случае, эти Лазаревы просто идиоты! Вы с Димкой – идеальная пара. Он – красавчик, ты – тоже красотка! Даже такая дурацкая стрижка и то тебя не портит! Да и не в этом дело. Знаешь, что моя мама говорит? Что никогда еще не видела романа красивее, чем у вас. Она прямо-таки фанатка вашей пары. Только и слышу от нее: «Агата и Дима то, Агата и Дима се...» Хоть бы раз, ну, хоть бы разочек так сказала обо мне и Темке!.. Чем ты так не угодила этим Лазаревым, не пойму?

– Не угодила? Регинка, не смейся, это ведь Лазаревы!

– И что?

– Как это «что»? Мало того, что они в своем сыне души не чают, так он еще их единственный наследник. Димку растили как принца, и тут – я. Здравствуйте. Разумеется, на меня смотрят как на насекомое, особенно Вероника.

– Да. Наслышана. Вероника – суший инквизитор. А отец что? Неужели так же настроен?

– Да никак он не настроен. Даже не счел нужным взглянуть на меня. Сидел за столом так, будто я – вообще пустое место. Видимо, за решение подобных проблем у них отвечает Вероника.

– Это ты-то проблема?! – почти вскрикивает Регина.

– Не кричи так, прошу, голова разламывается... Мне ясно дали понять, что я в их доме – нежеланный гость. И Лазаревы пока еще не знакомы с моими родителями...

– Знаешь что? Ты эти свои комплексы выбрось из головы! Есть ты, и есть Димка, а все остальное...

– Ну конечно! – хмыкает Агата, не дав Регине договорить. – В какой-нибудь красивой скалочке – все так, но не в нашей с тобой реальности, – Агата отворачивается и вздыхает, вспомнив жеманное лицо Наташи, когда та просила Диму передать «привет» Веронике Аркадьевне. – Единственный наследник Лазаревых не может допустить промах, выбирая себе жену...

– Но ведь Димка твой так не думает, – лукаво замечает Регина. – Вы ведь собираетесь жить вместе – ждали только окончания школы. Мой Артемка и то обходит подобные темы стороной, а *твой* постоянно говорит о совместной жизни, о свадьбе, хотя за язык никто не тянет. Так что...

У Агаты вырывается истерический смешок, но она ничего больше не говорит.

Глава 9

– Порча. Дурной глаз. Зависть. Вероломная дружба. Предательство...

Порчей на человека считается осознанное причинение зла конкретному лицу, – говорит миловидная девушка с экрана телевизора. – Сглаз – это неосознанное воздействие на энергетику другого человека. Принципиальное отличие сглаза от порч, проклятий, приворотов и прочих магических воздействия именно в неосознанности.

– Вы хотите сказать, что одному человеку достаточно ненавидеть другого для того, чтобы причинить ему вред? – уточняет телеведущий.

– Именно так, и вне зависимости от того, осознанно ваше зло или нет, это всегда очень мощное воздействие, которое нарушает энергетику объекта. Злоба – это физическая величина. Если вы злитесь, злоба просто так не исчезнет. Она перейдет к другому человеку или уничтожит вас.

– А что конкретно угрожает человеку, скажем – мне, если кто-либо затаил на меня зло?

– Все зависит от того, насколько силен ваш враг – ненавидящий человек, от которого исходит негативное воздействие. А результаты могут быть самыми разными, – девушка разводит руками, – начиная с мелких неприятностей на работе, до неожиданной, неподдающейся лечению, болезни, зачастую со смертельным исходом...

– Мам, как ты это смотришь? – Агата допивает кофе и поглядывает на часы.

– Какая разница, что смотреть, – Анна зевает, помешивая ложкой чай. – Каждый имеет право говорить то, что считает нужным.

– Но не каждый обязан слушать и смотреть бредятину, – Агата поднимается из-за стола, подходит к раковине и в темпе моет за собой посуду. – Такие передачи убивают психику и вводят в депрессию. Насмотришься, потом сидишь угрюмая.

– Почему «угрюмая»? Обычное безмятежное состояние. Мышцы лица расслаблены, потому что я не контролирую их. Вот со стороны и кажется, что я угрюмая. Но мне не грустно. Человек не может постоянно находиться в эмоциональном возбуждении, не согласна?

– Как подобные вещи могут показывать по телевизору? – Агата осуждающе прищелкивает языком, глядя на экран. – Они отдают себе отчет в том, что кто-то может поверить в этот бред? Ты меня извини, но... – Агата берет пульт и переключает канал.

– Какой у тебя экзамен сегодня? – спрашивает Анна.

– Натюрморт, – Агата удивлена маминым вопросом. – Завтра – композиция на заданную тему, а потом вывесят списки. Если наберу пятьдесят баллов, буду допущена к экзаменам по общеобразовательным предметам.

– Ну, это для тебя сущий пустяк.

– Очень на это надеюсь. Будешь меня ругать?

– Ругать?

– Это примета такая: нужно ругать человека, чтобы тот хорошо сдал экзамен.

– В порчу не веришь, а в приметы, выходит, веришь? – ухмыляется Анна.

– Это все влияние Регинки, – Агата улыбается. – Она настолько суеверна, кому хочешь голову заморочит: поплевать через плечо, присесть на дорожку, и черных котов обходить чуть ли ни за километр.

– Беги уже, художница. Опоздаешь!

– Да, действительно. Разболтались мы что-то.

– Ни пуха ни пера.

– К черту! – бросает Агата на ходу, успев подумать с какой-то затаенной радостью: «Почему мы не можем всегда так общаться, мам? Ну почему???»

Всю дорогу в институт Агата не перестает улыбаться. С этой улыбкой она выходила из дома, и видела, что мама провожала ее с таким же выражением лица. «Как хорошо...» – думает Агата, а тепло, неожиданно подаренное мамой, наполняет ее на уровне подсознания, залечивает раны, как чудодейственная мазь. Кажется, все, наконец, налаживается, настоящее счастье совсем близко!

Агата бодро входит в аудиторию института, здоровается с членами комиссии, занимает место у мольберта.

Внимательно рассмотрев вазу с фруктами, на фоне различных тканей, она решает начать с самого темного оттенка. Работа продвигается хорошо, но Агате никак не удается передать ножку вазы, находящуюся в густой тени. Тогда она применяет хитрость, которую переняла когда-то у Вильчука – предельно точно пишет окружающее, чтобы уже на верно найденном фоне безошибочно ударить в цель, отыскав тот самый единственный нужный тон. Для Агаты это вызов, своего рода игра. Девушка сама не замечает с каким азартом включается в поиски на палитре и вот – уже пишет заветную ножку вазы! Но внезапно что-то меняется. Аура нежности, только что окружающая Агату, разлетается вдребезги, словно кто-то с силой ударил по ней. Агата чувствует резкую боль в висках и быстро отстраняется от холста, как от огня. Ей больно смотреть на свою работу: «Опять?!» Она не сомневалась, что приступ, заставший ее вчера на экзамене, был единственным и последним. Теперь же, секунда за секундой, с ужасом осознает, что приступ не просто возобновляется, но и набирает обороты: спустя несколько минут Агата уже и глаз не может открыть. Девушка продолжает работать, сначала сильно сощурившись, затем закрывает глаза, позволяя себе отдых на несколько минут и, открывая глаза, возобновляет работу. Но вскоре ей и это не удастся: сбоку, где в виске пульсирует невыносимая боль, начинает мерцать что-то яркое; кажется, что в глаз вставили острый штырь и медленно его поворачивают... Агата кладет кисть. Работать невозможно. «Что со мной?! Почему???!» Ей кажется, что у нее вот-вот взорвется голова. Сквозь муть в глазах она видит обеспокоенное, незнакомое лицо; шевелятся губы; ее о чем-то спрашивают, хлопая по щеке, но она не слышит ни слова, ни звука. Далекий потолок над головой медленно поворачивается, и все исчезает...

Ее везут на машине... Кажется, воеет сирена?.. Рядом (Боже, какое счастье!) оказывается Дима... Он держит Агату за руку, поглаживая пальцами ее лицо, и шепчет, что все будет хорошо. Агата пытается ответить ему, но снова и снова проваливается в зловещую темноту.

Глава 10

Дима ожидает в приемном покое, когда в коридоре появляются, запыхавшиеся от быстрого бега, Регина и Артем.

– Ты знала, что у нее уже был приступ? – Дима смотрит на Регину, одновременно отвечая Артему на рукопожатие. Никогда прежде Регина не видела Диму таким взволнованным. Даже его привычные заносчивость и высокомерие, сменяются ясно читающимся беспокойством.

– Ну, она вчера жаловалась на головную боль, но я даже значения не предала...

– Я просто в бешенстве. Как можно так наплевать к себе относиться? Врач, который ее осматривал, сказал, что подобные приступы очень опасны, тем более, если они уже были в прошлом. И она еще додумалась ехать в институт...

– А что врачи говорят? – интересуется Артем.

– Да что они могут сказать? Я звонил знакомому, описал симптомы; говорит, похоже на гипертонический криз, спровоцированный переутомлением. Вообще, нужна госпитализация и обследование, чтобы поставить точный диагноз. Вы привезли вещи?

– Привезли, – Регина приподнимает пакет. – И документы тоже. А как Агатка сейчас, можно к ней?

– Она спит, ей дали снотворное.

К Диме подходит медсестра:

– Вы приехали с Авериной?

– Да.

– Вы родственник?

– Ее молодой человек.

– А вы? – медсестра переводит взгляд на Регину с Артемом, – тоже не родственники?

Ребята отрицательно качают головами. Медсестра вздыхает, покосившись на руки Артема, покрытые татуировками:

– Ну, что делать? Идите тогда вы к врачу, – она снова обращается к Диме. – Нужно закончить оформление перед госпитализацией.

– Хорошо.

– А вы не могли бы отнести пакет в палату? – Регина мило улыбается и отдает медсестре привезенные вещи.

Дима заходит в кабинет врача и принимается отвечать на его вопросы. Регина слышит разговор через открытую дверь, поражаясь тому, насколько хорошо осведомлен парень ее подруги: он без труда указывает адрес, телефон и другие личные данные Агаты, словно встречается с девушкой не полтора года, а прожил вместе долгую супружескую жизнь.

– А кто тебе звонил? Как тебя разыскали? – интересуется Регина, когда Дима выходит из кабинета. – Ведь, насколько я поняла, Агату привезли сюда без сознания?

– Мой номер высветился последним в ее телефоне. Мне позвонили из института, я был неподалеку и сразу приехал. А теперь жду, когда она проснется.

– Я тоже останусь, – Регина присаживается на кушетку.

– Малыш, а я побегу, – Артем делает виноватое лицо и тербит пальцы Регины. – И так уже опаздываю. Через пол часа эфир.

– Как обычно...

– Не обижайся. Слышь, Димон, отвезешь ее потом домой?

– Без проблем.

– Ну, пока, – Артем наклоняется и целует Регину. – Я позвоню. Передайте Агатке, пусть выздоравливает.

– Он по-прежнему на радио работает? – спрашивает Дима у Регины.

– Да, – недовольно отвечает она, глядя Артему вслед. – Музыкальная программа, диджейство, группа – все никак не может повзрослеть... Бедняга Агатка, – добавляет Регина со вздохом. – Что будет после обследования?

– Проведут курс лечения. А почему ее мама не приехала? – вдруг возмущенно спрашивает Дима.

– Да как тебе сказать... – Регина скрещивает руки на груди. – Вообще, считай, что Анна Сергеевна на работе. Я позвоню ей позже и подробно обо всем расскажу.

– Мда-а... – Дима сдвигает брови. – Анна Сергеевна...

– Знаю. Странная.

– Это еще слабо сказано! Я бы, наверное, с северного полюса примчался, зная, что моего ребенка увезли на скорой, в тяжелом состоянии. Что же это за мать такая?

– Ох, Дим, не суди строго. Она не всегда была такой. У тети Анюты диагноз: агорафобия. Каждый выход на улицу для нее – пытка. Она и на работу ходит только ради Агаты.

– Серьезно?

– А ты как думал? Она такая с тех пор, как сын погиб. Сейчас намного лучше стало, а в первое время тетя Анюта словно дикая шарахалась от людей.

– Я понимаю – погиб сын, но ведь у нее по-прежнему есть дочь. Разве можно опускать руки?

Регина печально вздыхает, не зная, что ответить:

– Иногда мне кажется, что Агатка настолько самостоятельная, что вообще не нуждается в родителях. С тех пор, как умер Вадим, отец стал выпивать, а мать замкнулась в себе, она, видимо, поняла, что рассчитывать может только на себя и заставила себя повзрослеть. Чтобы ни от кого не зависеть.

– Слушай, а какой она была в детстве? – вдруг с интересом спрашивает Дима. – Я тоже учился в вашей школе, но совершенно не помню Агату.

Регина задирает брови, в готовности разрыдаться:

«Чтобы молодой человек интересовался какой ты была в детстве?! Боже мой, как мило! Надо будет ей потом рассказать!»

– А почему ты Агату об этом не спросишь? – удивляется Регина.

– Когда я прошу ее рассказать о себе, она отвечает, что это скучная тема для разговора.

– Знакомая отговорочка.

– Постоянно прошу ее показать детские фотки, но она всегда отказывает.

– Ну, а что тебя интересует? – Регина улыбается: «Кажется, Димка представил пухлые щечки, кукольные светлые локоны... Даже жаль его разочаровывать. А ведь действительно странно – как из невзрачной, нелюдистой девочки выросла такая красотка? И когда только эта перемена произошла в Агатке? Даже черты лица, будто, изменились с возрастом. Да и волосы у нее были намного темнее, не имели ничего общего с тем уникальным оттенком, которым теперь все восхищаются...»

Регина рассказывает Диме нехитрую историю о переезде семьи Авериных в конце девяностых из Казахстана в Москву. Они приехали к матери Михаила Юрьевича, которая была уже в возрасте и вскоре умерла. Анна – мать Агаты и Нелли – мать Регины, дружили со времен студенчества, и именно Нелли поспособствовала тому, чтобы обе их девочки учились в школе с углубленным изучением иностранных языков, а также договорилась, чтобы Агату приняли в тот же гимназический класс, куда зачислили Регину.

– До сих пор не понимаю, как мы стали лучшими подругами?

– Почему?

– Потому что мы из разного теста.

– Разноименные заряды притягиваются, хотя, я всегда считал, что у вас с Агатой много общего.

Регина отрицательно качает головой:

– Ничегошеньки подобного. В детстве Агатка была очень молчаливой, задумчивой, редко смеялась – полнейшая моя противоположность. Однако, чем больше я ее узнавала, тем больше убеждалась, что мне ни с кем и никогда не было и не будет так интересно, как с ней. Да, она была тихая, словно заброшенная всеми, девочка. К слову сказать – совсем не такая, какой мы знаем ее сейчас, потому не удивительно, что ты ее не помнишь. Но тому, кому удастся завоевать ее доверие, кому она раскрывается и впускает в свою жизнь, начинает казаться будто он...

– Стал героем кинофильма, – заканчивает Дима.

– Да, – зачарованно подтверждает Регина, поразившись точному сравнению.

– Мне это знакомо. С Агаткой не соскучишься.

– Артем так же говорит. Он обожает разговаривать с ней о музыке. Знаешь, в детстве Агатка постоянно рассказывала удивительные истории, сказки, а какие игры выдумывала! Настоящие головоломки с поисками приза по карте – мне бы до такого в жизни не додуматься. Ее фантазия, как будто, безгранична! Мы устраивали для родителей кукольные спектакли – кукол изготавливали сами, из пластиковых бутылок, из носовых платков, представляешь? А сценарии писала Агата. Делали комиксы, которые раскрашивали вручную. Когда папа подарил мне видеокамеру, мы стали снимать любительские фильмы и музыкальные клипы. Все, конечно, режиссировала Агата, а вот макияж и прически были на мне.

– А как погиб ее брат? – вдруг спрашивает Дима. Он чувствует, что Регина обходит эту тему стороной.

– Выбросился с седьмого этажа. Вчера было ровно десять лет.

– Вот это да...

– Тебе Агата не рассказывала?

– Мне было неловко ее расспрашивать.

– Да, собственно, она почти ничего и не помнит из того времени.

– В каком смысле?

– Ну, как тебе сказать... Смерть Вадима была, мягко говоря, неожиданной и очень странной. У него не было повода сводить счеты с жизнью. Он был очень веселый, открытый, перспективный молодой человек. Отличник, опора семьи, и все такое. Мы хоть и детьми были, но мне мама очень подробно эту историю рассказывала, поэтому я в курсе. У Вадима была невеста. Они любили друг друга. Был назначен день свадьбы. Все складывалось шоколадно, а потом, безо всяких причин, в одно прекрасное утро Вадим выбросился из окна. Поэтому этот поступок так и потряс всех, понимаешь? На улице перед их домом такое творилось... Тетя Аня головой об асфальт билась, кричала без остановки, что ее сын не умер! Ужас. Агате было всего семь – для нее это было настоящей детской травмой. И после этой загадочной смерти, у Агаты начались видения. Даже к психиатру пришлось обращаться. Все было достаточно серьезно.

Дима потрясен:

– Как ей удалось выйти из этого состояния?

– Помогло общение с врачом. Он применил какую-то экспериментальную методику, и сделал так, чтобы Агата забыла обстоятельства смерти Вадима. Кажется, это называется «добровольной амнезией». После этого болезнь Агаты пошла на убыль, и Агата, как будто, отрезала от себя часть прошлого, связанную со смертью брата. Поэтому, если речь заходит о Вадиме, Агата вовсе не скрывает, просто она толком ничего не помнит. Даже Нина Юрьевна – наша классная, просила учеников не заговаривать с Агатой о смерти Вадима, чтобы не травмировать ее.

– А это точно было самоубийством?

– Конечно.

– Откуда ты знаешь, если говоришь, что у Вадима не было для этого повода?

– В суициде Вадима никто никогда не сомневался.

– Я сомневаюсь всегда и во всем. Не верю даже, что смерть Вильчука была самоубийством.

– Не напоминай... – Регина встряхивает руками, будто отгоняет духов. – А то у меня опять нервный тик начнется. Как вспомню этот наш выпускной...

– Странно это все.

– Вадим выбросился из окна своей комнаты, в этом нет никаких сомнений, – отрезает Регина. – В комнате он находился один и, главное, мне мама говорила, Вадим оставил предсмертную записку.

– А что он написал, не знаешь?

– Знаю. «Береги ее».

– И все? Никаких объяснений?

– Никаких.

– Что это может означать?

– Да откуда я знаю? Возможно, он обращался к матери, имея ввиду «береги Агату». Вадим очень любил сестру.

– Подожди. Странно как-то получается. Выходит, Вадим практически завещал матери заботиться об Агате. Если Анна Сергеевна так любила своего сына, то должна пытаться выполнить его просьбу во что бы то ни стало и глаз не спускать с дочери.

– Логично. Но только в том случае, если Вадим в записке действительно обращался именно к матери и имел ввиду Агату.

– А к кому еще он мог обращаться?

Регина в очередной раз пожимает плечами:

– Понятия не имею. Одно могу сказать точно – хорошо, что наш Вильчук, в свое время, проявил внимание к Агатке и увлек живописью. Рисование лечило лучше, чем это мог сделать какой бы то ни было врач. Агата сразу обрела себя и перестала забивать голову ерундой. – Регина оглядывает Диму с женским любопытством. – Кроме того, Агате очень повезло, что она повстречала тебя.

– Вадим покончил с собой, и Вильчук тоже, – рассуждает Дима, не слушая Регину.

– К чему ты клонишь? Ты что, думаешь, их смерти могут быть связаны?!

Глава 11

- Есть новости, Гектор?
- Агату оставили в больнице для выяснения окончательного диагноза.
- Сколько человек в палате?
- Две женщины, но они не опасны. Я проверил их ночью – агриды с зеленой энергией.
- А ее парень? Он рядом?
- Дима приезжает каждый день, проводит с Агатой по многу часов. Ее агрид немного питается его энергией, пытаясь восстановиться... Агата забирает даже его энергию, понимаешь, что это значит?
- Этого не достаточно, чтобы восстановиться. Разрушительный процесс уже запущен. Если восприятие Агаты не изменится, ничто ее не спасет. Даже энергия Димы.
- Нужно что-то делать, Сонора. Она же умрет...
- А что мы можем? – вмешивается Вира, за что сразу получает от Гектора гневный взгляд. – Предлагаешь отдать ей нашу энергию?
- Вира права, – кивает Сонора. – К сожалению, даже я беспомощна в этой ситуации. Родители навещают ее?
- Нет. Мать передает через Диму приветы, фрукты, но сама в больнице не появляется. О том, что с визитом явится отец, можно и вовсе не беспокоиться.
- Может, это и к лучшему. Не хватало еще Агате получать *укусы* от агридов собственных родителей...

Глава 12

Врачи, проводившие обследование Агаты, приходят к выводу: девушка измотана, находится в перенапряжении и нуждается в элементарном отдыхе.

Первые трое суток Агате дают на ночь снотворное. На четвертый день, вдоволь отоспавшись, она чувствует такой приток свежих сил, что решает покинуть больницу.

– Я просто теряю драгоценное время, – заявляет она врачу на утреннем обходе. – Я себя отлично чувствую и не хочу упускать возможность поступить в институт из-за такой ерунды.

– Категорически запрещаю вам любые нагрузки, – возражает врач. – Вам необходим постельный режим. Пройдете полное обследование, потом будете гулять.

– Какая в этом необходимость? Я ведь просто...

– У моего недавнего пациента, – перебивает врач, – который, кстати, был немного старше вас, при медицинском осмотре обнаружили повышенное артериальное давление. Он отказался от госпитализации, так же как и вы, сказав: почему я должен лечить то, что у меня не болит и никак не мешает мне жить? А через неделю он потерял сознание прямо на работе и попал сюда же, в терапевтическое отделение с сильнейшим гипертоническим кризом, а через сутки – в реанимацию, с диагнозом «инфаркт», от которого и скончался. Это случилось по вине самого пациента, который с самого начала не лечил заболевание, а продолжал работать, получая повышенные нагрузки, в результате чего и умер, даже не успев понять, что с ним произошло и почему. Я рассказываю это для того, чтобы подобное не случилось с вами, милая барышня, и хочу объяснить...

– Не беспокойтесь, со мной такого не случится.

– Скажите, вам важнее поступить в институт или сохранить здоровье? Молодой человек, – врач обращается к Диме, который только что вошел в палату. – Повлияйте на вашу девушку, меня она совершенно не слушает.

– Агатка, тебе действительно лучше закончить обследование, – Дима присаживается на край постели.

– Не просто «лучше», а «совершенно необходимо», – поправляет врач.

– Где гарантии, что к вечеру тебя не привезут обратно с таким же приступом? Сейчас не время беспокоиться об учебе.

– На факультете всего двадцать бюджетных мест. Я набрала уже половину максимальных баллов. Если сейчас не поступлю, то потеряю год... Сейчас же напишу расписку, или что там нужно, и уйду отсюда! – Агата пытается встать, но Дима удерживает ее. Врач сомнительно качает головой, наблюдая за ними.

– Если есть уважительная причина для пропуска, разрешается пересдача. Да пусть же меня!

– Да что ж с тобой сделать? Связать? Будешь лечиться столько, сколько потребуется, понятно? – командует Дима. – Учеба подождет.

– Я каждый день клялась себе, что поступлю...

– Поступишь. И станешь известной художницей. Все будет так, как ты планировала. Но если будешь продолжать загонять себя, то вообще не сможешь встать. Ну, подумай головой. Посмотри, до чего ты и так себя довела!

Глава 13

Существование людей и агридов протекает в разных плоскостях. Разница в том, что агриды видят и чувствуют людей, в то время как для людей, агриды не видимы и почти не осязаемы.

Агриды никогда не бывают сыты.

Эти древние существа, не имеющие материальной оболочки, являющиеся сгустками светящейся энергии, всю свою жизнь проводят в поисках жертвы, чтобы утолить непрекращающийся голод.

Когда агриды долго странствуют в поисках очередного планетарного поселения, на который им предстоит напасть, их голод становится настолько невыносимым, что они переходят к каннибализму – выпивают энергию своих сородичей. В такие моменты исход схваток между агридами решает лишь преимущество силы. Сильнейший агрид выпивает энергию более слабого: без сожалений, без чувства вины, без угрызений совести. Агриды уничтожают слабых, больных и старых сородичей, убивают даже детей, постоянно соревнуясь между собой за право победителя. Их жестокость не имеет границ.

Агрид становится сильнее с каждой смертью своей очередной жертвы.

Глава 14

– Что произошло? – Дима холодеет.

– Мы точно не знаем, что вызвало приступ... – отвечает медсестра. – Да не волнуйтесь вы так. Вы прямо побледнели. Присядьте.

Дима отказывается, но медсестра, обеспокоенная его видом, настаивает, чтобы он сел.

– Соседка по палате сказала, что у Агаты из носа стала хлыстать кровь, – продолжает медсестра, – а затем начались судороги. Это случилось вскоре после вашего ухода. О чем вы говорили? Не ссорились?

– Нет, конечно! Я привез ей альбом, как она просила. Когда я уходил, она рисовала. Была в прекрасном настроении.

– Она так сильно любит рисовать?

– Агата не расстается со своим альбомом! Постоянно делает наброски. Вдохновение к ней приходит, даже если она смотрит на трещину в стене.

– Не знаю, как приходит вдохновение, но боюсь, что придется с ним повременить, – медсестра демонстрирует Диме альбом Агаты, залитый алыми пятнами крови.

– Я даже подумать не мог...

– Ну, разумеется. Откуда вам было знать, что такой пустяк спровоцирует приступ? Но самочувствие Агаты ухудшилось настолько, что пришлось перевести ее в отделение интенсивной терапии.

– Можно ее увидеть?

– Пока нет. Я попрошу врача, чтобы вас пропустили, когда Агате станет лучше. Договорились?

Дима кивает и пытается оправиться от шока. Он достает мобильник и звонит Анне, чтобы сообщить об ухудшении состояния ее дочери. Однако, женщина почти не реагирует на известие, а когда Дима просит ее приехать, безо всяких объяснений кладет трубку. Дима сжимает челюсть и злобно отбрасывает телефон; опираясь локтями на колени, запускает пальцы в волосы. Белые стены коридора и тихое гудение ламп превращают минуты ожидания в бесконечность. Наконец, кто-то кладет Диме руку на плечо. Он поднимает глаза.

– Агата проснулась, можете войти на минутку, – с улыбкой сообщает медсестра, и по тишине, царящей в отделении, Дима понимает, что уже глубокая ночь. Он идет за медсестрой, заходит в палату Агаты.

– Я только что разговаривала с мамой по телефону, – Агата говорит слабым голосом. – Она хотела приехать, но я сказала, что у меня все хорошо, чтобы она не беспокоилась. Ей тяжело бывать в людных местах, понимаешь? Она больна. Ты не злился на нее и не звони ей больше. Мама просила тебя завтра заехать. Хочет что-то передать для меня...

Дима ничего не отвечает, только тяжело дышит и не моргая смотрит на бледное лицо Агаты:

– Не пугай меня так больше, хорошо?..

Глава 15

В последующие дни врачи теряются в догадках и не могут с уверенностью сказать: что именно вызывает приступы Агаты?

– Скажите прямо, Лев Петрович, что с моей девушкой? – спрашивает Дима. Лечащий врач Агаты лишь разводит руками:

– Откровенно говоря, в моей практике такое впервые. Показатели анализов в пределах нормы, а состояние Агаты ухудшается каждый раз...

– Каждый раз, когда она пытается рисовать, – договаривает Дима. – Как это понять? Разве существует такая болезнь?

– Действительно очень странно. Ведь обычно любимое занятие действует как панацея – исцеляет от болезни, а не наоборот. Но в случае с Агатой... Стоит ей сделать набросок в альбоме, как возобновляются головные боли. И больше всего меня беспокоят судороги и кровотечения... Если у вас есть знакомый специалист, которому вы доверяете больше...

– Да нет, что вы! Я доверяю вам, просто объясните, как нам быть дальше?

– Мы подождем и понаблюдаем. Для начала, попробуем сбавить нагрузку на глаза с помощью коррекционных очков. Кроме того, я прописал Агате витамины и глазные капли. Ну, и, как бы парадоксально это не прозвучало – Агате следует воздержаться от занятий рисованием.

Глава 16

Переступив порог, Дима и Агата натываются на грудку пустых бутылок. В квартире спертый воздух, сильно накурено. Дима старательно делает вид, будто ничего не замечает, тем временем из комнаты орут сразу в несколько глоток:

- Какая сволочь там еще пришла?
- Воды налей, падла!
- А по зубам не хочешь? Твою мать...

Взглянув на Агату, Дима понимает, что она воспринимает все как неизбежное, а она уже в сотый раз сожалеет, что разрешила проводить себя «до двери».

В коридоре появляется Анна. Глядя перед собой невидящим взглядом, она проходит мимо Димы и Агаты и, не сказав ни единого слова, запирается в своей комнате. Лицо Агаты искажается, словно осененное страшной догадкой, она бросается в свою комнату. Дима не сразу понимает в чем дело, а когда заходит следом, видит с каким отчаянием Агата снова и снова ощупывает какую-то шкатулку.

- Ты здесь деньги хранила, да? – без труда догадывается Дима. – Много он взял?
- Да там и брать было нечего...

Дима подходит и садится рядом с Агатой. От ее волос все еще пахнет больницей.

- Ты прости, Дим, так неудобно...

– За что я должен простить? – Дима с ненавистью косится в сторону соседней комнаты, из которой доносится мат и возмущенный, что-то настойчиво доказывающий, мужской голос. Разумеется, Дима знает обо всем, что происходит в этой семье, но одно дело – знать, а другое – соприкоснуться самому, почувствовать кожей...

– Да, он не силен в естественных науках. Его привлекает другое. Например, Димуля обожает живопись, литературу, иностранные языки, – настаивает Вероника.

- Вообще, всякую ерунду.*

- Почему ерунду?*

– Потому что тем, кто работает, не до музыки и не до литературы, – жестко заявляет Сергей. – Я тащу на себе все проблемы компании, а Димка до сих пор в игрушки играет! Вкалывать надо! И заниматься тем, что приносит реальный доход. А в свободное время – пожалуйста, занимайся, чем хочешь.

– Сережа, гуманитарные науки – это вовсе неплохо, – протестует Вероника. – Например, тяга к изучению языков. Не сомневаюсь, что Димуля станет дипломатом, как и его дед – мой покойный отец...

Единственного наследника Сергея Афанасьевича Лазарева никогда не волновали те планы, которые строил на его счет отец.

«Мне не нужно дело отца. Мне нужно свое дело...» – уверенно заявлял мальчик, не собираясь симулировать интерес к семейному бизнесу. На его счастье, во всех затеях и прихотях его поддерживала мать, имевшая на людей гораздо большие влияния, нежели могло показаться на первый взгляд.

В 1985-м году, узнав о своей долгожданной беременности, Вероника Лазарева оставила сцену и успешную карьеру балерины. С тех пор она полностью посвятила себя любимому сыну. Ее супруг Сергей – владелец строительной компании, почти не бывал дома и принимал мало участия в воспитании ребенка, но Вероника, наотрез отказавшись от детских садов и посторонних женщин в доме (в виде нянек и гувернанток) стала для сына и няней, и учителем, и другом.

Вероника много читала Диме, много говорила с ним. Ей удалось с детства завоевать доверие своего прелестного ребенка. Он был единственным смыслом ее жизни, она постоянно обнимала его.

Стараниями матери Дима отлично развивался: свободно изъяснялся на трех языках, изучал уклады и обычаи других стран, с малых лет (под влиянием матери) мечтал о карьере в дипломатии. В конце концов, даже Сергей свыкся с мыслью, что сын пойдет по стопам своего деда.

Когда Дима стал подростком, они с матерью по-прежнему хорошо понимали друг друга, пока однажды Дима не рассказал матери о том, что влюбился в свою одноклассницу и целовался с ней. Вероника долго не могла разобраться в своих ощущениях по поводу услышанного. Она скорее бы умерла, чем признала, что ее чувства к девочке, укравшей первый поцелуй ее прекрасного сына, основаны на ревности. С тех пор Вероника демонстрировала еще больший энтузиазм по поводу профессиональных устремлений сына, лишь бы он не отвлекался от учебы, как можно дольше оставался холостяком и не связывал себя серьезными отношениями с женщинами. Если Вероника и видела кого-то в роли своей будущей невестки, так это дочь близких друзей семьи – Наташу Новикову. Отец Наташи был успешным дипломатом Российского посольства в Токио и мог поспособствовать намеченной карьере Димы. Но, главное, Вероника не видела в Наташе прямой соперницы, так как чутко предвидела, что дружба, связывающая Диму и Наташу, так навсегда и останется дружбой; потому не находила ничего страшного в сближении детей, в их будущем союзе, не сомневаясь, что подобные отношения никогда не перерастут в сильное, полное страсти чувство – и Веронике это вполне устраивало. Она демонстрировала симпатию к Наташе лишь для того, чтобы обеспечить неизменное присутствие девушки в своем доме и незаметно навязывала сыну мнение относительно будущей женитьбы.

Как только Дима понял, что происходит, свет доверия, соединяющий его с матерью, мгновенно угас. Диме стало трудно делать вид, будто он не замечает, как мать контролирует каждое его движение. Он задыхался от избыточности материнской опеки и после окончания школы, выразил твердое намерение жить вне родительского дома.

В отличие от супруги, Сергей не нашел в желании сына ничего предосудительного, потому купил Диме квартиру в центре Москвы, а также поспособствовал поступлению на факультет международных отношений.

Опьянев от свободы, в которой ему было отказано целых восемнадцать лет, Дима пустился во все тяжкие. Менять любовниц для молодого, блестящего, перспективного студента МГИМО стало такой же естественной потребностью, как пить, есть и дышать. Вероника приходила в ужас, когда консьерж, следивший по ее просьбе за каждым шагом Димы, рассказывал, что в его квартире постоянно бывают женщины.

– Загуливает ваш сынок так, что чертям тошно! – уверял консьерж.

– В его возрасте это в порядке вещей! – отшучивалась Вероника, а сама рвала и метала: «Ему в жизни не найти женщину, которая любила бы его так, как я. Я столько для него сделала и продолжаю делать!» Веронике служила утешением лишь та мысль, что в жизни обожаемого сына, она по-прежнему оставалась главной женщиной и любые одноразовые дешевки – ей были не соперницы.

Тем временем, обреченный судьбой на беззаботную, сладкую жизнь, Дима разбивал чье-то сердце и без сожалений начинал все заново со следующей девушкой. В него невозможно было не влюбиться. Помимо привлекательной внешности, Дима обладал изысканным вкусом. Еще с юности он приобрел привычку хотя бы раз в месяц пройтись по музейным залам, посмотреть выставку, сходить в театр. И все это не мешало ему вести образ жизни современного плейбоя. Он очаровывал, располагал к себе, и никто не видел за этой маской несчастного, одинокого человека.

В самый разгар празднования своего двадцатилетия, находясь с друзьями в ночном клубе, где была арендована ложа с прекрасным видом на зал, Дима вдруг почувствовал ужасное раздражение. Никаких причин для этого не было, все было как всегда: захмелевшие красавицы танцевали, парочки то и дело уединялись в укромных уголках, друзья собирались гулять до раннего утра за оплаченный счет, а новая изящная подружка была готова исполнить любое желание Димы. Он находился в центре разгоряченной толпы, но его пробирал озноб. Ему казалось, что он один в целом мире, и не было никого и ничего рядом, за что он мог бы ухватиться. Обведя глазами зал, Дима вдруг провалился в собственную бездну разочарования и невежества, сошел с ума за одну секунду и понял – будь у него в руках пистолет, он, не раздумывая, вышиб бы себе мозги, лишь бы перестать ощущать хроническое удушье от вида того, что его окружает, и, оказываясь – до тошноты ему чуждо.

Не предупредив ни друзей, ни свою девушку, Дима уехал с вечеринки, заперся в своей квартире, отключил мобильник и словно умер для всего и для всех.

Проходили дни. Дима оглядывал свою жизнь, состоявшую из фальши, без единого настоящего лица и занятия; жизнь, в которой не имел чего-то по-настоящему дорогого и ценного, где не окружало ничего, кроме осточертевших тусовок, гламурных девиц и самовлюбленных друзей. Он понимал, что давно питает заглушенную неприязнь к городу, который его окружает, к людям, с которыми он общается, а главное, к самому себе.

Дима исключил мысль о самоубийстве, но полностью потерял вкус к жизни.

Его мать, хоть и не признавалась себе в этом, но тайно праздновала победу – отречение Димы от светской жизни, заставило его полностью сконцентрироваться на будущей карьере. «Чем ему хуже, тем усердней он учится, – приговаривала Вероника. – Он с детства таким был».

После серьезных размышлений Дима твердо решил, что по окончании университета уедет из России и будет работать за границей.

Может, он просто хотел убежать от своей матери?

Единственное, что оставалось у Димы личное, для самого себя, как отдушина – это живопись. Дима был буквально одержим живописью с самого детства. Разглядывая картины на выставках, он будто перешагивал за границу обыденности, растворялся в мечте, ждал, что вот-вот с ним случится что-то невероятное. Ему не довелось овладеть секретами рисования, оставшись (по собственным словам) лишь ценителем в этой области, но он с удовольствием общался с художниками, в том числе, навещал своего старинного друга – преподавателя изобразительного искусства Андрея Борисовича Вильчука. У них всегда были дружеские отношения, основанные на взаимном уважении, поэтому, если с кем-то Дима и мог обсудить свои проблемы, так только с Андреем.

Оказавшись неподалеку от школы, где преподавал Вильчук, Дима решил нанести другу визит, даже не догадываясь о том, что в этот день суждено измениться всей его жизни.

Андрей Вильчук – заядлый художник-маринист не один год трудился над стенами своей мастерской, которые были расписаны от пола до потолка и соединяли репродукции самых известных полотен с изображением моря. Любой, оказавшийся в мастерской, ощущал себя заброшенным на одинокий клочок земли, среди бушующей стихии и дрейфующих кораблей.

Дима вошел в мастерскую и вдруг увидел яркое, белое пятно – сидевшую за мольбертом ученицу. На вид девочке было лет пятнадцать. Ее светлые волосы отражали солнечные блики, и Диме показалось, будто она светится. Даже нарисованные на стенах волны оживали в присутствии этой девочки. Как всегда звучал Вивальди (Андрей не признавал работы без музыки) и девочка, слишком поглощенная работой, не сразу удостоила взглядом вошедшего Диму, а затем, вдруг, подняла глаза. Это продолжалось секунду, долю секунды, мгновение. Но ее образ остался, как отпечаток в мозгу: где-то в лобной доле застыло изображение девочки с прозрачной кожей, смело посмотревшей пристальным, хрустальным взглядом,

без смущения, без страха, без любопытства. Это было похоже на чудо. С этим отпечатком Дима шел после, и вслед за ним летели звуки скрипки, и вслед ему выливался целый океан, и все смотрели, смотрели эти глаза...

Дима без труда нашел повод для знакомства с ней.

Он попросил написать свой портрет, она согласилась, приступила к работе, во время которой он украдкой поедал ее глазами, убеждаясь, что мечтал именно о ней, даже не зная о ее существовании.

А дальше (просто не верится) Дима впервые понял значение слова «живу», потому что услышал ее смех, коснулся ее нежнейших губ, ощутил по-детски мягкую кожу и ее учащенное дыхание. Дима поймал на себе влюбленный взгляд, не имеющий ничего общего с детской робостью, словно говорящий: «я твоя». Но склонившись над ней, почувствовав ее напряжение, испугался разбить ее, словно она состояла не из плоти, а из тонкого стекла. Дима восхищенно коснулся губами ее губ и понял, что полюбил так, как можно полюбить только раз в жизни.

С самого начала Дима стремился защищать и оберегать Агату всеми способами. Он относился к ней, как к чуду, которое уже и не надеялся найти. Вскоре в его мыслях Агата стала царить безраздельно, и если изначально, зарождаясь, чувство к ней звучало нежной мелодией, кружившей на одной ноте, тихо напеваемой на ухо, то со временем уподобилось звучанию целого оркестра, который невозможно было ничем заглушить. Ведь столько всего примешалось к этой мелодии с момента, когда Агата подарила Диме свой первый взгляд. Она сроднилась с ним. Связалась крепким узлом с его душой. И заставила поверить в сказку...

Агата поднимается и осторожно обходит Диму.

Только сейчас, наблюдая за ней, Дима замечает, что дверь в ее комнату, варварски взломана – задвижка замка сбита, а сама дверь чуть не сорвана с петель.

– Это какая-то ошибка, – теряя терпение, бормочет Дима. – Ты не должна здесь жить. Как ты до сих пор здесь не чокнулась, Агатка?

– Слушай, я думаю тебе лучше уйти. Извини.

– Нет уж, – Дима нетерпеливо поднимается, берет Агату за руку и тянет за собой.

– Ты что?

– Мы уезжаем. Не позволю тебе здесь ночевать, да еще и без замка на двери.

– Куда?! Я у мамы в спальне лягу; закроюсь. Ничего страшного.

– Да? Тебя три недели дома не было, мама и не посмотрела в твою сторону!

– Это из-за таблеток, которые она принимает, ты же знаешь... Куда ты меня тащишь?

– Это уж моя забота, – голос Димы гулко раздается по подъезду. Он нажимает кнопку вызова лифта. – Больше тебя здесь не оставлю. Будешь жить у меня.

– Исключено. Мы это обсуждали. С какой стати? В квартиру твоих родителей я не поеду. У меня есть свой дом.

– Это – моя квартира.

– Не твоя. Не ты на нее заработал, – Агата не собирается уступать. – Разговор окончен. Пустите руку, пожалуйста.

– Агата...

– Дим, мы ведь так не договаривались.

– Если помнишь, мы договаривались снять квартиру и жить вместе. Или ты уже передумала?

– Не передумала. Но раз уж я не поступила в институт, то планировала сначала устроиться на работу. Я не собираюсь сидеть на твоей шее.

– Господи, да почему ты так одержима желанием за все заплатить?

– Да потому что мне никогда ничего не доставалось даром!

Дима терпеливо выдыхает:

– Значит так. Переночуем у меня, а завтра я займусь поисками квартиры, за которую мы будем платить вместе. Устраивает? По-моему, это нашим планам не противоречит.

– Как я маму оставлю здесь одну?

– Ей что-то угрожает? Не думаю, что твоя мама не сможет о себе позаботиться, да и из тебя защитник сейчас «не очень». И потом, ты можешь хоть раз сделать, как я прошу? – Дима по-прежнему крепко сжимает руку Агаты и не спускает с нее черных сверлящих глаз. Агата со вздохом прислоняется плечом к стене. Сегодня она настолько вымотана, что не в состоянии думать, обсуждать, и, тем более, пререкаться.

Кабина лифта распаивается.

– Ну хорошо, – сдается Агата. – Только на одну ночь.

Глава 17

Небо осыпано мерцающими точками, затягивающими в бездонную пустоту. Одна точка светит настолько ярко, что на нее больно смотреть, но по какой-то непонятной причине именно от ее притягательного, огненного сияния невозможно оторвать взгляд.

– Ты смотришь не на звезду, – Анна говорит неживым голосом, словно заводная кукла.

Агата отводит взгляд от окна и удивленно оборачивается:

– Мам? Ты как здесь оказалась?

Анна словно не слышит вопроса:

– Это – комета.

Агата снова смотрит в окно на огненную точку, которая превращается в красное пятно и вырастает в размерах...

– Когда *она* прилетит – ничего не станет, – безмятежно продолжает Анна. – И это правильно. Это метла, которая выметет всю паутину...

ЭТО МЕТЛА, КОТОРАЯ ВЫМЕТЕТ ВСЮ ПАУТИНУ.....

Комета проходит через атмосферу и быстро приближается к Земле. Агата видит (словно в кино) как люди корчатся от боли и ужаса. Как нечто невидимое, смертоносное, огненное атакует одного за другим. Агата пытается отмахнуться от этого зрелища:

– Это просто дурной сон! Наш мир несокрушим! С нами ничего не случится!

– Иллюзия безопасности – наше главное заблуждение, – шепчет Анна в ответ. – Наш мир очень хрупкий. Разве ты не видишь, дочка, что он обречен?

Комната расплывается, и Анна исчезает.

Агата делает шаг и оказывается в концертном зале с красными порттьерами. Кругом множество рукоплещущих людей. Красивая смуглая девушка читает со сцены монолог, но все зрители обернуты к ней спиной. Агата движется в полумраке. Ее окликает мужчина, сидящий в правой части зала. Он похож на киноактера, улыбается белоснежной улыбкой и подмигивает Агате. Его имя вертится у нее на языке, она отлично его знает, и он знает ее (мужчина зовет Агату так, словно имеет на это право) но неожиданно, с левой стороны зала, появляется Дима.

Агата тут же бежит к нему. Рядом с Димой нет свободного места, поэтому Агата садится к нему на колени, обнимает его. И вдруг замечает, что пол под ногами начинает проваливаться...

Это вовсе не концертный зал, это – салон самолета. И этот самолет терпит крушение. Раздается страшный рев. Дима и Агата повисают на кресле словно на ниточке над разверзнувшейся бездной. Агата вцепляется в Диму, что есть сил. Мысль о скорой смерти пронзает ее затылок ледяной волной:

– Не отпускай меня! НЕ ОТПУСКАЙ!!! – Агата вопит, ужасаясь спокойному безмолвию происходящего – никто кроме нее не реагирует на крушение: зрители-пассажиры сохраняют мертвенную неподвижность, смуглая девушка продолжает читать монолог, даже Дима спокоен.

– Не бойся. Ты умрешь не так, – говорит Дима.

Агата поднимает на него вопросительный, полный ужаса взгляд:

– Что ты сказал?

– Вот твой убийца. Разве ты не видишь?..

Лишь сейчас Агата замечает отвратительные черные пальцы, обхватившие спинку соседнего кресла. Она слышит мерзкий монотонный смех и с криком просыпается...

– Ты чего? – испуганно спрашивает Дима. Он уже одет и собирает какие-то бумаги в кейс.

– Кошмар приснился... – Агата озирается в темноте. – Жуть какая-то. Мне вообще никогда не снятся кошмары... Который час?

– Рано еще. Извини, не хотел тебя разбудить.

– А ты что, уходишь?

– У меня дела, – Дима смотрит на часы. – И я ужасно опаздываю.

Агата высвобождает руки из под одеяла и протягивает их к Диме. Дима улыбается, откладывая документы, плюхается на кровать и покрывает Агату поцелуями:

– Неужели такое счастье возможно, а, Агатка?

– Так приятно проснуться рядом с тобой...

– Теперь так будет всегда, – Дима нежно целует губы Агаты. – Кстати, – он слегка отстраняется, – вчера вечером, когда ты совершенно предательским образом отрубилась, я был в аптеке.

– Да что ты говоришь?

– И купил все, что тебе прописал твой врач. Теперь особенное внимание – принимать по рецепту, не самовольничать, договорились? И вообще, ложись-ка спать. Я бы сам с удовольствием...

– Я уже не усну.

– Тогда смотри телек, не знаю, отдыхай. Позвони Регинке, кстати. У тебя вчера сотовый разрывался.

– Что ты на меня так смотришь?

Дима улыбается:

– Как?

– Будто видишь первый раз в жизни.

– Потому что я тебя люблю, глупышка ты моя.

– Ах, да...

– А ты меня любишь?

Вместо ответа Агата снова притягивает Диму за плечи и изо всех сил прижимается к нему. Он целует ее. За нежными и медленными поцелуями следуют более чувственные.

– Стоп... – Дима резко отстраняется, – надо остановиться, иначе тебе несдобровать. Агатка, я серьезно – отпусти. Мне бежать надо!

– Нет! – хнычет Агата.

Со смехом высвободившись из ее объятий, Дима заканчивает сборы и выходит за дверь.

– Завтрак на столе, – говорит Дима в дверях.

– Спасибо.

– До вечера. Не скучай тут без меня.

– Я буду скучать.

– Я тоже. Не забудь на чем мы остановились, – Дима подмигивает. Агата отвечает ему улыбкой, сонно отводит волосы с лица и какое-то время лежит, бесцельно разглядывая незнакомый потолок. Затем встает и выходит из спальни. При Диме ей было неловко все разглядывать, но теперь, оставшись в одиночестве, любопытство требует удовлетворения.

Холостяцкая квартира для жизни в свое удовольствие оказывается довольно точным отражением своего хозяина: просторная, с современным красивым ремонтом в японском стиле; с огромной светлой кухней, глянцевыми столами и шкапами. На столе Агату ожидает обещанный завтрак: «Оладушки». Жуя на ходу, Агата оказывается в уютной гостиной, затем попадает в кабинет. На стене напротив окна – множество фотографий в одинаковых рамках. На каждой – улыбающийся Дима. Его фирменная хмурая улыбка, по которой Агата бережно проводит пальцами. Его Друзья. Родители. Девушки... На некоторых снимках Дима запечатлен с ними в обнимку. Над диваном – фото во всю стену с изображением Токио: урбанистический хаос из стекла и бетона, подсвеченный яркими красками уличной рекламы.

– Город его мечты... – Агатой овладевает досада, испытанная недавно в доме Лазаревых. Она снова чувствует себя инородным элементом среди роскоши, среди образцового порядка, среди всего того, к чему привык ее возлюбленный, и от чего так далека она сама.

Агата садится на диван, достает мобильник: «Ничего себе – девять пропущенных вызовов от Регинки!» – она не может не улыбнуться.

– Я тебе звонила вчера весь день, Аверина... – с обидой заявляет Регина, как только Агата перезванивает. – Куда ты провалилась?

– Ну, прости. Не до того было. Я у Димки ночевала.

– Так, с этого момента поподробнее...

– Давай не по телефону, – резко прерывает Агата, предвидя какой поток вопросов ожидает ее после подобного заявления. – Сможешь сюда приехать?

– Спрашиваешь! Буду у тебя через полчаса. А что случилось-то?

– Расскажу при встрече. Пока.

К приходу Регины Агата успевает смастерить нехитрый обед из того, что находит в холодильнике, и просмотреть в интернете список художественных ВУЗов, в которых все еще не закончились вступительные экзамены.

– Не парься ты с этим институтом, – говорит Регина, проходя в гостиную и осматриваясь, – подумаешь, не поступила. Димка не сегодня-завтра замуж позовет. Зачем тебе вообще учиться?

– То есть? Я не собираюсь сидеть у него на шее. К тому же я не привыкла бросать начатое дело на полпути: хотела поступить и поступлю.

– Учти, Аверина, главный источник, питающий невроз – это незавершенный гештальт. Отпусти ситуацию, и все наладится само собой. Я всегда так делаю. Я тоже пролетела с институтом, и что? Нисколько не переживаю.

Агата удивленно поднимает брови:

– Как это «пролетела с институтом»?

Регина плюхается на мягкий диван, раскинув руки:

– Юридический факультет? ПФ-ф... Аверина, не смейся. Ну, какой из меня юрист? Это был выбор родителей. Им хотелось, чтобы я попыталась. Я попыталась. Все.

– Причем здесь родители? Не хочешь учиться на юриста, есть множество других профессий.

– Ну уж нет, хватит с меня. От конспектов уже голова квадратная. Что ты так переживаешь? Выйдем замуж, нарожаем детей, и на кой черт нам тогда эти дипломы? Чтобы в рамочке на стенку повесить? Главное – не высшее образование, а высшее соображение. К примеру, у моего отца нет высшего образования, но он многого добился. А мама потратила пять лет на институт, и чем она занята? У плиты торчит! Печет твои любимые пироги.

– Дело твоё, конечно, – Агата пожимает плечами, – но у меня другая точка зрения. Если бы не эта болезнь...

– Хреново ты выглядишь.

– Да?

– Да. Синяки под глазами... – Регина поднимается, оглядывая комнату. – Так, давай-ка садись сюда, – она хлопает по сиденью стула. – Пора, моя дорогая, начинать соответствовать новому статусу невесты Дмитрия Лазарева.

– Чего?

– В порядок тебя приведу, «чего»!

До того, как Агата успеет что-либо возразить, множество кисточек, разноцветных баночек и коробочек всех размеров и форм беспорядочно высыпаются на журнальный столик. Регина приступает к макияжу Агаты и каждый раз, произнося «последний штрих», вдруг вспоминает об очередной мелочи и суматошно начинает искать нужную баночку или кисточку. Она хмурит брови, прищуривает глаза, как творец над своим шедевром, а под занавес принимается за причёску – брызгает лаком, проделывает невероятные фокусы с феном. Агате кажется, что этому не будет конца:

– Регинка, а долго еще?

– Молчи, Аверина, молчи, – Регина закручивает очередную прядь на большую круглую расческу, – красота требует жертв. Или ты устала? Голова не болит?

– Нет. Порядок.

– Кстати. Я тут все больше думаю о твоей странной, загадочной болезни и связываю ее, не поверишь, с твоей злополучной стрижкой волос.

Агата исподлобья смотрит в зеркало:

– Ты опять за свое?

– Аверина, поражаюсь твоему легкомыслию! Ты в курсе, что волосы – это мощные накопители энергии? Не зря ведь есть поговорка: «Ворон волос украдет – человек с ума сойдет».

– Впервые слышу такую поговорку.

– Да ты вообще мало что слышала, темнота ты несусветная. А между тем, в традициях многих народов существует правило – беречь свои волосы. – Регина кивает, указывая подбородком на золотистый тюбик на столе, и Агата передает его через плечо. – Спасибо. С помощью срезанных волос, – продолжает Регина, откручивая тюбик одной рукой, придерживая приготовленную прядь, другой, – можно не только наслать на человека болезнь, но и воздействовать на его поведение. А если оставлять волосы на полу, выметать их, топтать, то появятся головные боли.

Пока Регина говорит, Агата пытается подсчитать в уме: сколько денег находилось у нее в шкатулке, с учетом последних трат? А также думает: где можно недорого заказать установку новой двери? Ей с трудом верится, что Дима выполнит свое обещание и займется поисками квартиры.

– Ты меня слушаешь, Аверина? Я говорю, йоги не остригают волосы по той же причине, чтобы удержать энергию внутри себя. Мало того, еще чалму закручивают таким способом, по часовой стрелке и...

Агата нажимает кнопку фена, в шуме которого утопает голос Регины и, комично подняв брови, показывает жестами, что не слышит ни слова.

Регина укоризненно качает головой и выключает фен:

– Аверина, ну до чего ж ты дикая, упрямая!

– Регинка, ну не обижайся. Не могу я всерьез принимать твои слова. Как можно связать «стрижку волос» и «болезнь»? Неприятное стечение обстоятельств, не более того. Я не спору, что волосы – это генетический материал, который несет некую уникальную информацию человека, – Агата изо всех сил старается не засмеяться, – но если бы все было так фатально, как ты говоришь, то половина человечества... уже давно бы вымерла.

– А может, так и есть? Может, и вымерла? Просто откуда нам об этом знать?

– Извини, я не верю.

– Мой отец – взрослый, состоявшийся мужик, и тот верит в «дурной глаз» в отличие от тебя, невежды; много лет сотрудничает с эзотериком, которая помогает ему в бизнесе, создавая благоприятную ауру. А ты даже этим не интересуешься!

– А ты даже Этим интересуешься! – огрызается Агата.

Раздается звонок в дверь.

– Димка? – Регина указывает большим пальцем на дверь.

– Непохоже. Я не ждала его раньше шести вечера.

Агата идет открывать в смутном предчувствии. На пороге стоит Вероника Аркадьевна Лазарева и кажется куда менее дружелюбной, нежели в день знакомства с Агатой.

– Я могу войти? – холодно спрашивает Лазарева.

Агата отступает и вежливо здоровается. Лазарева по-хозяйски проходит по коридору и осматривается:

– Вы здесь теперь живете?

– Нет, – твердо отвечает Агата, пока Регина закусив губу, осторожно выглядывает из комнаты. – Я здесь в гостях, Вероника Аркадьевна. А это – моя подруга.

– Которая у вас в гостях, – язвительно подмечает Лазарева. – А где же Дима?

– Он на работе.

– Очень интересно, – лицо Лазаревой вытягивается, ладони складываются в замок. – Мне казалось, мы с вами уже все выяснили и поняли друг друга, – Лазарева бросает на Агату такой ненавистный взгляд, что та невольно сжимается, и тут слышится звук поворачиваемого в замке ключа.

«Слава Богу, Димка!» – у Агаты словно камень падает с души.

Дима заходит и совершенно спокойно оглядывает присутствующих:

– Всем привет...

Лазарева окатывает сына многозначительным взглядом:

– Димуля, можно тебя на минутку, – она идет в гостиную, и Дима, бросив «я сейчас», послушно следует за матерью.

– Вот гадство... Как неудобно... – Регина собирает свои безделушки со стола, беспорядочно забрасывая их в сумку. – Все, я ушла, Аверина. Созвонимся. Или тебе лучше, чтоб я осталась?

– Лучше нам вместе уйти, – отвечает Агата.

Девушки поспешно выходят из квартиры. Вызывают лифт. До них доносятся громкие голоса:

– Сколько можно опекать меня, будто я ребенок?!

– Речь идет о твоём будущем, которое ты сейчас гроишь! Но ты, как глухой, не слышишь ничего, что тебе говорят!

– Я не собираюсь отчитываться! Тебе было бы легче, если бы я вмазал этому козлу и его собутыльникам? Как я мог оставить Агату в том притоне?

– Да что ты вообще забыл в том притоне?! Запомни, я не допущу, чтоб твоя жизнь пошла наперекосяк! Ты понял меня?

Регина косится на Агату, судорожно нажимающую кнопку вызова лифта.

«Скорее отсюда!» – Агате невыносима мысль еще раз пересечься с Лазаревой. Ей хочется испариться.

– Ну и стерва-а! – протягивает Регина, едва оказавшись на улице. – От нее же негативной энергетикой за километр веет!

Агата прибавляет шаг, Регина едва успевает за ней:

– Аверина, что ты молчишь? Ну, заори что-ли, покрой матом, не знаю... На тебя смотреть страшно!

Агата коротко дергает плечом, поправляя сумку:

– Не вздумай меня утешать, понятно? Все нормально.

– Ну брось, – Регина ободряюще приобнимает подругу, – не переживай. Пойдем в кафе. Отвлечемся, поболтаем. Никуда твой Димка не денется. Он ведь не дышит, когда ты рядом. Смотрит на тебя – аж слюни текут. Вот и он, смотри! Влюбленный наш Ромео. Несется сломя голову!

Агата оглядывается: Дима и вправду бежит за ними.

– Агатка! – Дима подбегает и хватается ее руку. – Подожди...

– Прости, что так убежала, – говорит Агата, опустив глаза, – спасибо за гостеприимство, но мне лучше поехать домой. Правда... Извинись перед мамой и не вздумай с ней ссориться. Все нормально.

– Стой, иди ко мне, – Дима обнимает Агату. Он тяжело дышит после быстрого бега. – Я тебе обещал, что это только на одну ночь? Мама уже ушла. Пойдем вещи собирать.

– Какие вещи?

– Я снял для нас квартиру. Больше тебя никто не побеспокоит.

Глава 18

– Она раньше русский язык и литературу преподавала, – шепчет Агата. – А еще писала стихи.

– А что заканчивала? – шепотом спрашивает Дима.

– Педагогический, в Питере. Там они с папой и познакомились. И с Нелли. У нее пятилетний аттестат и диплом с отличием. Она их хранит и иногда, перебирая вещи в комод, достает и так бережно-бережно рассматривает и снова убирает в папку с документами. А знаешь сколько у нее книг?

– Значит, после смерти Вадима, твоя мама так и не вернулась в школу? – спрашивает Дима, подложив руку под голову.

– Мама больше не может преподавать. К тому же за время ее отсутствия место в школе занял другой человек – какой-то молодой учитель по звонку сверху. А в магазине, напротив нашего дома, была вакансия – требовался продавец-кассир. Вот и завертелось. Наверное, мама думала, что это на полгода, год, но нет ничего более постоянного, чем временное.

– Она – слабый человек, – шепчет Дима, поглаживая Агату по щеке, – так бывает. Не сравнивай себя с ней. Ты совсем другая. Ты всего добьешься. Ты сильная.

– Ну, хотя бы кажусь сильной, и слава Богу, – Агата опускает ресницы. – На самом деле я – не сильная. Просто... научилась жить сама по себе.

– А как же я?

– Ты – другое дело.

– Ты не подпускаешь меня близко.

– Не подпускаю? Как ты можешь так говорить после всего..?

– Не обижайся, малыш, но ты словно боишься... полюбить меня. Почему?

Агата отводит взгляд:

– Вместе с любовью приходит боль, и она намного больше любви... Капля любви в море боли.

– Я понимаю, что в твоей жизни было очень много боли, но я никогда не сделаю тебе больно. Никогда не оставлю тебя. Всегда буду рядом, запомни. Я хочу провести с тобой всю жизнь. И никогда не разлюблю тебя – это просто невозможно. Ты веришь мне?

– Верю. Но что, если твое мнение изменится? Вдруг ты перестанешь видеть во мне что-то особенное и станешь смотреть на меня так же, как все *они*?

– Я никогда не буду смотреть на тебя так, как все.

Агата улыбается:

– Так говорил мой брат...

– Расскажи о нем, – просит Дима, поправляя подушку. – Мне так нравится слушать твои рассказы.

– Про маму рассказала, теперь настала очередь Вадима? Ну, что тебе рассказать? Я помню, что любила его гораздо больше, чем своих родителей. Вадим был для меня всем: и отцом, и матерью, но, в то же время, я как будто не знала его. Каким он был на самом деле? Может, идеальным он был только для меня?

– Слушай, Агатка, а правда, что твой отец был главным инженером ракетных войск, когда вы жили на Байконуре?

– Правда. И даже успел состариться на этой работе. Ты не подумай, отец не всегда был таким, как сейчас. Помню, в детстве папа часто брал нас с Вадимом с собой в отдел по управлению полетами. Примерно в километре от стартовой площадки мы наблюдали как взлетали ракеты, – Агата чуть приподнимается. – Знаешь, из облака дыма вырывалось зарево. С жутким грохотом! Так гроыхало, что суслики из нор выскакивали. Честно-честно! Ну, чего ты

смеешься? Потом из этого облака медленно поднималась ракета, будто маленький карандаш, и с ускорением влетала в облака. Прорубала в них отверстие, сквозь которое лунный свет столбом падал на землю...

– Агатка... – Дима очерчивает пальцами контур ее губ.

– Что?

– А почему мы шепчем? Смешно, как будто боимся разбудить кого-то.

– Не знаю, – Агата улыбается. – Потому что ночь.

– Скорее уж утро, – смеется Дима. – Тебе хорошо?

Их ноги сплетаются под одеялом. Они лежат, тесно прижавшись, и моргают, глядя друг на друга в темноте. Дима проводит ладонью по обнаженной гладкой спине Агаты и, чувствуя его тепло и губы на своем лице, она начинает засыпать. Совсем еще юная Агата делает для себя по-настоящему взрослое открытие, которое решает сохранить ото всех, в том числе и от Димы, в секрете. Она окончательно и бесповоротно понимает, что Он – ее жизнь. Больше для нее не имеет смысла дышать или за что-либо бороться, если до самой смерти она не сможет так же, как сейчас, засыпать и просыпаться рядом с Ним.

Глава 19

Все эмоции, состояния или мысли агридов, как и всех разумных существ, окрашивают их защитные оболочки (обереги) в определенные оттенки. Оттенок оберега – первое, на что обращает внимание агрид при выборе своей жертвы.

Страх, болезнь, покорность, уныние, скорбь, отчаяние – окрашивают оберег в синие или голубые оттенки.

Страсть, любовь, возжелание – в ярко-красные.

Гнев, ярость, ненависть, зависть – оберег становится фиолетовым.

Радость, счастье и удача – сияют золотистым.

Хитрость, ложь, притворство и коварство – оранжевым.

Спокойствие, уверенность, убежденность в своей правоте – все оттенки зеленого.

Цвет оберега меняется в зависимости от изменения эмоции и ее силы: чем сильнее эмоция, тем интенсивнее будет оттенок.

Кроме того, для каждого агрида существует врожденный цвет – своего рода, окрас, который остается неизменным от рождения агрида и до самой его смерти.

(Агата протягивает руку к прикроватному столику, делает глоток энергетического коктейля, приготовленного по рецепту Соноры, слегка морщится, глотая напиток, и читает дальше)

Существует три базовых окраса агридов. В этой главе мы их подробно рассмотрим:

1. Фиолетовый окрас.

Данный оттенок указывает на то, что агрид склонен к насилию, жестокости и нападению на другие, более слабые существа. Агриды с фиолетовым окрасом составляют 40% популяции. Они умны и коварны, знают как добиться своей цели и идут к этой цели напролом, а их невероятно сильные обереги отлично отталкивают от себя атаки врагов. Фиолетовые агриды умело используют гнев и злобу, преобразуя их в идеальный и надежный инструмент для своей защиты.

(Агата перелистывает страницу)

2. Синий окрас

Агриды с синим (или голубым) оттенком составляют 40% популяции и являются самыми слабыми и уязвимыми ее представителями. Их обереги не отталкивают, а впитывают в себя гнев и злобу, как губка. Это происходит до тех пор, пока накопленные негативные эмоции полностью не растворяют оберег, затем заполняют всего агрида и отравляют его. Синие агриды практически гниют заживо, мучительно и долго умирая.

3. Зеленый окрас.

(Агата прозвала зеленый окрас «Окрасом Врачей», обнаружив, что почти все медики носят в себе зеленых агридов)

Агриды с зеленым окрасом составляют 20% популяции и обладают очень крепкими, жизнестойкими оберегами. Атаки гнева и злобы отскакивают от таких оберегов словно мячики, поэтому зеленые агриды практически неуязвимы. Однако энергия зеленых агридов, несмотря на свою недоступность, достаточно пресна на вкус и не пользуется особой популярностью. Зеленых агридов попросту не хочется убивать.

Глава 20

Первые недели летят для Димы и Агаты словно в сказке. Однокомнатная с самой незамысловатой обстановкой квартира становится их маленьким раем. Они чувствуют себя беглецами, укрывшимися от враждебного, наскучившего им мира и на какое-то время забывают обо всем, кроме своей любви. Дима не упоминает о ссоре с матерью, Агата не вспоминает о сорвавшемся поступлении в институт... Словно само ощущение времени меняется, уместив все их прошлое в одну крохотную точку, а настоящее (сейчас) делается широким и бесконечным. В этом «сейчас» можно встречать рассветы на собственной лоджии, расстелив плед на полу и обнявшись; любоваться закатами на берегу озера; и целые ночи напролет не отводить друг от друга ненасытных взглядов.

Агата (возможно даже больше, чем Дима) прекрасно понимает, что «сейчас» не может продолжаться бесконечно. Моложе возрастом, но много старше интуитивной женской мудростью, она знает, что время никогда не удастся обмануть. Рано или поздно, будущее, застывшее в ледяной неподвижности, подступит и неизбежно попросит заплатить по счетам. И будущее не заставляет себя долго ждать. В скором времени у Агаты снова случается приступ. Она попадает в больницу, правда, на этот раз, от госпитализации наотрез отказывается.

На следующий день ее приходит навестить Регина.

– У Димки такие хоромы, а вы здесь ютитесь? – спрашивает Регина вполголоса. Устроившись на диване, они с Агатой обмениваются новостями.

– Не хотим никому быть обязанными, – отвечает Агата.

– Дима тоже так думает?

– Это как раз его слова.

– А его родители? Они хоть знают, что вы сняли квартиру?

– Дима говорит, им необязательно знать обо всем, что с нами происходит.

– Даже так...

– Дима даже не стал звонить отцу по поводу работы, хотя никак не может устроиться по специальности. Разослал свое резюме везде, где только можно, но – все бестолку.

– Что делать? Времена такие. Надо запастись терпением.

– Буквально вчера позвонил его друг, и пригласил Димку в свою фирму в качестве помощника, чтобы обрабатывать документацию.

– И Димка согласится на такую малость? А как же его планы? – Регина не успевает получить ответ. В комнату заходит сам Дима.

– Все секретничаете, – он подходит к компьютерному столу, садится и, несмотря на его дружелюбную улыбку, Регина сразу же чутко понимает, что с ним творится на самом деле.

Дима в растерянности, в отчаянии. После ссоры с родителями, на которых он рассчитывал в плане трудоустройства, он попал в сложное положение. Сейчас его амбиции кажутся ему гораздо более далекими и неосуществимыми, чем на первом курсе института. Единственное, в чем Дима по-прежнему уверен, так это в том, что хочет быть рядом с Агатой...

– Говорю Агатке, какие вы счастливые, как у вас хорошо, какие вы молодцы! – улыбается Регина.

– Регинка мне рассказывала, что устроилась на работу в Beauty&Fashion, – говорит Агата.

– Куда устроилась? – переспрашивает Дима, не отворачиваясь от экрана.

Регина округляет глаза:

– Да ты что! Это же известная сеть магазинов дизайнерской одежды.

Дима пожимает плечами:

– Не слышал.

– Кстати, – Регина обращается к Агате, – Луиза передавала тебе привет.

– Ух ты! Она меня еще помнит? Спасибо. Ей тоже передавай привет.

– Луиза спрашивала, ты случайно не надумала вернуться? Одна из девушек как раз уходит в декретный отпуск, и в магазине есть вакансии. Мы бы могли работать с тобой вместе.

– Даже не знаю. Нужно подумать.

– А почему бы и нет, Аверина? Было бы здорово.

Молча слушавший Дима поднимает руки с клавиатуры и оглядывается:

– Она болеет. Какая еще работа?

– Уволиться можно в любой момент, – размышляет Агата вслух. – Такую работу сложно найти.

– Вот именно, – вклинивается Регина.

– Ушам своим не верю, – Дима с негодованием смотрит на Агату. – Тебя позавчера уволили на скорой. С этими приступами, мы и так живем как на пороховой бочке. Не хватало еще, чтобы ты пропадала в каком-то магазине.

– Вообще-то – это не магазин, а шоу-рум, – Регина отбрасывает волосы. – Крутое место. Там часто бывают звезды всякие, шоумены, политики... Вообще, окружение прекрасное.

– Не сомневаюсь.

– Ладно, Дим, не заводись, – Агата смотрит на Регину, делая рукой знак, чтобы та молчала.

Однажды Агата прочла, что с просьбами, которые заведомо не обрадуют собеседника, к нему лучше обращаться через полчаса после окончания трапезы. Сегодня, шутки ради, Агата решает проверить это на деле. После ухода Регины, и после того, как Дима заканчивает ужин, Агата выдерживает заветные тридцать минут и, как можно небрежнее, возвращается к прерванному разговору:

– Дим, по-моему мне и в самом деле стоит принять приглашение Луизы.

– Давно не каталась на скорой?

– Почему же? Позавчера прокатилась, я помню. Только встала за мольберт, как хлынула кровь из носа... Мистика какая-то, – Агата хмурит брови. – Я даже карандаш не могу взять в руки, не то что приняться за серьезную работу. Стоит приблизиться к холсту – начинается приступ. Словно кто-то мне ставит запрет на любимое занятие. Еще немного, и я поверю в то, что Регинка права...

– В чем?

– В том, что моя болезнь возникла не случайно...

– То есть?

– Неважно, ерунда, – Агата встряхивает белокурой головой. – Болезнь не дает мне права бездельничать. Раз уж не учусь, то должна работать. И я не понимаю, что тебя смущает в предложении Регины?

– Да просто не возьму в толк, какая в этом необходимость? Тебе так хочется независимости?

– Нет, но глупо упускать возможность. Я не понаслышке знаю, что устроиться в подобное место почти невозможно – молоденьких девушек с приятной внешностью, хоть отбавляй. В прошлом году, во время каникул, я смогла устроиться в Beauty&Fashion по протекции Нелли: владельцы магазина ее друзья. Зарплата там на порядок выше, чем в обычных бутиках.

– Нет, Агата. Сиди-ка лучше дома. Мне так будет спокойнее.

– Да что со мной может случиться?

– Во-первых, ты не совсем здорова; во-вторых, я не хочу, чтобы тебя обхаживали всякие хмыри-толстосумы и пускали слюни. Ясно выражаюсь? Уж, извини, но такая работа больше подходит для твоей подружки.

– Никто не будет меня обхаживать. Это же ни какая-нибудь забегаловка, а элитный бутик в двух шагах от Кремля.

– Вот это меня и беспокоит.

– Не знала, что даю тебе повод для подобных беспокойств.

– Вся моя теперешняя жизнь – одно сплошное беспокойство.

– Ну, хорошо. Где мне по-твоему работать? Я только что школу окончила, и не виновата, что болезнь отвлекла меня от получения образования.

– Считай, что ты вышла за меня замуж. Как твой муж, я против того, чтобы ты работала, а по вечерам моталась на метро. Забирать я тебя не смогу – ты знаешь, что я еду из другого конца города. Кроме того, считаю, торговля – совершенно не подходящее для тебя занятие, – по выражению лица Димы ясно, что это его последнее слово.

– Я не вижу ничего плохого в том, чтобы работать в сфере торговли, а вот в безделье – вижу. К тому же я не собираюсь устраиваться туда навсегда. Подвернется что-то более стоящее, изменится наша финансовая ситуация – сразу же уволюсь. Просто сейчас, как еще по-другому...

– Что «по-другому»? – черные глаза Димы возмущенно сверкают.

– Я просто хочу помочь. Я же знаю, ты уже истратил почти все свои сбережения. Квартирной хозяйке отдал деньги сразу за три месяца, крутишься, как белка в колесе, даже переводами занимаешься, а я...

– Мне не нужна твоя помощь, – отрезает Дима. – Я прекрасно со всем справляюсь. Спасибо. И вообще, когда ты под присмотром – мне спокойнее. Так я быстрее улажу собственные проблемы.

Глядя на обиженное лицо Димы, Агата понимает, что разговор не приведет ни к чему хорошему:

– Ладно. Нет так нет, – она поднимается, подходит к плите, чтобы поставить чайник.

– Ты действительно так сильно хочешь работать? – смягчается Дима. В глазах Агаты мелькает лучик надежды:

– Конечно. Очень!

– Ведь ты же умница, светлая голова. И будешь, что, продавать тряпки? Да ты через два дня сбежишь оттуда.

– Ну, если сбегу, вопрос отпадет сам собой!

Пока Дима не успел возразить, Агата начинает строчить, как из пулемета, перечисляя все достоинства Beauty&Fashion:

– Работа не утомительна для зрения, – убеждает Агата, загибая пальцы, – мне нет нужды проходить обычные процедуры: составлять резюме, встречаться с менеджером по персоналу. Потому что Луиза – владелица, меня отлично знает! К тому же мой лечащий врач сказал, что мое заболевание, скорее всего, имеет психосоматический характер, и мне не следует заикливаться на нем. Нужно разнообразить жизнь, переключиться на что-то другое. Вот я и переключусь! Коллектив в магазине отличный: в штате вместе со мной, Луизой и Региной, будет всего одна девушка – Маша. Помнишь ее? Мы ее как-то на машине подвозили?

– Не помню, – Дима морщится.

– Классная девчонка.

– Агата, причем тут она?

– Притом, что в магазине мне будет очень интересно. Там замечательное окружение. Одна Машка чего стоит! Таких людей сейчас: раз, два и обчелся. Неужели ты ее не помнишь? Приезжая. Живет в Москве пару лет. Пыталась поступить во ВГИК, но не получилось. Так и осталась работать у Луизы.

– Кукушка кукушонку купила капюшон...

– Ну, что ты смеешься?

– Да нет, мне не до смеха. А ты, оказывается, такая хитрая, – Дима притягивает Агату и усаживает на свои колени. – Специально заговариваешь мне зубы какой-то Машкой.

– Да я и не думала...

Дима улыбается:

– Ну, хорошо-хорошо. Работай в своем магазине, если хочешь.

Агата ликующе взвизгивает и принимается покрывать Диму поцелуями:

– Считай, что это твой подарок мне на день рождения!

– На счет дня рождения будет отдельный разговор, а на счет работы давай договоримся так: ты будешь работать, только при условии, что тебе это будет в радость.

– Конечно в радость, конечно!

– Если будешь уставать или плохо себя чувствовать, сразу же скажешь мне об этом. Обещаешь?

– Я сильная, Димка, ты просто не знаешь. Пойду Регинке позвоню, обрадую новостью. Она с ума сойдет! Мы ведь даже не надеялись, что ты согласишься! – Агата вскакивает, но Дима удерживает ее за руку и возвращает на место. Агата прекращает суетиться, спокойно обвивает шею Диму руками, и глубоко вдыхает его запах. Как же ей хочется сказать: «Любимый! Единственный мой! Родной!», но в горле как всегда комок. Услышать нежности от Агаты практически невозможно. Вот Дима, напротив, часами может говорить ей ласковые слова. Агате же кажется, несмотря на то, что любовь переполняет каждую ее клетку, говорить об этом вслух, пусть даже такому близкому человеку как Дима, бессмысленно и странно. Она думает, что чувства, становящиеся словами, проходят некий фильтр и утрачивают всю свою глубину и вложенный в них смысл, и уверена, что любовь невозможно высказать словами, так как любовь важнее слов... И все-таки Агата решается:

«Я безумно люблю тебя, Димка», – слышит она собственные мысли и уже собирается озвучить их, глядя Диме в глаза, как вдруг раздается свист чайника на плите.

Момент упущен.

– Будешь пить чай? – спрашивает Агата с унылым вздохом, опустив ресницы, и тут происходит невероятное. Не говоря ни слова, Дима проводит пальцами по лицу Агаты. Он любовно и нежно оглядывает ее, словно видит впервые. Сердце Агаты замирает от такого взгляда, и вдруг она понимает, что Дима прочел ее мысли.

– Я знаю... – шепчет Дима в ответ, и его лоб упирается в лоб Агаты. – Я и сам безумно люблю тебя, малыш...

Глава 21

Обычный утренний распорядок: подъем ровно в шесть утра, зарядка, душ, и быстрые сборы.

В шесть сорок пять, чмокнув спящего Диму в щеку, Агата на цыпочках выходит из дома и бойким шагом направляется к метро.

В час пик метро столицы походит на заколдованный муравейник, наполненный сонными, замученными болезнями и проблемами, существами, которые движутся потоками (на работу, с работы) лишь по той причине, что когда-то появились на свет, и теперь их жизнь попросту катится по инерции. На их лицах написано многое и разное, но обязательно это «многое и разное» прикрыто масками равнодушия, иронии, презрения, разочарования, вечной усталости или недовольства – словно все, как один, сговорились: маска – это наилучшая защита от всех бед.

В поезде Агата принимается потихоньку «снимать» эти маски с людей, разглядывая их лица и начинает мысленно писать все новые и новые портреты, переводя взгляд от одного, к другому, к третьему... думая при этом: «Я не скисну, как все вы. Жизнь никогда не покажется мне утомительной и бессмысленной, потому что я чувствую в себе нечто особенное, и клянусь, я дам выход всему тому, что переполняет меня, положу жизнь на то, чтобы заниматься своим любимым делом. Это – моя цель, и я никогда не сдамся. Я знаю, ради чего живу». Подобные мысленные установки умиротворяюще действуют на Агату, словно окружая невидимой защитой, ореолом волшебства, от которого отталкиваются (и Агата почти уверена, что слышит с каким звоном они отталкиваются) все напасти и беды, витающие в воздухе, а витает их вокруг – не мало.

Выйдя из душного метро, Агата сразу же погружается в атмосферу мегаполиса. Как обычно девушка поворачивает в переулок, где начинается пешеходная зона. Кофейня, деловой центр, театр и вот, наконец – трехэтажное здание с красочными витринами. Агата попадает в него с черного хода, предъявив пропуск охраннику.

Жизнь торгового центра кипит, несмотря на ранний час.

Подойдя к магазину с вывеской Beauty&Fashion, Агата видит за стеклянной витриной свою начальницу – Луизу Кравец – высокую, зеленоглазую шатенку, которая как обычно раньше своих сотрудниц находится на рабочем месте.

– Луиза, доброе утро!

– Доброе, – взглянув на часы, Луиза подносит к ярко накрашенным губам чашку с кофе. – Слушай, ты – молодец! Работаешь второй месяц, и еще ни разу не опоздала, в отличии от других.

– Да вы что! Машка и Регинка так стараются.

– Могли бы получше стараться. Вы все должны быть на рабочем месте за двадцать минут до открытия магазина.

Сегодня Луиза явно не в духе, но, вообще-то, она очень нравится Агате. Ее жизненный путь Агата ставит себе в пример. Они обе, Луиза и Агата, родились в Казахстане, и обе с раннего детства были увлечены любимым делом и стремились к заветной мечте. Для Луизы любимым делом было шитье, которым она увлекалась, по ее словам, сколько себя помнила и сидела за швейной машинкой даже по ночам. Переехав в Москву, Луиза вышла замуж за известного бизнесмена Леонида Воропаева, и вместе с ним открыла сеть магазинов, став дизайнером бренда. Дела Луизы быстро пошли в гору, изделия обрели популярность, и теперь она известная личность, постоянный лауреат премий в области моды. К Beauty&Fashion Луиза относится как к своему детищу, поэтому работает по двадцать четыре часа в сутки: днем неустанно сле-

дит за тем, чтобы ее очаровательные (как на подбор) сотрудницы должным образом обслуживали клиентов, а по вечерам любит посидеть за созданием новых эскизов с бокалом вина.

Постоянно присматриваясь к своим сотрудницам, Луиза с сожалением понимает, что из троих девушек довольна лишь одной. Только Агата соответствует всем ее требованиям: «Две другие наглые и избалованные. Машке повезло, что на лицо смазливая, а Регинке, что ее мать – моя подруга!»

Больше всего в жизни Луиза не любит разочаровываться в людях, но, к счастью, в Агате день за днем обнаруживает весьма надежную помощницу. Луизе, наконец-то, есть на кого положиться, и она часто оставляет Агату «за старшую», когда находится в разъездах.

– Агата, меня не будет на следующей неделе, – говорит Луиза. – Нужно будет подготовить торговый отчет.

– Хорошо. Я все сделаю.

Агата как всегда направляется в комнату персонала, где переодевается в идеально отглаженную форму, прикрепляет к белоснежной блузке бейдж и выходит в зал. К работе девушка подходит ответственно – не зря Луиза так ею довольна. Обслуживать клиентов и продавать одежду у Агаты выходит легко, непринужденно, с удовольствием и в этом нет ничего удивительного: ведь Агата счастлива, влюблена, она словно светится изнутри, люди невольно чувствуют это и тянутся к ней.

Появляется Маша. Здоровается с Луизой и, сверкнув огненно-рыжими кудрями, скрывается в комнате персонала.

Самой последней в магазин приходит Регина. Она получает от Луизы выговор за опоздание, но ей все равно – она уверена, Луиза не посмеет уволить дочь своей подруги. Регина не спеша переодевается, приводит себя в порядок, и выходит в зал, красиво покачивая бедрами. К этому моменту Агата уже успевает продать несколько платьев из новой коллекции.

– Как тебе это удастся, Агатка? – Маша облокачивается на кассовую стойку. – Что ты такого особенного говоришь клиентам, чтобы они у тебя одежду буквально из рук рвали? – в вопросе Маши нет лукавства. Ей и вправду интересно.

– Есть такое выражение: «Новичкам везет», – говорит Регина, опередив Агату с ответом и продолжает поправлять длинные волосы перед зеркалом. – Когда я только начинала, у меня тоже...

– Благодаря таким новичкам, как Агата, мы уже два месяца перевыполняем план продаж, – парирует Луиза и аккуратно отводит локоть Маши, которым та опирается на кассовую стойку. – Если бы вы поменьше прихорашивались, а побольше работали, ваш результат был бы не хуже, чем у Агаты. Что вы обе продали вчера, например?

– Просто Агатка чувствует людей, – отшучивается Регина. – У нее такой природный дар.

– Просто Агата серьезно относится к тому, чем занимается, – наставительно высказывается Луиза. – Она постоянно задает мне вопросы, изучает каталоги с коллекциями. А вы? Торговля – это элементарный навык и внутренний настрой, девочки.

Луиза вновь принимается упрекать Регину и Машу в лени и равнодушии, а тем временем Агата спешит к следующему клиенту, вошедшему в зал.

– Как машина! – восхищенно бормочет Маша, наблюдая за Агатой. Регина при этом только хмыкает. Привыкшая быть всегда и во всем лидером, Регина чувствует легкое раздражение и невольно задается вопросом: «Правильно ли я поступила, пригласив Агатку работать вместе со мной в Beauty&Fashion?»

Регина вспоминает, как ей хотелось этого прежде. Было совершенно ясно, что работать вместе с лучшей подругой будет куда веселее – не работа, а праздник. Но все оказалось не так. То есть ТАК тоже оказалось: Агата сопровождает Регину в походах по магазинам во время обеденного перерыва, затем они обедают вместе в кафе – Регина ведь терпеть не может есть в одиночестве, вечером вместе не страшно возвращаться домой на метро, не говоря уже о том,

что Регине всегда есть с кем поболтать и «поменяться сменами». Но вместе с тем, получилось так, что Агата стала самой популярной фигурой в магазине, не считая, может быть, Луизы.

Во-первых, Агата и впрямь находит подход к любому посетителю, пересекающему порог Beauty&Fashion. Домашняя девочка Регина, как красивое комнатное растение, выросшее под колпаком родительской опеки, теряется на фоне своей самостоятельной подруги, и это неудивительно. Ведь Агата начала зарабатывать с четырнадцати лет. Все эти годы она сталкивалась с трудностями, а также с огромным количеством разных людей, потому способна интуитивно отреагировать на любой каприз покупателя.

Во-вторых, с Луизой, которую девчонки боготворят и втайне побаиваются, у Агаты за короткий промежуток времени сложились теплые, доверительные отношения.

Ну, и, в третьих, что просто-таки доводит Регину до бешенства – это то, что возле Агаты (ее лучшей подруги!) постоянно крутится Маша.

В отличие от Регины, Маша спокойно относится к успехам Агаты, то и дело обращается к ней за советами, и они много времени проводят вместе.

– О чем с ней можно разговаривать, Аверина? – негромко интересуется Регина, наблюдая за Машей со стороны.

– А что?

– От нее ведь так и разит глубокой провинцией. Ей бы семечками в переходе торговать...

– Я так не думаю.

– Если человек вырос в деревне, то соответствующий образ жизни оседает в нем на уровне ДНК. Ты присмотришься к ней получше. «Можно вывезти девушку из деревни, но нельзя вывести деревню из девушки».

– Для меня не имеет значения, откуда она. Имеет значение лишь то, какая она.

– И какая же она?

– Умная, добрая... – Агата замолкает, улыбнувшись. Одного взгляда на недовольное лицо Регины хватает, чтобы понять: продолжать бесполезно.

Бесполезно перечислять все достоинства Маши и объяснять, что та принадлежит к сорту людей с красивой душой, излучающих особый внутренний свет. Общаться, даже просто находиться в присутствии таких как Маша, всегда легко и приятно.

Маша (впрочем, так же как и Агата) обожает интересные истории и умеет их рассказывать. Она это делает с удовольствием, со вкусом, в особой интригующей манере, понижая голос, прищуривая глаза, жестикулируя. Маша очень способная и красноречивая. Люди тянутся к ней, как к искорке. Но если Агата не любит привлекать к себе лишнее внимание, то Маша как будто нуждается в нем и жадно ищет его. Маше нравится заводить публику, фонтанировать своей жизненной энергией, правда, бывает, что смены настроения у Маши происходят почти молниеносно: вот, только что она смеялась, излучая сияние, как вдруг замкнулась, стала мрачной и ушла в себя; перегорела словно лампочка. «Что с тобой, Машунь?» На подобный вопрос, вместо ответа Маша всегда с улыбкой ссылается на холерический темперамент, и очень переживает как бы эта особенность ее характера не помешала ей в осуществлении самой заветной мечты – Маша с детства мечтает стать актрисой и сниматься в кино. И не просто мечтает, а многое делает для достижения своей цели! Едва окончив школу, несмотря на все трудности и многочисленные отговоры родителей, она оставила родной Омск и переехала в незнакомую, огромную Москву; сняла квартиру, устроилась работать в магазин, чтобы самостоятельно оплачивать жилье. Порой Маша опаздывает на работу, разрываясь между прослушиваниями, кастингами, собеседованиями, не теряя надежды, что вот-вот ее заметит влиятельный режиссер и пригласит сниматься в своем фильме. Но пока, несмотря на все усилия, Маше не очень-то везет.

Сегодня она снова отпрашивается у Луизы на очередной кастинг в телесериал.

– Я тебя уверяю, это бессмысленная трата времени, – равнодушно отвечает начальница, не отрываясь от монитора компьютера и клацая красивым маникюром по клавишам. – Мне хватило твоего последнего фиаско, когда ты вернулась с кинопроб и проходила пол дня зареванная. Всех клиентов распугала. Москва кишит такими же самовлюбленными дурочками, а киношники – люди бывалые, и видели всякое. Вряд ли тебе удастся их удивить настолько, чтобы сразу предложили главную роль. Хочешь годами кофе операторам подносить? Успокойся и занимайся тем, что у тебя хорошо получается. Все.

Сегодня Луизе всерьез удастся задеть Машу. Та просто вспыхивает и, едва сдержав слезы, убегает в комнату для персонала. Агата идет за ней:

– Ну, ты чего? – прикрывает за собой дверь. – Ведь знаешь, как Луиза относится к твоей мечте стать актрисой. Соврала бы, мол, нужно в больницу, или еще что-нибудь. Она бы без звука тебя отпустила.

– Стерва она, твоя Луиза, – Маша шумно сморкается в носовой платок. – Надоели ее поучения, насмешки, поднятые бровки. Могла бы просто отказаться и все. Так нет! Нужно ведь непременно ужалить, поиздеваться...

– Машка, не сдавайся. Все получится, слышишь?

– Сил нет... Знаешь, в чем я сегодня убедилась?

– В чем?

– У меня ничего не получается как раз из-за нее.

– Ты серьезно?

– Абсолютно! Подпитывается моими эмоциями, как вампир, и клиенты, которые приходят в ее поганый магазин, и перед которыми мы тут расшаркиваемся – точно такие же!

– Довольно своеобразное объяснение собственных неудач. Маша. Ну, ты же умный, адекватный человек. Давай-ка, моя хорошая, соберись и перестань говорить глупости. Все у тебя получится. А что до Луизы, просто сама не давай ей повода...

– Это вовсе не глупости! – в глазах Маши вспыхивает нечто столь отчаянное и дикое, что Агата невольно от нее отстраняется. – Разве ты не замечаешь? – таинственным шепотом продолжает Маша, – клиенты вытягивают из нас всю жизненную энергию, все соки, словно паразиты. Они процветают, а мы здесь чахнем. Разве не видишь?!

– Но ведь это естественно, – Агата, улынувшись, пожимает плечами. – Все люди в каком-то смысле являются по отношению друг к другу донорами или вампирами. Все мы тратим друг на друга силы, время, энергию. Наверное, во многом это зависит от тебя самой: расходуешь ты силы понапрасну или направляешь их в нужное тебе русло. Но вряд ли кто-то вытягивает наши силы намеренно.

– Ты ошибаешься, – Маша качает головой. – Если человек знает, что склонен к энергетическому вампиризму, то будет этим пользоваться. Луиза, к примеру, пользуется этим постоянно!

– А я думаю, мы не можем судить о том, чего не знаем наверняка и уж тем более не должны обвинять кого-то. Это всего лишь домыслы.

– И верно говорят: «Сытый голодного не разумеет»... – Маша мрачно вздыхает. – Ладно, Агатка. Скоро ты тоже поймешь.

– Что пойму?

– То, что не все в жизни зависит только от нашего желания или упорства. Главное – какие люди окажутся на твоём пути.

– Так, красотки, – прерывает, заглянувшая в комнату, Луиза, – вы работать собираетесь или нет?

Маша опускает глаза и шмыгает носом.

– Ну, извини, Машунь, я резко выразилась, – Луиза ласково улыбается. – Не дуйся на меня, ладно? Иди, работай. А после обеда, – Луиза бросает короткий взгляд на ручные часы, – поедешь на свой кастинг. Так и быть.

Маша снова вздыхает и, многозначительно переглянувшись с Агатой, выходит в зал.

– Вот видишь? – подбадривает Агата. – Луизка у нас классная. А ты ее каким-то монстром выставлешь.

– Агата, – Маша сокрушенно наклоняет голову, – не будь ты такой наивной. Неужели ты думаешь, что Луиза извинилась от чистого сердца? Каждый хороший руководитель, при желании, умеет быть лапочкой и может вовремя подсластить пилюлю, только бы не допустить сбой в работе персонала.

В этот момент в дверях магазина показывается гламурная парочка, словно сошедшая со страниц глянцевого журнала: он – с неестественно загорелой кожей и рельефными бицепсами, она – с татуажными бровками, на шпильках со стразами. Едва заметив вошедших, Луиза расплывается в улыбке и устремляется им навстречу, как к долгожданным гостям: расцеловывает в щеки, заводит светский разговор.

Маша тут же наклоняется к уху Агаты и бубнит:

– Терпеть не могу *таких* обслуживать: гору тряпок перемерят, всю душу вымотают, а ничего не купят.

– Тоже вампирчики? – шутит Агата, но Маша не успевает ответить: мимо них с Агатой с совершенно безумными глазами проскальзывает и скрывается в примерочной кабинке Регина.

– Девчонки, если Луизка спросит обо мне, скажите, что я в туалете... – шепотом выпаливает Регина, высунув нос из примерочной и запирает дверь.

– Это что еще за выходка? – недоуменно спрашивает Маша. – Она что, прячется?!

Агата, сама ничего не понимая, лишь пожимает плечами. В зале появляется еще несколько посетителей, которые, в отличие от приятелей Луизы, пришли не поболтать, а с явным намерением купить что-нибудь из одежды. Агата и Маша принимаются за работу, начав обслуживать клиентов. Что касается Регины, она покидает свое временное укрытие лишь после того, как гламурная парочка, беседующая с Луизой, выходит из магазина. Маша, все это время поджидавшая Регину, тут же подходит к ней:

– Так-так... – Маша упирает руки в бока. – А кто-то мне на днях читал нотации, когда я посмела сказать, что торговля – это постыдное занятие.

Регина не теряет:

– Я по-прежнему придерживаюсь мнения, что тебе крупно повезло, что Луиза взяла тебя на работу. Огромное количество людей мечтает занять твоё место. Тебя что-то не устраивает?

Судя по улыбке, вопрос Маше нравится:

– А почему ты сейчас спряталась в примерочной? – язвит Маша с еще большим напором. – В зале были перспективные клиенты, а ты просто ушла от своих обязанностей.

– Если очень хочется, могу объяснить, – холодно отвечает Регина. – Мужчина и женщина, которые разговаривали с Луизой – знакомые моей мамы. У меня с ними натянутые отношения. Мне не хотелось с ними пересекаться.

– Вернее, тебе было бы стыдно их обслуживать, но при всем при этом, ты спокойно относишься к профессии продавца.

– Представь себе. У тебя в Москве нет знакомых, тебе не понять.

– Глупее отговорок не слышала.

– Слушай, объясни мне кое-что...

– Что именно?

– Свое нытье и отношение к Beauty&Fashion. Ты часто видела, чтобы я поступала так, как сегодня?

Маша молчит, но взгляд не отводит.

– А я постоянно вижу, как ты уваливаешь от работы.

– Регин, – Агата боится, что та скажет что-нибудь лишнее.

– погоди, Аверина, не встревай. Ты такая активная, общительная девушка, – продолжает Регина, обращаясь к Маше. – У тебя хороший контакт с клиентами. Что ж ты бежишь от них, как от огня? Абсурд – бежать от собственного заработка. Вот, посмотри на Агату – она получает в два раза больше тебя. Почему? Только из-за процента от личных продаж. А ты все рвешься то полочки протереть, то манекены переодеть, то жакеты отпарить; постоянно вижу, как норовишь на склад ускользнуть, лишь бы не обслуживать покупателей.

– Я не собираюсь оправдываться, – отмахивается Маша.

– А я и без твоих оправданий все знаю. Это называется «профнепригодность». Тебе нельзя здесь работать.

– Да пошла ты! – смачно бросает Маша, разворачивается и идет в другую часть зала.

– Ну, что я тебе говорила, Аверина? – Регина складывает руки на груди. – Деревня, она и есть деревня. Вообще не в состоянии поддерживать цивилизованную беседу. Зато послать – это пожалуйста.

– Что ты на нее набросилась?

– А будет знать, как мне указывать. Нашлась тут... Хочешь сказать, ты не замечала, что она буквально под любым предлогом рвется в комнату персонала или на склад?

Вместо ответа Агата вздыхает, с сочувствием переводя взгляд на Машу. Агата знает, что обвинения Регины не так уж безосновательны, но настолько симпатизирует Маше, настолько понимает ее...

– Еще бы, – едко продолжает Регина. – Кто бы сомневался, что общение с людьми, с которыми общаться не хочется – это капец как утомительно. Вместо того, чтобы улыбаться через силу или расшаркиваться с очередной заносчивой покупательницей, я бы и сама не прочь сидеть себе спокойно в подсобке и разбирать упаковки с новой коллекцией или переодевать манекены. Но представь, что будет, если мы все станем так поступать? Работать-то кому?

Заметив, что Луиза неодобрительно смотрит в их с Агатой сторону, Регина, чтобы изобразить рвение, немедленно направляется к вошедшему клиенту.

– Девушка, можно вас? – обращается к Агате улыбаясь, немного надменная дама.

– Да, конечно, – Агата тоже возвращается к работе. – Слушаю вас!

Лицо Агаты принимает прежнее жизнерадостное и радушное выражение; она внимательно выслушивает и уточняет пожелания клиентки и с головой окунается в подбор нужного фасона, цвета, размера... В отличие от Маши, Агата не позволит своим слабостям взять над собой верх. В ее голове лишь на мгновение возникает неприятная мысль: «Интересно, чем бы я была занята сейчас, если бы не моя странная болезнь?»

Глава 22

– Ты готова?

Агата кивает:

– Готова.

– Показывай, что умеешь, – Сонора снимает очки. Агата чувствует себя первоклассницей на уроке. Она знает, что сегодня ей предстоит что-то вроде экзамена, и не хочет, чтобы излишнее волнение ей помешало.

Мысленно Агата проговаривает Защитную Мантру:

«Огораживаю себя крепким, защитным кругом, непроницаемой броней. Все зло и ненависть, направленные в меня, отразятся от моей брони и рикошетом полетят в моего противника».

Когда защитное поле (оберег) вводится в действие, оно принимает вид прозрачного шара, который, в зависимости от эмоции, окрашивается в определенный цвет. Самые надежные цвета для защиты: фиолетовый – гнев, и зеленый – спокойствие, но оберег, окружающий Агату, по-прежнему остается прозрачным, значит ее Мантра не действует. Агата знает, что недостаточно просто произнести слова: смысл слов следует пропустить через каждый атом своего сознания. И хотя в последнее время она сутками практиковала произношение Мантр, волнение мешает ей ввести себя в нужное состояние.

Агата встряхивает руками и повторяет чуть тверже:

«Огораживаю себя крепким защитным кругом, непроницаемой броней. Все зло и ненависть, направленные в меня, отразятся от моей брони и рикошетом полетят в моего противника!»

Теперь оберег Агаты на глазах усиливает свои контуры, начинает энергично поблескивать, демонстрируя здоровый, крепкий вид, а затем, наконец, приобретает зеленоватый оттенок. «Сработало!»

– Выбрала «спокойствие» в качестве защиты, – комментирует Сонора, поднимаясь из-за стола. – Что ж, неплохо. – Женищина встает посреди кабинета и принимает воинственную позу.

«Неужели Сонора собирается напасть на меня?» – думает Агата, испытывая нехорошее предчувствие, все еще надеясь, что это шутка. Но нет. Лицо ее наставницы делается серьезным, оберег приобретает злоеущий фиолетовый отблеск, а из грациозного женственного тела вылетает отвратительное и мерзкое существо – агрид. Повиснув в воздухе, агрид останавливается на Агате красные немигающие глазки с черными щелевидными зрачками и начинает смотреть как на мишень; впрочем, точно так же на Агату смотрит и сама Сонора.

Агата в растерянности переводит взгляд на Гектора.

– Использовать силу противника против него самого основной принцип джиу-джитсу, – напутственно говорит Гектор, скрещая руки на груди. – Если твой оберег достаточно крепок, то удар противника, отразившись, поразит его самого.

– Да вы что издеваетесь?! – протестует Агата, почувствовав как дрогнули колени, и по спине побежал холодок. – Я ведь еще не умею управлять агридом!

Губы Гектора изгибаются в хитрой ухмылке:

– А ты думаешь, настоящий противник будет сражаться с тобой по правилам, и ждать, пока ты подготовишься?

До того, как Агата успевает что-либо возразить, раздается дикий крик. В ее сторону со скоростью лазерного луча несется фиолетовая вспышка света, извергнутая агридом Соноры и с оглушительным звоном ударяет по оберегу. От полученного удара зеленый оберег

Агаты немедленно дает трещину, как стеклянная чашка; тело девушки пронзает жгучая боль.

– Стой, ты что? – корчась от боли, Агата непроизвольно выставляет руку вперед. – Не стреляй...

Но агрид Соноры, и не думая давать передышку, уже готовится к следующей атаке.

– Сонора, я не смогу! Не стреляй больше!

– Отвечай ей, Агата! – призывно орет Гектор. – Соберись! У тебя есть все необходимое оружие, чтобы дать сдачи!

«Они точно чокнутые и решили меня прикончить...» – панически думает девушка но, убедившись, что выбора у нее нет, призывает всю свою волю, выпрямляется и бормочет Мантру Атаки:

– Я забираю все твои силы, и те силы, что ты забрала у меня!

Мантра не действует, Агата в этом и не сомневалась, так как (в отличие от Соноры) еще не способна контролировать своего агрида и, тем более, управлять им. Но Агате, вдруг, приходит в голову мысль – попробовать разозлить своего агрида. Она заставляет себя подумывать о Диме:

«Вот сейчас, в это самое мгновение Ты обнимаешь Наташу, – едва представив, как это происходит, отворачивание сдавливает Агате горло. – Ты прикасаешься к ней, шепчешь на ухо те же слова, которые говорил мне...»

В мозгу Агаты, точно по волеизъявлению, возникает слово, которое ярко передает всю гамму ее ощущений: ГНЕВ. Ее оберег тут же окрашивается в ярко-фиолетовый оттенок. Агата чувствует жар глубоко внутри себя – это формируется сгусток энергии; она снова произносит Мантру: «Я забираю все твои силы, и те силы, что ты забрала у меня!» Сгусток быстро разрастается, с силой вырывается наружу из грудной клетки Агаты, летит и ударяет в оберег Соноры. «Есть!» – радуется Агата, но ее радость мгновенно иссякает: вместо того, чтобы разрушить оберег противницы, сгусток, оттолкнувшись от крепкого препятствия, бумерангом летит назад и ударяет по оберегу Агаты. Полученный удар валит Агату с ног. Трещина в ее обереге становится вдвое больше:

– Не могу...

Гектор разочарованно качает головой и вдруг резко вскрикивает:

– Ты умрешь, если сейчас же не возьмешь себя в руки! Вспомни ее слабое место и ударь в него!

«Слабое место...» Агата отлично понимает, о чем идет речь: «Слабое место Соноры – это Вадим». Но она не посмеет так поступить с Сонорой. Нанести подобный удар – было бы верхом подлости. «Мы ведь не всерьез. Это всего лишь тренировка... Или нет?!»

– Я забираю все твои силы, и те силы, что ты забрала у меня! – в отчаянии выкрикивает Агата и, что есть сил, еще раз швыряет фиолетовой молнией в Сонору. Бестолку: молния ударяет по оберегу Соноры, отскакивает как мячик и летит обратно в Агату. Вновь пробоина в обереге, вновь адская боль. В голове у Агаты все плывет. Пока она пытается прийти в себя, корчась на полу от боли, на нее сыплется новый град ударов, извергаемых агридом Соноры.словно издали Агата слышит раскатистый голос Гектора:

– Хватит ныть и жалеть себя! Сражайся!

«Да, это не шутки. Сонора хочет меня прикончить».

Выбора у Агаты не остается, она решает играть по жестким правилам. «Ну все. Сама напросилась...» Угрожающе подняв глаза на противницу, Агата, что есть сил, выкрикивает:

– Черта с два ты меня достанешь! – она ловко поднимается и встает на ноги. – Я давно тебя раскусила и знаю, ты – притворищица и лгуныя! На самом деле тебе в радость мучить и убивать ни в чем неповинных людей, ты от этого кайф ловишь! Ведь так, Сонора?

Едкие слова Агаты действуют именно с тем эффектом, на который она и рассчитывала. Сонора задета за живое. Каждое слово трансформируется в сильнейшие молнии гнева, которые, вырвавшись из нутра Агаты, летят и ударяют по оберегу Соноры, пробивая в нем огромную брешь.

– Димка! – язвительно бросает Сонора в ответ, не собираясь сдаваться. – Ты потеряла его, и теперь он счастлив с другой!

На этот раз уязвлена Агата – еще одна молния Соноры сокрушительным звоном ударяет по ее оберегу.

– А ты позволила Вадиму умереть... – Агата отвечает почти шепотом, но Сонора, от неожиданности, меняется в лице и даже слегка отступает назад. Ее агрид мгновенно влетает в ее тело, словно прячась, а оберег становится голубым – цвет боли, страха, растерянности. Агата собирается выпалить Мантру Атаки, чтобы нанести завершающий удар, но, приглядевшись, понимает, что в этом нет необходимости: из крепкой защитной пленки, оберег Соноры превратился в легкую голубую дымку, которая вот-вот растает в воздухе.

– Достаточно, – останавливает Гектор, глядя на Агату. – Для первого раза – годится. Но все же у меня есть парочка замечаний.

– Вечно ты со своей ложкой дегтя, – Сонора слабо улыбается и старается не показать, насколько тяжело дышит. Она возвращается за стол и надевает очки. – А по-моему, Агата блестяще справилась с задачей. Ты просто молодец. Все в порядке?

– У меня? Да, – отвечает Агата, переводя дух, незаметно для Соноры следя за выражением ее лица. – А ты как?

– Сегодня ты наглядно убедилась каким образом злой умысел, скверная мысль, недоброжелательность или ярость, могут разрушать оберег твоего противника, – отвечает Сонора, игнорируя вопрос Агаты.

– Я все поняла, – говорит Агата, не сводя с Соноры глаз. Увидев, что оберег наставницы по-прежнему сохраняет болезненное голубое свечение, Агата подходит ближе:

– Сонора, прости меня пожалуйста. Я не хотела так говорить о Вадиме. Но ты ведь сама... Ты первая...

– Ничего страшного, я не сержусь, – с подчеркнуто небрежной улыбкой уверяет Сонора и внимательно смотрит Агате в глаза. – Ты все сделала правильно. Именно этого мы от тебя и ждали сегодня. Правда, Гектор? – Сонора переводит на него взгляд.

– И это несмотря на то, что ты действительно пока не умеешь управлять своим агридом, – добавляет Гектор, улыбнувшись Агате, довольно поигрывая бровями.

– Когда вы научите меня управлять агридом? – спрашивает Агата. – По-настоящему?

– А ты попробуй с Ним поговорить, – отвечает Сонора, опустив глаза и принявшись что-то записывать в свой блокнот.

– Как? Вы же сами говорили, что мой агрид еще спит.

– Судя по тому, что мы увидели сегодня – уже нет.

Глава 23

Во время обеденного перерыва Агата и Регина прогуливаются по торговому центру. Но если Регина разглядывает витрины с косметикой и дорогой одеждой, то Агата не может удержаться от того, чтобы не заглянуть в отдел товаров для дома.

– Всю зарплату изводишь на кухонную утварь, – возмущается Регина, когда они с Агатой расплачиваются на кассе. – Опять купила какую-то сковородку. На кой черт она тебе сдалась, Аверина? Лучше бы купила те туфли.

– А зачем мне туфли? Сковородка – другое дело. Мне такая как раз нужна.

Регина смотрит на подругу как на сумасшедшую:

– И все ради Димки. Не знаешь, чем его еще ублажить.

– В смысле?

– Знаем-знаем, все ради него стараешься. Гнездышко ему вьешь. Вот и с квартирной хозяйкой о ремонте договорилась ради Димки. Можно подумать, он раньше в Зимнем дворце жил.

– Регинка, ты даже представить себе не можешь, что значат для меня все эти милые домашние мелочи. Ремонт... Впервые в жизни мне есть ради кого стараться. Потребности у меня скромные, но Димка-то привык к другому. Мне хочется, чтобы он чувствовал себя комфортно. Вот и все.

Регина прищелкивает языком:

– Не стоит оно того.

– Я поняла тебя, Регин. Не продолжай.

– Живи, как знаешь, только потом не жалуйся.

– Чего ты злишься?

– Я?

Агата вздыхает, не желая продолжать спор и смотрит на часы:

– Ладно, пошли. Надо возвращаться. Машка нас уже поди потеряла.

– У нас еще обеденный перерыв не закончился. Не умрет без нас твоя Машка. Потерпит.

– Могли бы пообедать по очереди.

– Ты же знаешь, я ненавижу есть одна.

– Все-таки ты явно не в духе.

– Ничего подобного... – у Регины в сумочке надывается мобильник. – А что ты там строчишь весь день за компьютером? – спрашивает она, не обращая внимания на телефон.

– Да Луиза попросила подготовить торговый отчет. Может, ответишь?

Регина с недовольным видом достает мобильник и отвечает:

– Да, привет. Я на работе. Нет. Ни о чем не думаю, совершенно свободна от мыслей. Нет. Луиза презентует новую коллекцию в Милане, можно подумать ты не в курсе... Через пятнадцать минут?..

Регина отходит подальше. Агата едва открывает рот, чтобы передать привет Артему, но вдруг понимает, что Регина говорит вовсе не с ним. Агате безразлично с кем разговаривает ее подруга, она лишь вскользь думает о том, что давно не слышала об Артеме никаких новостей. Это кажется странным, ведь обычно Регина созванивалась со своим парнем по несколько раз в день.

Продолжая телефонный разговор и жестом показывая «не дожидаться ее», Регина удаляется по коридору в сторону главного входа. Агата, пожав плечами, возвращается в Beauty&Fashion.

Как она и предполагала, Маша сбивается с ног, еле успевая обслуживать покупателей.

– Бедняжка ты моя... Я уже бегу, бегу! – успевает шепнуть Агата и, перехватив улыбку Маши, быстро включается в работу.

Проходит около получаса, но Регина так и не появляется. Воспользовавшись небольшой паузой в отсутствии клиентов, Агата возвращается за компьютер, чтобы продолжить работу над отчетом – его нужно закончить сегодня и отправить Луизе по e-mail. Агата успевает напечатать всего несколько предложений, как вдруг к ней шустро подходит Маша:

– Воропаев приехал...

В первое мгновение Агата даже не понимает о ком идет речь, а подняв глаза, узнает в вошедшем владельца магазина – Леонида Воропаева.

– И как на зло Регинка где-то болтается, – вполголоса говорит Агата. – А если он сейчас спросит, почему одной девушки нет на рабочем месте?

Увидев, что Воропаев не обращает на них с Машей никакого внимания, а напрямик направляется в кабинет своей жены, Агата решает, что ему, скорее всего, нет дела до того, сколько сотрудниц в данный момент находится в магазине.

– У нас ему делать вроде нечего, – шепотом рассуждает Маша, пока Воропаев, открыв кабинет, заходит внутрь. – Луиза и без него все контролирует. Чего, спрашивается, приехал?

Агата пожимает плечами:

– Мало ли.

Девушки редко видят в магазине своего босса. У Агаты едва ли не в первый раз выдается возможность хорошенько его разглядеть, и она быстро делает для себя вывод, что Воропаев ей не нравится. Не нравится и властная походка, и бесцеремонные манеры, и надменный взгляд, словно говорящий «мне нет дела до того, чем занята obsлуга». Агата сосредоточена лишь на отталкивающих деталях в облике босса, и ее разум не желает замечать очевидного: Воропаев весьма привлекателен. Он высокий, стройный, он шикарно одет. Посеребренные волосы подчеркивают его лукавые черты, а равнодушный взгляд интригует. Все это не может не производить впечатления на молоденькую девушку, взять хотя бы Машу, которая (не успевает Воропаев скрыться за дверью кабинета) кидается к зеркалу и начинает наспех подкрашивать губки.

Пробыв в кабинете менее двух минут, Воропаев выходит, непринужденно держа под мышкой несколько папок с документами, и, заперев дверь, покидает магазин так же быстро, как пришел, не удостоив вниманием ни Агату, ни Машу, которая все время мило ему улыбалась.

Радуюсь тому, что не пришлось вступать с ним в разговор, Агата облегченно выдыхает:

– Хорошо, что про Регинку не спросил.

– По-моему, это его ни капельки не волновало, – Маша с интересом провожает взглядом удаляющуюся фигуру. – Как же повезло Луизке. Офигенный мужик.

– Наглый, – отрезает Агата, продолжая клацать по клавишам. – Мог бы и поздороваться.

– Может себе позволить.

– Маш, по-моему он для тебя староват, не находишь? У него уже волосы седеют.

– Ему это идет. Сорок лет – самый прекрасный возраст для мужчины.

– Да ну тебя...

– Ой, забыла сказать, – Маша спохватывается, – у нас в кассе мелочь закончилась. Надо бы разменять пока нет клиентов. Я схожу?

– Сама схожу, – вздыхает Агата, *сворачивая* документ, – раз уж меня оставили «за старшую», то и за кассу отвечать мне.

Достав деньги из кассы, Агата выходит из магазина, сетуя на то, что опять ничего не успевает.

Банк находится в противоположной части торгового центра. Агата направляется туда, чтобы разменять купюры. Проходя по холлу, боковым зрением она замечает Регину, сидящую в кафе, и невольно замирает. Регина сидит за столиком с Воропаевым. Он что-то гово-

рит. Регина кивает, потом хмурится, качает головой, вроде бы возражая. Воропаев продолжает говорить, а Регина мрачнеет на глазах, кажется, что она вот-вот заплачет.

У Агаты наивно мелькает в голове, что разговор между ними сугубо профессиональный, но эту мысль она тут же отбрасывает: Воропаев очень интимно берет Регину за пальцы и проводит рукой по ее лицу. Агата быстро отворачивается, но в последний момент Регина поднимает глаза, и подруги встречаются взглядами.

Агата уверенным шагом доходит до банка, разменивает купюры и возвращается в торговый зал. Она запрещает себе думать о том, что ее не касается и нарочно идет таким путем, чтобы не проходить мимо кафе.

Вернувшись в Beauty&Fashion, Агата застаёт Регину на рабочем месте. Та расточает улыбки и обслуживает клиентов, как ни в чем не бывало.

До самого вечера подруги не говорят друг другу ни единого слова, делая вид, что ничего не произошло. Регина старается занять руки и голову первым попавшимся делом, Агата тоже. Под конец рабочего дня, когда в торговом центре почти не остается посетителей, Регине приходит в голову идея:

– Давайте устроим показ новой коллекции! – возбужденно выпаливает она и начинает стягивать платье с манекена. – В кои-то веки Луизки нет! Мы можем все тут перемерить по приколу, девчонки!

– А давайте! – подхватывает Маша.

– Регин, давай аккуратнее, – предупреждает Агата, – если что – мне отвечать.

– Да не дрейфь, Аверина!

Агата внимательно наблюдает за подругой, которая явно пытается разрядить обстановку, лишь бы не зашел разговор о случившемся.

Регине не хуже других известно о строжайшем запрете Луизы на то, чтобы персонал без необходимости не прикасался к ее драгоценным моделям, но, словно забыв об этом, Регина включает музыку и с довольным видом принимается разглядывать себя то в одном, то в другом наряде. Маша, заражаясь ее воодушевлением (не зная его истинных причин), мгновенно присоединяется и почти «впрыгивает» в платье, в которое, по ее словам, она по уши влюблена.

Агата продолжает работать над отчетом, параллельно наблюдая за подругами, чувствуя себя нянькой, которую строгая мамочка оставила на время своего отсутствия присматривать за двумя непоседливыми дочурками.

Регина и Маша дефилируют по залу, кривляются перед зеркалами, фотографируются.

– Аверина! Примерь-ка это платье! – Регина подмигивает подруге. – Как раз в японском стиле

– В самом деле! – подхватывает Маша. – Нужно давать себе отдых, ты вкалываешь целый день.

Агата улыбается и отрицательно качает головой.

«Как странно наблюдать за людьми, когда они пытаются изменить себя с помощью дорогой одежды, словно они участвуют в одной из телепередач „до и после“, где из серой мышки, продвинутые дизайнеры легким движением руки изготавливают очередную гламурную куколку. Может, где-то там, в отражении зеркал и существует параллельный мир, где в дорогом платье ты вдруг превращаешься в прекрасную принцессу, обретаешь сказочного принца, твои проблемы меркнут, а мечты становятся явью, но в действительности – платье, каких бы денег оно не стоило – это всего лишь кусок материи. Всего лишь... тряпка».

Почему-то Агате вспоминается недавнее наваждение, когда поддавшись сиюминутному порыву, она решила изменить прическу, надеясь, таким способом, изменить себя. Сейчас ей стыдно об этом вспоминать...

Примерка красивых нарядов, созданных Луизой, могла бы продолжаться бесконечно, но приближение времени закрытия торгового центра заставляет Машу и Регину спуститься с небес на землю. Скрепя сердце, девушки возвращают наряды на места.

– Девчонки, ничего, если я вас дожидаться не буду и пойду? – Маша выглядывает из примерочной. – Мне к хозяйке надо, за квартиру заплатить. А она живет у черта на рогах.

– Конечно, иди, – отзывается Агата. – Я сейчас закончу с отчетом, и мы тоже уходим.

– Еще и не соображу, на какую маршрутку лучше сесть? – рассуждает Маша. – Обычно хозяйка сама за деньгами приезжает.

– А куда надо ехать? – спрашивает Регина.

– В Лианозово.

– Тогда лучше на метро.

Регина подробно объясняет Маше как добраться до места. Агата улыбается, глядя на них, ее сердце наполняется приятной радостью: «Слава Богу, больше не дуются друг на друга из-за недавней ссоры...»

Но как только Маша уходит, Агата мгновенно грустнеет. Регина тоже заметно приунывает, оставшись с подругой детства наедине.

– Тебе еще долго? – спрашивает Регина.

– Заканчиваю, – Агата продолжает стучать по клавиатуре. – Если торопишься, иди вместе с Машкой. Не жди меня.

– Может, я пока кассу сверю?

– Давай. А я постараюсь побыстрее закончить.

Заметив, что Регина застывает в нерешительности, будто ожидает чего-то, Агата поднимает глаза:

– Что?

– Не думай обо мне плохо, пожалуйста.

– Я и не думаю.

– Врешь. Думаешь. Аверина, я тебя как облупленную знаю. Несмотря на свою прямолинейность, ты не любишь лезть в чужие дела, но я знаю – сегодня ты разочаровалась во мне. Так выскажись, не держи в себе.

– Это нужно мне или тебе?

– О, Господи... Я так и знала! Весь день ощущаю твои невысказанные упреки! Но ты же ничего не поняла!

– Именно. Я ничего не понимаю. Почему же я должна тебя в чем-то упрекать?

– Я уже давно хотела тебе все рассказать.

– Но ведь не рассказала.

– Боялась, ты не сможешь понять все правильно.

– Где уж мне...

– Леня мне очень дорог. У нас все очень серьезно.

– Я считала, тебе дорог Артем.

– Да, так и есть, – Регина нервно приглаживает волосы, – и я не хочу делать ему больно...

Но ведь все мы прекрасно знали, что Артем – это детская любовь.

– Я никогда не воспринимала ваши отношения как детскую любовь. Ваша любовь была для меня примером.

– Ну конечно! Я – падшая, а ты – святая! Я мечтаю о сладкой жизни, а ты о чистой любви. Представь себе, я тоже мечтаю о любви! – Регина почти выкрикивает со слезами в голосе. – Темик только и знает, что брэнчать на своей дурацкой гитаре, репетировать с группой и строить глазки малолеткам, которые по нему сохнут, а мне что прикажешь делать?

Агата кивает:

– Регинка, ты напрасно так нервничаешь. Я ни в чем тебя не обвиняю и не надо передо мной оправдываться.

– Нет, ты не понимаешь! Ты считаешь меня бесчувственной и расчетливой сукой, ведь так? Так?!

Агата открывает журнал:

– Нет, не так. На, сверяй кассу.

– Хватит уже! Твое молчание просто добивает! Я ведь по глазам вижу, что ты презираешь меня. Ну, презирай. Может, ничего другого я и не заслуживаю. Наверное, думаешь: «Вот стерва-а... Обманывает хорошего мальчика, присосалась к богатому мужику и еще толкует о какой-то любви!»

– А если Луиза узнает? Не боишься? – Агата задает вопрос, чтобы хоть как-то поддержать беседу – эта история ей совершенно не нравится и слушать об отношениях Регины с Леонидом Воропаевым ей вовсе не хочется.

– Мнение Луизы меня вообще не волнует, а твое – да.

– А Нелли?

– Она ничего не знает, ты что? – Регина пугается. – Воропаев – лучший друг моего отца, ты не вздумай проболтаться!

Заглянув в безумные глаза подруги, Агате кажется, что та сейчас заставит ее дать клятву молчания. А еще кажется, что Регина уже давно прокручивала эти мысли в голове, ожидая подходящего слушателя. Ей давно хотелось выговориться.

– Его родители живут с нами в одном подъезде, – спокойно начинает Регина, – Воропаев часто навещает их и нас. Всегда поздравляет с праздниками, приезжает на важные семейные события. Я знаю его с детства, когда-то дядей Леней называла, – улыбается она, – а последние пару лет я стала замечать, что он со мной флиртует.

Вообще-то, он всегда такой: шуточки, прибауточки. Поэтому я не придавала его поведению никакого особого значения – все это казалось безобидной забавой, так, маянье со скуки. Чего греха таить, я и сама люблю пококотничать, ты же знаешь. Вообще, я втянулась в эту милую игру, и не упускала случая «поддразнивать» дядю Леню, даже не думая ни о чем *таком*.

С каждым произнесенным словом, голос Регины становится все более волнительным.

– Регин, если не хочешь об этом говорить...

– Нет-нет. Дослушай до конца. Будет тебе наука... Помнишь, я устраивала вечеринку? Вы с Димкой тогда как раз переезжали на новую квартиру и не смогли прийти.

Агата кивает.

– Я тогда здорово обиделась на тебя, – продолжает Регина, – понимаю, в тот момент вам хотелось быть только вдвоем, но все же это не повод отказываться... Вообще, в тот день все у меня не клеилось. Вся вечеринка пошла наперекосяк. А под финал, мы с Темиком поругались из-за какой-то ерунды. Я вышла в подъезд, покурить, успокоиться, и тут, как из под земли вырос дядя Леня. Стоит, глазками стреляет, забрасывает наживку, знаешь, в таком подкупающем отеческом участии: «Бедненькая, – говорит, – бедняжечка. Как можно не ценить такое сокровище?..»

Ему удалось сказать это таким тоном, что я задрала нос и впрямь задумалась: почему меня такую расчудесную, первую красавицу школы, не ценят по достоинству? Я была настолько зла на Артема, и вдруг ясно осознала, что заслуживаю лучшего. Чего? Кого? Это был уже другой вопрос. В тот вечер дядя Леня лишь прощупал почву. А вот... на следующий день, когда моих родителей не было дома, он и явился. Прямо с утра, представляешь? Не знаю, о чем я думала, когда открывала ему дверь, Агатка?

Поначалу я пыталась соорудить из себя возмущенную недотрогу, хотя от радости готова была кипятком писать. Что ты! Такой кобель у моих ног, приполз, чуть ли не на коленях выпра-

шивать меня у меня же! Знала ведь, что он придет! И ждала его, как дура. Я даже губы накра-сила...

– Регинка...

Регина делает знак, чтобы Агата ее не перебивала:

– Темик как-то сказал: «Я не боюсь твоей измены. Ты такая красивая, что любой парень к тебе и подойти побоится». А вот Воропаев не побоялся. Ловко подобрал ключик.

Все так и думают – раз красивая, значит очень опытная в вопросах любви. Уж ты-то знаешь, у меня кроме Артема никого и не было! Из-за отсутствия опыта у меня не было шансов запудрить мозги такому ловеласу как Воропаев.

Ломать комедию, разыгрывая перед ним недоумение? Это было бесполезно – он просекал все мои ходы еще в зародышах. – Регина хмыкает. – Странно, не помню, что же он сказал тогда? Как начал разговор? Зато помню... гулкий звук, когда шандарахнулась затылком о входную дверь – это и был наш первый поцелуй...

И вот, я, за секунду до того, как все должно свершиться, балбеска, думаю: «На кой черт мне надо это все?» И сама же себе: «Ну, чему быть, того не миновать... Чего же ты? – думаю. – Ты же этого хотела, почему не радуешься?»

Будто я сама себя уговаривала порадоваться сбывшейся мечте, убеждала себя, что многого лишусь, если не испытаю такой любви, а у самой глаза уставились в пустоту какую-то, сердце зашло, а мозгов-то не хватило понять, что радоваться попросту нечему! «Отчего ж ты недовольна? – спрашивала я себя, – на какие эмоции рассчитывала и разве не этого доби-валась? Вот она – твоя большая, красивая история любви!»

Нет, не то. Но было поздно, как будто я уже летела в какую-то пропасть и не было смысла сопротивляться. Хотя, за секунду до того, как все случилось, просто представив эту близость с чужим, посторонним человеком, мне стало настолько невыносимо... Все мое нутро сопро-тивлялось!

Как было не понять? Не прислушаться к собственным инстинктам? Не почувствовать, что я приобретаю ничтожно мало, а теряю все! Все самое важное в себе! – Регина с досадой стучит кулаком в свой красивый лоб. – Стало противно от одной мысли об этой близости. Но я не вспомнила о Темике, о данных обещаниях. Не посочувствовала Луизе, не подумала о том, что разбиваю чье-то сердце, кроме своего. Я верила, что в любом случае я – та единственная и неповторимая, тот самый Пуп Земли и центр Вселенной, которому все дозволено, и все сой-дет с рук. Верила – всем на зло, несмотря ни на что, буду самой счастливой!

Да, еще недавно мне казалось, что я на такой поступок не способна, но роман с Леней... это ведь шанс прожить жизнь так, как никому и не снилось, как никто до меня еще не доду-мался. На всю катушку! Даже если наша связь будет недолгой, а то и одноразовой, но это будет стоить того! – думала я. Ведь я как будто... дотронусь до Солнца, до своей мечты! Момент так близок, нельзя его упустить, не то потом буду жалеть всю оставшуюся жизнь, считая себя недостойной, трусихой.

Для моей головы всего этого было так много, что проще было отключиться и вовсе не думать. «Все. Я просто не могу больше думать», – решила я на автомате, словно уговорив саму себя жадно броситься в это приключение.

Через каких-то пятнадцать минут, а может и того меньше, голова снова заработала; изби-тая шаблонная ситуация, никаких ожидаемых чудес и я – в эпицентре этой ситуации.

Столько эротических фантазий и вот – это происходит. Уже не в мечтах, а в грубой, без-застенчивой реальности, в номерах каких-нибудь гостиниц. И то, как это происходит, и то, что я чувствую «до», «во время», и «после», и то, как он смотрит на меня «до», «во время» и «после», этот *чужой*, и что он думает, и как не стесняется говорить мне пошлости, а я не могу возразить ему, по-идиотски улыбаясь; и то, как я боюсь смотреть в глаза Артему, своим роди-телям, всему белому свету, своему отражению в зеркале, в конце концов...

– Ты любишь его, Регин?

Регина отворачивается, пряча слезы:

– Понимаешь, я чувствую, что теперь, кроме Лени у меня никого нет. И каждый раз, когда я остаюсь одна, я умираю без него. То, что я чувствую – не любовь. Это – болезнь. Но я не могу бороться с этой болезнью. У меня нет иммунитета. Как же тяжело, как невыносимо, Агатка. Если бы ты могла понять... От этого не убежишь и больно всегда, каждую секунду, даже сегодня, сейчас, и в душе, и в голове, и в кишках. Как я вообще могла до такого додуматься и считать это приемлемым? Измена, предательство... Каждый раз, когда Темик звонит, и мне приходится отменять нашу встречу, ссылаясь на работу – хочется повеситься. Я ведь столько времени хранила верность Артему, уж ты-то знаешь. Ничьих губ, кроме его, на своих не чувствовала. Я – убийца. Измена – это преступление, надругательство над собственными остатками души. Может, это не для всех так, я не знаю, но для меня – это оказалось так. Я искупаю свою вину ежесекундно, поэтому, не суди хоть ты меня, Агата. Ты чистая, честная. Люби своего Димку, и дай вам Бог счастья...

Агата бросает шариковую ручку, выходит из-за стола и, обойдя Регину, которая стоит к ней спиной, обнимает ее. Та вцепляется руками крепко-крепко:

– То что я рассказала... прошу тебя, никому!

– Не волнуйся. Я никому этого не скажу.

– Я у Темика три года выдрала, – всхлипывает Регина. – Тянула из него соки, как пиявка... Как я ему скажу?

– Не реви. Все будет хорошо, – говорит Агата, но в глубине ее души мечутся совсем другие, гораздо более тягостные мысли.

Глава 24

Повернув ключ в замке и войдя в квартиру, Агата сразу же слышит голоса, доносящиеся из кухни. Один из них принадлежит Димке, узнав второй, Агата замирает на месте.

– Обычно студенты уже на старших курсах знают, где будут работать, – говорит Дима. – Устраивает кто-то из своих. После выпуска предполагалось, что и за меня замолвят словечко – отец должен был договориться. Но этого не случилось. А к кому бы я не обращался самостоятельно – получил отказ. Везде нужен блат и опыт. Сейчас работаю на фирме Валерки Касьянова, знаешь его?

– Знаю.

– А что толку? Сiju, бумажки перебираю, на телефонные звонки отвечаю. Моя девушка больше меня зарабатывает.

– Неужели все настолько плачевно? Я считала у тебя есть свой личный капитал, счет в банке, какая-то стартовая площадка...

Дима нервно смеется:

– Все так думают. Я единственный наследник, но юридически за моей душой – ни гроша. Даже квартира оформлена на отца. Не понимаешь? Родители таким образом пытались меня контролировать. Они это делали всю жизнь, и сейчас ждут, когда мне надоест нуждаться, и я приползу к ним, чтобы и дальше жить по их правилам. Не дождутся!

– Знаешь, когда твоя мама рассказала мне о том, что произошло... Ох, Дим, тебе нужно с ней помириться. Дело не только в твоей карьере. Вероника Аркадьевна очень переживает из-за того, что случилось. И потом, не списывай со счетов ее больное сердце. Уже был инфаркт, а вдруг снова?.. Не дай Бог, что-нибудь случится, ты потом никогда себе не простишь.

– Наташ, не говори о том, чего не понимаешь.

– Я просто не могу спокойно смотреть на то, что ты делаешь со своей жизнью, Димуль. Ты талантливый, амбициозный. Нужно расти и двигаться дальше, а не...

Наташа мгновенно замолкает, увидев на пороге Агату. Расплывается в улыбке. Агате тут же хочется придушить ненавистную гостью.

– Вот, знакомьтесь, – Дима выходит из-за стола, – это моя Агата. А это – Наташа.

– Привет, – сухо говорит Агата.

– Привет, – ехидная улыбка в ответ.

Дима целует Агату и отодвигает для нее стул:

– Мы сами недавно пришли. Наташа приглашает меня на новую работу.

– Неужели? – Агата окидывает взглядом хорошо сервированный стол. – А я-то думаю, по какому поводу торжество?

– Не смотри на меня так, – Наташа манерно смеется, – это была идея Димы устроить небольшой праздник в мою честь. Видела бы ты, с каким важным видом он все заказывал в ресторане: «Это ваш постоянный клиент Лазарев!» – изобразив голос Димы, Наташа кидается в хохот. Дима тоже смеется:

– Да ладно тебе, хватит!

– Я сейчас приду, только руки помою, – бросает Агата и поспешно направляется в ванную. Плотнo закрыв за собой дверь (только бы не слышать этот смех!), она включает воду и, глядя на собственное отражение, пытается унять тряску. «Спокойно, только спокойно...» Агата понятия не имеет, почему Наташа так действуют на нее? С самой первой встречи, тогда на улице, Агата буквально умирает от желания вцепиться этой приторной девице в волосы. «Со мной Димка даже не заговаривает на такие темы: работа, карьера, деньги... – Агата вспоминает обрывок услышанного разговора, – но стоило появиться *этой*...»

Заставив себя успокоиться, Агата моет руки, возвращается на кухню и присаживается за стол.

– Я как раз говорила Диме, что меня очень впечатлила ваша коллекция японских фильмов, – Наташа ловко ухватывает палочками кусочек суши и кивает в сторону полки с DVD. – Хотела одолжить парочку, но Дима сказал, нужно у тебя разрешение спросить.

– Да без проблем, – отвечает Агата. – Бери, что нравится.

– Это действительно твоя коллекция? – недоверчиво спрашивает Наташа.

– Моя. А что?

Наташа ухмыляется:

– С трудом верится, что вы оба поклонники японского кинематографа. Оба!

– А мы уже давно привыкли к тому, что нам нравится одно и то же, – Дима подносит руку Агаты к своим губам. – Да, малыш?

– Я тоже не вижу в этом ничего странного, – отвечает Агата, улыбнувшись. – Иначе с чего бы нам сближаться, жить вместе... Именно потому что мы очень похожи. Как половинки одного целого.

– Да нет, это реально «супер», когда влюбленные искренне разделяют интересы и вкусы друг друга, – Наташа равнодушно приподнимает брови, стараясь не смотреть на то, как Дима нежно держит Агату за руку, – но дело в том, что по роду своей деятельности мне приходится общаться с огромным количеством людей, и я все чаще натываюсь на пары в которых, к сожалению, один из партнеров по-настоящему увлечен занятием, а другой лишь притворяется, что проявляет интерес; поддакивает, пытается произвести впечатление, но не более того.

Наташа отлично понимает, как действуют ее слова на Агату, но умело делает вид, что ничего не замечает:

– Далеко ходить за примером не нужно, – Наташа делает глоток из бокала и продолжает, – один мой хороший знакомый... Его фамилию тебе, Агата, слышать ни к чему, а вот Дима его и так прекрасно знает. «Новенький Мазерати», – Наташа доверительно обращается к Диме, чтобы тот понял, о ком идет речь. Дима хмурится, пытаясь сообразить:

– А-а! Ну-ну.

– Так вот, – продолжает Наташа. – Этот знакомый, молодой человек из очень обеспеченной семьи стал встречаться с девушкой, ну, скажем так – не своего круга, с такой серенькой, неухоженной мышкой... Даже не знаю, где он такую откопал? – Наташа картинно закатывает глаза. – Чего только эта бедняжка не делала, чтобы утвердиться в нашей тусовке, и не ударить в грязь лицом перед своим золотым мальчиком, который, ну, вот что ты будешь делать – является жутким поклонником Прокофьева! – Наташа легонько хлопает себя по коленке. – В итоге, чтобы подмазаться к парню, эта серенькая мышка стала делать вид, якобы тоже является большой поклонницей классической музыки и жить не может без Прокофьева, но на самом деле, конечно, ей на это было наплевать. Уверена, тайком она слушает шансон, что, кстати, подходит ей гораздо больше. Конечно девушка не виновата в том, что выросла в другой среде, не получила достойного образования и у нее такой уровень интересов. Но и выбирала бы тогда по себе! Тогда бы и не смотрелась настолько жалко в попытках выглядеть знатоком классической музыки, тем более что *нашим* – любителям похвастаться размером папиного кошелька, вообще до этого нет никакого дела.

Так вот, чтобы убедиться в подозрениях, на одной пати, я решила проэкзаменовать эту мышку. Спрашиваю: «А тебе нравятся «Картинки с выставки»?» А она в ответ хлопает глазами и говорит: «Да. Я просто обожаю живопись!» И это – при ее парне! Эта бестолочь даже не поняла, что речь идет о музыке!

– Причем здесь Прокофьев и «Картинки с выставки»? – спрашивает Агата, и Наташа тут же прекращает смеяться. – Вообще-то, «Картинки с выставки» это цикл Мусоргского.

– Разве?! – Наташа вопросительно смотрит на Диму, тот с улыбкой кивает. – Тьфу ты, всех на свете перепутала. Так устаю на работе, вы просто не представляете... Кстати, – переводит взгляд на Агату, – Дима говорил, ты вроде продавцом работаешь?

– Да, работаю продавцом-консультантом в магазине Beauty&Fashion. А что?

– Ничего себе! Какой богатый внутренний мир для продавца одежды. По тебе не скажешь, что отличишь Прокофьева от Мусоргского... Ну, ладно, Дим, давай к делу, – Наташа резко меняет тему. – Послезавтра к нам приезжает японская делегация. Будут подбирать себе сотрудников. Обратят внимание лишь на тех, кто заслужит уважение и сможет проявить стойкость. Ты ведь знаешь японцев – работают как машины и считают, что все остальные должны работать так же.

– Да, у них просто безумный ритм жизни, – Дима говорит с тихим восторгом. – А что от меня требуется?

– Ничего особенного, – Наташа дотрагивается до Димкиной руки. – Приедешь завтра в посольство к девяти утра. Папа будет тебя ждать. Он уже в курсе, а дальше – дело техники. Попасть на стажировку в Японию вовсе не так сложно, как тебе кажется.

– Не знаю, как и благодарить.

– Да прекрати... Только не забудь документы и смотри – не опаздывай.

– У меня столько идей, проектов, Наташка...

– Именно поэтому, ты не можешь больше терять здесь время, – Наташа игриво и бесцеремонно подмигивает Диме, и Агата едва удерживается, чтобы в порыве ревности не смести все со стола. В продолжении дальнейшего разговора Агата чувствует себя все более ненужной, лишней и буквально физически ощущает, как Наташа празднует победу, потому что практически выживает ее – Агату из собственной кухни, из собственного дома, полностью вытесняет ее из головы и мыслей Димки. Наташиного присутствия становится так много, а Агата словно уменьшается в размерах, делается ничтожной, незаметной, прозрачной. Она изо всех сил старается улыбаться, не показывать своих чувств, особенно при Наташе, но как только Дима закрывает за своей гостьей дверь, Агата не выдерживает и, обиженно скрестив руки, спрашивает:

– Ты оформил деловую визу, как я поняла?

– Так, на всякий случай.

– Почему не сказал мне?

Дима беспечно пожимает плечами:

– Вылетело из головы.

– Дим, что вообще происходит?

– Устраиваюсь работать по специальности, – Дима смеется, – а что? У меня просто... – он проводит рукой по лицу и продолжает серьезно, – мне просто ужасно хочется работать в Японии, пойми! Разве ты не видишь, что здесь я себе места не нахожу?

– Ясно. Я думала речь идет о новой работе, а ты, оказывается, собираешься переезжать. Мне что прикажешь делать?

– Ехать со мной, разумеется.

– Неужели переезд в другую страну и участие в международных переговорах сделают тебя счастливым?

Не дождавшись ответа, Агата отправляется на кухню, и чтобы хоть как-то себя отвлечь, включает воду и начинает мыть посуду.

– Я для этого учился, – Дима заходит следом и помогает убрать со стола. – Это же мечта всей моей жизни. Если бы ты могла понять...

– Чего я не могу понять?

– Я хочу определиться, найти свой путь. Черт возьми, я даже думать не могу ни о чем другом! Дело не в том, чтобы переехать, тут совсем другое. Наташка права: я ведь здесь только

время теряю! Не могу я прожить всю жизнь в этом городе, так и не добившись поставленной цели, потому что иду к этой цели с самого детства. И так боюсь не успеть всего, что наметил...

– Не говори ерунды, тебе всего двадцать три года. Никогда не поздно стать тем, кем тебе суждено.

– Да, но жизнь может оборваться в любую минуту. Большая ошибка надеяться на то, что все еще впереди.

– Представь себе, я тоже боюсь не успеть всего, что наметила. Я не виновата в том, что заболела, однако не позволяю себе делать то, что может причинить тебе боль.

– Когда это я причинял тебе боль? – Дима выглядит искренне удивленным.

– Даже не знаю что страшнее, Дим, что ты сознательно не понимаешь этого, или то, что притворяешься.

– Понятия не имею, о чем ты.

– Тем хуже для тебя...

– Я все делаю с мыслями о тебе. Новая работа, даже переезд никоим образом не помешают Нам.

Агата вздыхает:

– А кто отец этой Наташи?

– Первый секретарь российского посольства в Токио. Много лет прожил за границей, владеет несколькими языками, сделал блестящую дипломатическую карьеру. Новичку, вроде меня, есть чему у него поучиться.

– Тебе необходимо поучиться именно у него? У кого-нибудь другого нельзя?

Дима улыбается, встает позади Агаты и крепко прижимает ее к себе:

– Новиков – настоящий профессионал. С его связями устроить меня на работу раз плюнуть.

– Ясно. А его дочь печется о твоей карьере больше чем о собственной.

– Тебе помочь?

– Не надо. Иди в душ, сама все уберу. Ты же знаешь, я терпеть не могу беспорядок.

– Аккуратистка ты моя, – Дима ласково утыкается в светлые волосы Агаты. – Ну, а мне еще нужно закончить свой перевод, – он целует Агату в шею и уходит.

Становится до тревожного тихо, слышно только как из крана тонкой струйкой течет вода.

«Лучше бы Ты был моим иждивенцем, неспособным принимать самостоятельных решений, – Агата ловит себя на этом страшном желании, и ее сердце сладко замирает, – занимался бы своими переводами, сидел бы дома у меня под боком...»

Она ясно представляет картинку в голове «слабый и зависимый Дима» и испытывает жуткое удовольствие от своей фантазии. При этом Агату не смущает мысль быть единственным кормильцем их семьи, работать за двоих как лошадь, без выходных, хоть на трех работах; пусть Димка живет за ее счет, пусть ничего не делает в доме, лишь бы Он был рядом под ее присмотром и контролем двадцать четыре часа в сутки, был полностью зависим от нее!

– Димка, – обращается Агата, заходя в спальню получасом позже.

– М-м? – он устроился на кровати с ноутбуком на коленях и стучит по клавиатуре, периодически перелистывая страницы, лежащей рядом книги.

– Мне не нравится, что ты будешь работать вместе с этой... Наташей.

– Что еще за новости? – шуточно отзывается Дима, не отрываясь от работы. – Она мне как сестра.

– Знаешь, сестра, не сестра... Это все слова. Она привлекательная девушка, к тому же не ровно к тебе дышит.

– Чего-чего?!

– Я видела, как она на тебя смотрит.

– Могу дать стопроцентную гарантию – это точно не повод для беспокойства.

– Осторожно, Димка. Слова «безопасно» и «огнеопасно» очень легко перепутать.

– Я это непременно учту, – Дима хмыкает, не отводя глаз от ноутбука. – А слова «верность» и «ревность» состоят из одних и тех же букв, ты в курсе?

– Теперь – да.

– Агатка, неужели ты в кои-то веки меня ревнуешь?

Не ответив, Агата застегивает пижаму и забирается в постель. Она уютно возится, устраиваясь под одеялом, и ложится щекой на Димкино плечо. Некоторое время она задумчиво водит подушечками пальцев по его руке.

– Будешь спать? – тихо спрашивает Дима.

– Угу.

Дима закрывает ноутбук и перекладывает его на ночной столик:

– Не спи. Не спи!

– Ну, перестань! Щекотно!

– Как ты сегодня эрудицией-то похвасталась, – Дима одним движением притягивает миниатюрное тело Агаты к себе, – умыла Наташку с Прокофьевым.

– С Мусоргским.

– Учти, теперь ты ее кровный враг до конца дней.

– Так ей и надо. По ее представлениям у таких как я из интересов только пиво и чипсы.

– Успокойся, злючка, – Дима шелкает Агату по носу. – Посмейся и забудь.

– Мне вообще нет до нее дела, – Агата обнимает Диму за плечи.

– А мне так нравится, когда ты меня ревнуешь. Разъяренная кошечка...

– Ну что ты! Я ведь разделяю твои интересы, только чтобы произвести на тебя впечатление, а на самом деле...

– Значит, если бы не я, ты бы не стала интересоваться японскими фильмами? – Дима принимается медленно целовать шею Агаты, спускаясь к ключице.

– Конечно нет! Нужны они мне. Но как бы еще я смогла проводить с тобой время? – Агата, смеясь, стягивает с Димы футболку.

– Ну, мы не только кино посмотрим... – Дима дотрагивается губами до плеча Агаты.

– Ты, конечно, имеешь ввиду, совместное прослушивание Рахманинова? Тоже ерунда. Мне это совсем не интересно...

– А чтение Эдогавы Рампо вслух?

– Только чтобы запудрить тебе мозги...

– А традиционное бурное обсуждение прочитанного? Неужели тоже притворяешься?

– В этом ты прав, – Агата смеется, отвечая на поцелуи Димы. – Бурное обсуждение – мое самое любимое занятие в отношениях с тобой, – она плотнее прижимается к его обнаженному телу, – кажется, сейчас мы как раз займемся обсуждением последней книги...

– А ведь кто-то собирался ложиться спать или мне показалось?

– Ну тихо...

...

На часах 2:30. Но сна у Агаты ни в одном глазу.

Сидя на подоконнике, с любимой музыкой в наушниках, она изредка взглядывает на спящего Диму. Всякий раз его вид вызывает улыбку, и всякий же раз, когда Агата переводит взгляд на огни ночного города, ее сердце сжимается немыслимой тревогой.

«Наташа с ее жеманными улыбками и намеками теперь будет крутиться возле Него... А еще ее отец, который без сомнения может помочь Димке с карьерой. Новиков надавит где надо, и Димку возьмут на любую должность. Учítывая, что со своими родителями Димка в ссоре, ждать поддержки, кроме как от Новикова, ему больше не от кого. Но то, что Димка будет работать под покровительством Новикова – еще полбеда, а вот одержимость уехать из страны и работать в Японии...

Конечно профессия дипломата в любом случае связана с частыми поездками за границу, но не исключена возможность того, что Новиков, по просьбе дочери, специально подыщет Димке работу подальше от дома, и честолюбие, конечно же, не позволит Димке отказаться от подобного предложения».

Агата болезненно сжимает веки: «Я должна поговорить с Димкой. Надо ему запретить... Завтра же поставлю вопрос ребром: или я, или эти Новиковы!» – открыв глаза, Агата понимает, что уже давно смотрит из окна в одну и ту же точку, и только сейчас до нее доходит, что это не просто точка, это человек, который курит возле ее подъезда... Высокий, сутулый мужчина... Словно очнувшись Агата, наконец, узнает его лицо, и ее тут же обдает совершенно другой волной тревоги, в которой тонет только что, казавшаяся важной, проблема: «Глазам не верю... Опять он».

Есть в нем что-то неестественное, что-то до смерти пугающее. Окинув взглядом верхние этажи, «человек без возраста» прикладывает палец к виску, словно пытается сказать что-то Агате. Девушка тут же соскакивает с подоконника, задерживает шторы, бежит к входной двери и проверяет надежность замков. Агата просто в ужасе.

Вернувшись в комнату, она осторожно подходит к окну и отодвигает штору. Оглядывает двор. Никого.

Испытанный страх подстегивает юркнуть в постель и забраться к Димке под бочок.

«Он знает мой новый адрес... – Агата кусает ноготь, невольно прислушиваясь к редким звукам, доносящимся из подъезда. – Зря я Регинку не послушалась, зря! Давным-давно надо было заявить в полицию...»

Агата притягивает Димкину руку к своей груди, прижимается к нему плотнее. Почувствовав ее тепло, Дима тут же сгребает руками и привлекает Агату ближе к себе. Так он делает всегда, даже не просыпаясь, словно боится, что кто-то может вырвать любимую из его рук.

Глава 25

– Черт... Опоздаю в первый же день! – Дима вскакивает, как ошпаренный. – И почему не сработал будильник, ты, конечно, не в курсе?

Он несется в ванную, одарив Агату подозрительным взглядом. Агата, ничего не соображая (ей удалось уснуть всего час назад), сонно потирает глаза. Бросив унылый взгляд в окно – по стеклам и карнизам как заведенный барабанит октябрьский дождь, она отправляется на кухню; суетится с завтраком, пока Дима принимает душ, заодно восстанавливая в голове события минувшего вечера.

«Человек без возраста...» – Агата до сих пор не может поверить в то, что снова его видела и дает себе слово: сегодня же выяснить – кто этот человек и почему он ее преследует.

– Садись, все готово! – Агата снимает чайник с плиты.

– Не успеваю! – отзывается Дима, завязывая галстук перед зеркалом. – Ехать до Арбата и по таким пробкам...

– Кофе и бутерброд?

– Я не просто тороплюсь, а опаздываю. Лучше – помоги.

Агата подходит к Диме и помогает завязать галстук:

– Неужели думаешь, это я отключила твой чертов будильник? Я к нему даже не...

– Прошу тебя, помолчи.

Агата бросает на Диму короткий взгляд, но не возражает, только отмечает про себя, что никогда раньше Димка не был с ней груб. «Можно подумать, если ты опоздаешь на пол часика, Новиков не возьмет тебя на работу. Там все давно решено без тебя, дурачок».

Накинув пиджак, Дима проверяет кейс:

– Так, ничего, кажется, не забыл... – берет ключи от машины и выбегает за дверь.

– Димка!

– Что?

– Ты забыл меня поцеловать.

Дима недовольно закатывает глаза и быстро возвращается к двери. Он целует Агату, но она не дает ему уйти, пристав на цыпочки, крепко обнимает:

– Удачи...

– Ну все, пока.

Вырвавшись из объятий и с усилием улыбнувшись, Дима выбегает за дверь. Что-то внутри Агаты передергивается, обрывается.

«Он морщился, когда говорил со мной... Он даже не говорил, а просто огрызался! Я потеряю его и очень скоро»... – Агата с трудом отмахивается от этой страшной мысли, идет на кухню и принимается за завтрак. Ест без аппетита, уставившись в одну точку, невольно вслушиваясь в стук дождя по жестяному карнизу; затем приводит себя в порядок и звонит маме, чтобы узнать адрес Марины. Отчего-то Агата уверена, что Марина и незнакомец, стоявший вчера под окнами – связаны. Затем звонит Регине, подробно описывая ночное происшествие:

– Представляешь?

– Ужас, – заключает Регина, дослушав. – Ну, хорошо. Теперь ты поедешь к этой Марине, и что ей скажешь?

– Скажу все как есть. Скажу, что мужчина, который привозил ее к нам домой, маячит под моими окнами. Если она имеет к нему отношение, пусть потрудится объяснить – что ему от меня нужно. Поедешь со мной?

– Адрес можно пробить по номеру машины, – рассуждает Регина, – и заявить на чудика в полицию.

– Или пойти к Марине и все тихо-мирно разузнать. Может, она действительно замужем за этим человеком?

– Почему бы тебе с Димкой не поехать? – капризничает Регина. – Такой дождь. Никуда не хочу!

– Димка же работает, забыла? Уже умчался с утра пораньше. А у меня выходной, поэтому я хочу все выяснить сегодня.

– Выходной. Везет тебе, – Регина зевает, – а мне в два часа нужно быть в Beauty&Fashion, как штык. Опаздывать нельзя, сегодня ведь Луизка возвращается.

– Да ты успеешь вернуться еще двадцать раз. Марина живет совсем недалеко от твоего дома.

– Аверина. Девять утра... Я в такую рань просто не существую.

– Ну, как хочешь. Спи. А я поехала.

Агата знает, что Регина с ее авантюрным характером не упустит возможности поиграть в детективов. Всплывает в памяти эпизод из детства. Мама Агаты лежала в больнице, дома находился только пьяный отец со своими друзьями-собутыльниками. Агата ужасно боялась идти домой, а Регине как раз нечем было заняться. До позднего вечера подружки играли во дворе в детективов: Регина была Холмсом, Агата – Ватсоном... Агата то и дело взглядывала на окна, когда же, наконец, погаснет свет и можно будет без опаски вернуться домой, а Регина бегала за подругой и взбудоражено вопила: «Ватсон, подождите! Не ищите без меня приключений!» Агате было так плохо, хотелось спать, хотелось есть, но Регина, увлеченная игрой, даже не замечала этого...

– Ну ладно, уговорила, – зевнув, соглашается Регина. – Пойду собираться, так и быть. Нельзя же тебя одну отпускать.

– Тогда я выезжаю к тебе, – Агата смотрит на часы. – Буду у тебя через полчаса.

– Давай лучше встретимся на остановке, чтобы время не терять.

– Договорились.

Быстро собравшись, Агата отправляется на Бакунинскую улицу, садится на трамвай и доезжает до Красносельской станции. У перекрестка ее ждет подруга.

– Учитывая нездоровый интерес к тебе мутного друга этой Марины, идти к ней домой – это очень плохая идея, – выпаливает Регина, когда Агата забирается под ее зонтик. – А если дверь откроет он сам, Аверина?

– Незвестность еще хуже, – Агата перешагивает лужи. – Этот тип мне уже поперек горла со своей слежкой. Я часто по вечерам остаюсь одна. Каждый раз сидеть и дрожать, думая, не стоит ли кто под дверью?

– Чем больше ты говоришь, тем меньше хочется куда-либо идти.

Подруги проходят по Красносельскому переулку, поворачивают за угол, минуют еще три дома (как объяснила мать Агаты) и оказываются на месте.

Двор выглядит заброшено. Слышен лай собаки.

– Аверина-а, – протягивает Регина, боязливо оглядываясь. – Это же трущобы какие-то... Даже людей не видно.

– Я бывала здесь раньше, – уверенно сообщает Агата. – Помню и эту пятиэтажку, и эту улицу. Пошли.

Когда девушки оказываются у подъезда, снабженного домофоном, дверь открывается, и выходит женщина с детской коляской. Агата и Регина успевают прошмыгнуть внутрь.

– Вот видишь, – Агата перешагивает сразу через две ступеньки, – здесь тоже нормальные люди живут. Ничего страшного.

– Что ты надеешься там узнать, все-таки? – Регина складывает зонтик, поднимаясь следом.

– Для начала нужно поговорить с Мариной, если, конечно, она до сих пор живет здесь.

– А если откроет он сам? Тот чудик? Пообещай мне одну вещь, если откроет тот самый тип, мы сразу же, не задавая никаких вопросов, дадим отсюда деру и вернемся только в сопровождении полицейского. Хорошо? Третий этаж, – Регина кивает на квартиру с номером «56»

Заставив себя принять отстраненное выражение лица, Агата нажимает на кнопку звонка.

В глубине квартиры раздается звук, похожий на щебетание птиц, затем слышатся шаги, и в глазке загорается точка. Регина нервно переминается с ноги на ногу, готовая рвануть с места как спринтер на старте и поглядывает на Агату. Несмотря на то, что кто-то явно стоит за дверью, этот кто-то не спешит открывать. Едва Агата решает проявить настойчивость, и снова тянется к звонку, как раздается долгожданный щелчок, и в приоткрытой двери возникает немолодой, полноватый, заспанный мужчина:

– Вам кого?

– Добрый день, – улыбается Агата. Регина, успокоенная ее реакцией, мгновенно выдыхает. – Скажите, Марина дома?

– Кто?!

– Марина.

– Здесь такая не проживает...

– Понимаете, мы ищем женщину, которая раньше здесь жила, – выпаливает Агата, пока хозяин не успел закрыть дверь. – Она наша подруга. Давняя.

Хозяин приглядывается к девушкам:

– Мы переехали сюда десять лет назад, – он говорит, не отводя глаз от намочшего свитера Регины, – покупкой квартиры занималась жена. К тому же договор оформлялся через риелтора и, увы, я не знаком с прежними жильцами.

– Может, подскажите, как связаться с риелтором? – спрашивает Регина.

– Вам, собственно, что желательно знать? Куда переехали сектанты?

Агата и Регина переглядываются. Мужчина хмыкает:

– Да ладно, девушки. Вы не первые кто этим интересуется. Просто впервые слышу байку про давнюю подругу. Вы журналистки?

– Нет, вы не поняли, – Агата качает головой, – мы действительно разыскиваем подругу.

– К сожалению, ничем не могу помочь.

– Ну, хорошо, а где эти... сектанты? – спрашивает Регина. – Вы не знаете?

– Понятия не имею. Видите? – мужчина высовывается из двери, указывая на прямоугольный след на стене. – Они и табличку свою забрали. Висит сейчас над какой-нибудь другой дверью.

– А что здесь было? – озадаченно спрашивает Агата.

– Штаб-квартира. Собрания чернокнижников. Спиритические сеансы или что-то вроде того.

– И вы не побоялись купить такую квартиру? – удивляется Регина.

– Я без предрассудков. Квартира была выставлена на продажу по бросовой цене и, представьте себе, за все годы я не видел ни одного привидения.

Мужчина приторно улыбается, то и дело косясь на грудь Регины, выпирающую через влажную ткань свитера.

– Спасибо, – говорит Агата. – Извините за беспокойство.

– Может, еще чем-то помочь?

– Нет. Спасибо еще раз.

– Идиот... – раздраженно шепчет Регина, пока Агата тянет ее к выходу. – Это точно не тот псих, который преследует тебя?

– Конечно нет. Тот высокий, под два метра ростом, брюнет, лицо узкое, и нос такой, с горбинкой...

Агата пытается собраться с мыслями, оказавшись на свежем воздухе.

– Пойдем отсюда, Аверина. Жуткое место. Слыхала? Сектанты. Я думаю, самое время сообщить номер машины в полицию и не лезть больше в это дело самим.

– Думаю, ты права. Знаешь, что напрягло больше всего?

– То, что сектанты переехали десять лет назад.

– Да. Столько же лет прошло после смерти Вадима.

– Думаешь, это связано, с тем что... ну, с его смертью?

– Не знаю... Но мне даже подумать страшно, будто мой брат состоял в какой-то секте. Вот бы узнать, чем они здесь занимались.

– Кстати, Димка как-то высказал предположение, что смерть Вильчука тоже связана со смертью Вадима.

Агата останавливается:

– Когда это вы обсуждали?

– Да так, случайно зашел разговор...

– Как это он зашел? Как он вообще мог зайти? Когда вы с Димкой говорили о Вадиме и Вильчуке?

– Что ты завелась? Когда ты попала в больницу, мы как-то случайно разговорились об этом.

– Регин, что за привычка обсуждать меня за моей спиной?

– Да нужна ты очень, обсуждать тебя... Успокойся. Ничего особенного я твоему Димке не сказала.

Девушки идут по проспекту в сторону метро. Чтобы избежать продолжения неприятного разговора, Агата изобретает предлог:

– Мне нужно в аптеку. Ты поедешь на работу или..?

– Иди. Я тебя подожду. Позвоню пока Темке.

Агата направляется в аптечный киоск, понимая, что безумно сердится на подругу:

«Вечно лезет в чужие дела. О своих проблемах помалкивает, а о моих – пожалуйста! Конечно, приятнее болтать о чужих неприятностях, а о своих при этом забывать».

Однако выйдя на улицу Агата замечает, что от прежнего оживления Регины не осталось и следа, та стоит, как в воду опущенная.

– Что случилось?

– Темка завтра в армию уходит... – Регина убирает свой мобильник, достает из сумочки пачку сигарет и закуривает. – Ты не смогла бы сегодня выйти на работу вместо меня? С Луизой я договорюсь. Хочу побыть с Темкой.

– Конечно, о чем речь.

– Спасибо.

– Ты... поговоришь с ним? – спрашивает Агата. – Ну, о том, что рассказала мне вчера.

– Нет, – отсекает Регина. – Незачем ему знать об этой грязи. Пусть уедет со спокойным сердцем. По правде сказать, я даже рада, что он уезжает...

Глава 26

«Закон Бумеранга»

Зло излученное тобой к тебе вернется непременно? Совсем не обязательно.

Классический случай неприязни двух агридов, вылившийся в поединок между двумя особями женского пола, описывается в главе 4, книги Вершителя Крию Гуна.

Мэри, возраст 34 года и Ванесса, возраст 37 лет – подруги детства, работали в одной и той же крупной туристической фирме. Мэри была убежденной феминисткой. Ванесса – замужней дамой с тремя детьми, что не мешало ей предаваться мечтам и тайно грезить о парне из бухгалтерского отдела Барни Флинне. На рождественской вечеринке, будучи изрядно под шафе, Ванесса разговорилась и проболталась Мэри о своей тайной, долголетней симпатии к их общему коллеге. Именно в тот момент Мэри впервые посмотрела на Барни Флинна другими глазами.

Через месяц Ванесса узнала, что Мэри и Барни Флинн летят в отпуск на Мальдивы – вместе. Сгорая от ревности, Ванессе, имеющей доступ к финансовым отчетностям, и знающей, что Мэри бывает не чиста на руку, ловко удалось подставить подругу перед начальством. Мэри чудом не уволили, и в наказание понизили в должности. О том, что к этому приложила руку Ванесса, Мэри и не догадывалась. Она не отменила намеченной поездки, но собиралась в нее уже с гораздо меньшим энтузиазмом.

«Мы тоже летим в отпуск в конце месяца, с детьми, всей семьей», – как ни в чем не бывало сообщила Ванесса подруге, делая ударение на слове «семья». Колкость сделала свое дело. В сердце Мэри закралась тревога – ей было известно, что Барни Флинн настоящий ловец и едва ли соблаговолит когда-нибудь сделать предложение. К тому же она была расстроена из-за неприятностей на работе. Ей было плохо, и она даже не подозревала, что виной тому стала подруга детства. Ванесса ликовала и не чувствовала угрызений совести. Она считала, что Мэри заплатила ей по счету.

Подруги пожелали друг другу счастливого пути и обе отправились в отпуск: Мэри с Барни Флинном, Ванесса – с мужем и детьми.

Рассматривая эту ситуацию в астральном диапазоне, мы бы увидели, что обе женщины обладали достаточно сильными агридами с фиолетовой энергией. Однако оберег Мэри был сильнее – эта женщина привыкла к независимости, всю жизнь строила карьеру и умела «ходить по головам». Ее агрид вытягивал много чужой энергии, питая ее оберег; что до Ванессы, ее оберег был ослаблен многолетними домашними заботами и постоянной тревогой за детей. К тому же Ванесса жила с нелюбимым мужем.

Агрид Мэри совершил укус агрида Ванессы, когда она сообщила подруге, что улетает в отпуск с Барни Флинном. В отместку Ванесса предприняла ряд действий, призванных навредить Мэри. Ее гнев был столь силен, что обернулся разрушительными фиолетовыми молниями, которые атаковали оберег Мэри. Но Ванесса не подозревала, что оберег Мэри намного сильнее ее собственного, и гнев, отразившись от крепкой защиты подруги, возвратится к ней и поразит ее саму.

Когда самолет, в котором Ванесса с семьей возвращалась из отпуска, заходил на посадку, по непонятным причинам он стал терять высоту и разбился. Смерть Ванессы была почти мгновенной, но в последнюю секунду она успела подумать и удивиться тому, насколько сильно любит своего мужа.

Глава 27

– У тебя там мобильник разрывается, – недовольно сообщает Луиза. – Ты не могла бы перевести его в беззвучный режим?

Агата как раз переодевает манекены в зале. Она оглядывается:

– Можно я отвечу? Это по делу, важно.

Луиза не любит, когда сотрудницы отвлекаются от работы, но Агата редко о чем-то просит:

– Ответь, только быстро. Клиентов полно.

Оставив на половину одетый манекен, Агата мчится в комнату персонала. Достает из сумки телефон. Помимо пяти пропущенных видит смс: «Срочно перезвони». Агата ожидает услышать вовсе не романтическое «я соскучился, любимая» или что-то в этом духе. Скорее всего, Димка сообщит новости о ходе ремонта, так как сегодня должен находиться дома вместе со строителями – но какая разница, что он скажет? Главное, слышать самый дорогой голос на свете...

С того момента как Дима устроился на новую работу Агата с ним почти не видится. Каждый день Дима уезжает рано утром, возвращается поздно вечером усталый и выпотрошенный. В редкие выходные Дима то и дело сидит за компьютером или изучает документы. Ему не до Агаты, да и она живет на бегу. Все свое время Агата вынуждена проводить в Beauty&Fashion, хотя и рассчитывала, что по возвращении Луизы загруженность станет меньше. Не тут-то было! Луиза получила в Милане крупный заказ и, вернувшись, сразу же принялась за создание новой коллекции, а все заботы с магазином автоматически легли на плечи ее самой ответственной сотрудницы.

– Да, Дим, что случилось?

– Наконец-то. До тебя не дозвониться.

– Я вообще-то на работе, – Агата слышит отдаленный шум и понимает, что Дима не дома. У нее появляется дурное предчувствие. – Ты где?

– В аэропорту.

– Как? – ноги Агаты подкашиваются, будто кто-то с силой ударил по ним. – Почему?

– Представитель России, который должен был лететь на форум в Токио, скончался от инфаркта сегодня утром, и я лечу вместо него. Агатка? Ты слушаешь?

– Да...

– Вообще, мне придется заменить его и повременить с нашим ремонтом. Строителям я уже позвонил и дал отбой.

– Да черт бы с этим ремонтом. Как это ты улетаешь и даже не попрощался со мной по-человечески?

– Я бы не успел никуда по таким пробкам – нас привезли сюда прямо из посольства.

– Нас?

– Я лечу с российской делегацией.

Агата до ломоты в пальцах сжимает мобильник и ясно представляет лицо Наташи:

– Пожалуйста, позвони, как только приземлишься. Я буду очень волноваться...

– Ты будто на войну меня провожаешь, – Дима смеется, но Агате совсем не нравится его смех. – Не трусь. Позвоню обязательно. Буду звонить каждую свободную минутку. Вернусь максимум через две недели и зацелую тебя, ладно? Ну, все, мне пора, скоро посадка. Я очень, очень тебя люблю.

Агата отнимает телефон от уха. Ей кажется, что вместе с этим разговором все жизненные силы разом покинули ее. В зал она возвращается на ватных ногах. Регина и Маша видят, что на подруге буквально лица нет и вопросительно смотрят на нее.

– Куда это он улетает? – бесцеремонно спрашивает Луиза, с любопытством смотрит Агате в глаза, одновременно жестом показывая Маше и Регине не отвлекаться от работы.

– Вы что, подслушивали?

– Ты за кого меня принимаешь? – шутливо спрашивает Луиза. – Случайно услышала, ты громко разговаривала... Так что случилось?

Агате совершенно не хочется отвечать:

– Улетает в Токио по делам.

– Твой парень? С которым ты живешь?

– Да.

Луиза приподнимает брови:

– Хм. Понимаю, – она принимается клацать по клавишам. – Я была в Токио, Киото – фантастика. Япония это страна, которая впечатляет с первого взгляда. Роскошные скверы, парки, улыбчивые люди, а какой там комфорт! Знаешь, как мой муж говорит: «Простите меня за то, что я был в Японии, а вы нет». Смотри, чтобы твой парень не слишком там освоился.

– Спасибо за совет, – пропустив ядовитые слова мимо ушей, Агата возвращается к прерванной работе. Все буквально валится из рук. В голове сплошной туман.

– Агатка, что у тебя стряслось? – шепотом спрашивает Маша, подойдя к ней. Луиза тут же делает Маше замечание, и та отходит. Вскоре Луиза сама подходит к Агате:

– Все в порядке? Помощь нужна?

Агата бросает на начальницу короткий взгляд:

– В порядке.

– Бродишь по залу как привидение. Всех клиентов распугаешь! – Луиза недовольно скрепчивает руки. – Иди-ка домой, – заключает она, поразмыслив. – Отработаешь в другой день. Сегодня от тебя все равно не будет толку.

Оказавшись дома, Агата сразу же принимает таблетку – головная боль дала о себе знать вскоре после звонка Димы. Затем забирается под прохладный душ, то и дело поглядывая на свой мобильник. Ей все еще не верится, что сегодня она будет ночевать одна. Вот сейчас, Дима позвонит и скажет, что разыграл ее и едет домой. Вот сейчас, вот сейчас...

Дисплей, словно загипнотизированный настойчивым взглядом, начинает светиться яркомолочным светом. Незнакомый номер. Агата хватается трубку:

– Не успела ты уйти, как Луиза нам все растрепала, – Агата узнает Регинкин голос. – Чужая беда ей как бальзам на душу.

– С чьего номера ты звонишь? – удивляется Агата.

– Воропаева... – Регина понижает голос. – У меня телефон разрядился, а он тут рядом. Ну как ты?

Агата выключает воду и набрасывает полотенце:

– Нормально...

– Эй, серьезно, я волнуюсь за тебя.

– Я же сказала, все нормально.

– Как всегда. Хватит строить из себя железобетонную. Выговорись. Наори, если не на Димку, то хоть на меня, в конце концов.

– Спасибо, Регин, я, конечно, расстроена, но все в порядке, честное слово.

– Слушай, мы тут в ресторан собрались, – голос Регины приободряется. – Можем заехать за тобой. Отвлечешься, поболтаем.

Агата знает, что Регина так и не сообщила Артему о своей измене, решив, что признание ни ей, ни тем более ему не принесет облегчения. Зато проводив Артема в армию, Регина с легким сердцем ударилась в новые отношения. До сегодняшнего дня Агату это обстоятельство никак не волновало, но сейчас, именно в этот момент, вдруг начинает дико раздражать.

– Алло, ты здесь? Я говорю, сколько времени тебе нужно на сборы?

– Я никуда не поеду, – чеканит Агата. – Хочу побыть дома, привести мысли в порядок.

– Самоедка ты, Аверина. Хватит рыдать, поняла? Давай, бери себя в руки. Димка ведь работать поехал, не развлекаться. Старается для вас обоих.

– Я и не рыдаю, – Агата с усилием желает Регине хорошо провести время и отключает телефон. Не представляя как отвлечься и чем заглушить тягостные мысли, она начинает неприкаянно бродить по комнате. Включает телевизор, на который не способна обращать внимания, и остаток дня превращается в форменную пытку.

На часах половина третьего ночи, звонка от Димы по-прежнему не было. Агата заставляет себя раздеться и лечь. Кладет мобильник рядом, накрывается одеялом с головой, обнимает подушку:

– Повсюду твой запах... Так ведь рехнуться можно...

Слезы вырываются сами собой. Агата даже не помнит, чтобы хоть раз в жизни так горько плакала.

Глава 28

Утром Агата просыпается от телефонного звонка.

Дима сообщает, что соглашение между Россией и Японией о научно-техническом сотрудничестве благополучно подписано. Говорит, что принимал в переговорах непосредственное участие, и Новиков, оставшийся весьма довольный его выступлением, пригласил остаться на стажировку.

– Я рада, – отвечает Агата, хотя едва ли в тот момент способна чему-либо радоваться. Ее опасения сбываются. Как она и предполагала пара недель, которые Дима должен был замещать внезапно умершего русского представителя, растягиваются на месяцы.

«Смотри, чтобы твой парень не слишком там освоился», – то и дело всплывает в памяти Агаты. Ее жизнь, до отъезда Димы наполненная любовью, сменяется агонией непрерывного ожидания.

Узнав от Нелли о том, что дочь теперь живет одна, Анна просит Агату вернуться домой, но та наотрез отказывается: «Зачем? Чтобы слушать вашу с папой круглосуточную ругань? Нет, мам. Оставим все как есть».

Агата чувствует себя увереннее и спокойнее, находясь на расстоянии от родителей, но разлука с Димой действует на нее с совершенно противоположным эффектом.

На работе она то и дело непроизвольно оглядывается на входную дверь. Ждет, что вот-вот, как по волшебству, в дверном проеме появится ее любимый. Агата с радостью берется за любое дело, поручаемое Луизой, обслуживает покупателей с еще большим рвением лишь бы отвлечься от невыносимой тоски и мыслей, но ее работа лишена прежней искрометности, ведь именно любовь Димы воодушевляла, давала силы, а теперь...

Словно в кошмарном сне пролетают для Агаты два месяца..

Выпадает снег, на площадях сияют елки, город готовится к новому году. Где бы не оказалась девушка, будь то Комсомольская площадь или тихий переулок Арбата – повсюду натывается на места, которые, как ей кажется, до сих пор хранят их с Димкой застывшие призраки. Агата с жадностью вглядывается в блеклые силуэты, которые по-прежнему стоят в обнимку и держатся за руки.

Дима звонит каждый день, но между ним и Агатой нет прежних беспечных разговоров, нет былой откровенности. Агата все время вспоминает, как раньше они не могли наговориться, как их словно прорывало; их телефонные разговоры никогда не были краткими, оборванными, бытовыми, словно ни о чем. Интерес одного подогревался интересом другого, и темы без остановки вытекали сами собой. Помимо обычного романтического мурлыканья Дима и Агата обсуждали все: фильмы, книги, музыку, впечатления, мечты, страхи... Рассуждая на серьезную тему, они, ни с того ни с сего, могли перескочить на какой-нибудь анекдот и рассмеяться до слез. И когда Дима, словно вспомнив о своей серьезности, спешил оборвать возникший хохот, присмирив то ли Агату, то ли самого себя, таким быстрым и расчетливым «ну тихо, тихо, тихо», сам, первый не выдерживал молчания и взрывался новым приступом смеха, заражая вслед и Агату фонтанирующим озорством. Скованные, молчаливые по-отдельности, вдвоем они словно светились, а все совместное между ними было мгновениями настоящего заполненными счастьем.

Но теперь все это в прошлом.

Как понять, находясь на таком расстоянии друг от друга, что за человек говорит с тобой? Что у него на уме? Что у него на сердце?

«Он избегает откровенных разговоров со мной, чтобы не выдать своих чувств. Он больше ни в чем не уверен...» – неизвестность терзает Агату, а телефонные разговоры, невольно сводящиеся к обсуждению повседневных забот, не способны открыть ей правду.

– Что такое Маруноути?
– Деловой центр Токио. Почти все правительственные учреждения находятся неподалеку.

– Ясно.

– Здесь мы теперь живем.

– Ты все время повторяешь «мы». Кто это «мы»?

– Те, кто проходит практику в российском посольстве. Нас двенадцать человек в делегации. Представляешь, вчера я познакомился с премьер-министром Японии...

Агата вслушивается в звук голоса Димы, стараясь что-либо понять по интонации. «Что он сейчас делает? О чем на самом деле думает?! Может, дочка Новикова сейчас там, рядом с ним?! А что? Родители прочат ее в невесты с самого детства и сделают все, чтобы их поженить... Нет. Димка так не поступит. Это же Димка, мой Димка!!! Он бы обязательно сказал, если бы что-то изменилось!»

– Дим...

– Да?

– Между нами все по-прежнему? Ты обещаешь, что вернешься? – Агате самой не верится, что она пересилила свою гордость и решилась об этом спросить.

Дима подавленно вздыхает:

– Я же говорил, что сейчас, когда карьера пошла в гору, мне нежелательно возвращаться в Россию. Ты не представляешь какая здесь конкуренция. Но обещаю, что при первой же возможности поговорю с Новиковым, и заберу тебя к себе. Потерпи.

– Сколько еще?

– Это решаю не я, вернее, не только я.

– У меня уже нет сил... – Агата старается говорить спокойно, но на самом деле чуть не плачет.

– Знаю, малыш. Думаешь, я с ума не схожу? Не видеть тебя, не прикасаться к тебе... Скучаю по твоим пальчикам, вечно перепачканным красками, по твоим губкам... Сейчас бы расцеловал каждый миллиметр твоего тела. Я люблю тебя, скажи, что тоже любишь.

– Нет, не скажу. Ты сам должен это понимать.

– Перестань, мне ведь тоже плохо. Я не вижу тебя, не знаю, что с тобой происходит.

– Тогда возвращайся. Плюнь на эту стажировку.

– Ты опять за свое? Не трепи мне нервы, пожалуйста... Извини...

– Ничего.

– Не обижайся, слышишь?

– Я не обижаюсь. И ты меня извини.

– Агатка, ты знаешь, что я встречу новый год на шесть часов раньше тебя? Кстати, какие у тебя планы на праздники?

– Пойду на тусовку с друзьями.

– Ты хочешь сказать с подругами?

– Не важно. Приезжай и сам посмотри, с кем я проведу новый год.

– Брось, Агатка. Перестань. Ты ведь все понимаешь.

– Прости, я веду себя по-дурачки...

– Да уж, совсем на тебя не похоже.

– Какая у вас погода?

– Холодно. Я хожу в зимней куртке. Но снега здесь совсем нет. А у вас?

«Хватит! Прекрати немедленно, сколько можно?! Хватит спрашивать меня о погоде и прочей ерунде! Я не могу больше! Слышишь? Не могу! Я не железная!!!! Забудь о моем существовании и телефон мой забудь!!!!!» – Агата еле сдерживается, чтобы и вправду не закричать, не обрушиться на Диму с упреками, наговорить ему гадостей и отключить телефон.

А потом не отвечать на Его многочисленные звонки, зная, что Он сходит там с ума, но зато ей станет хоть немного легче здесь, одной, без Него. Да. Хорошо все это представлять, прокручивать в мыслях, но все это и вправду – так не похоже на Агату. Что бы сделала любая, мало-мальски уважающая себя, девчонка, если бы почувствовала, что ей вешают лапшу на уши? Послала бы своего парня подальше! Но Агата, хоть и чувствует себя полной идиоткой, по-прежнему находит поступкам Димы миллионы оправданий, отказывается верить в плохое, и счастлива, Господи, как же она счастлива уже только тем, что слышит Его голос.

– Надо терпеть, – убеждает себя Агата, зная, что откровенный разговор между ними может лишить ее этой последней радости: слышать Его голос. – Надо выбросить из головы все дурные мысли, молчать и терпеть.

Глава 29

– Разве это работа? Я хочу быть актрисой, так же как Агатка хочет быть художницей. В магазине мы просто убиваем время! Я-то приехала в Москву с надеждой на большое будущее, а в итоге? Тьфу... Второй год хожу с табличкой на груди. – Маша копается в сумочке и достает бейдж со своим именем: – Вот. Ненавижу эту штуку! Как клеймо!

Регина ухмыляется и качает головой:

– Маш, ты ненормальная.

– Вон Агатка идет, – говорит Маша, кивнув в сторону входа, – еще не распрощалась со своей хрустальной мечтой, в отличие от меня. Спроси-ка у нее, что она думает по поводу этих наших табличек? – Маша скрещивает руки на груди и откидывается на спинку стула.

Агата подходит к столику, снимает куртку и присоединяется к подругам:

– Привет.

– Я не знаю как с ней разговаривать, Аверина, – шутливо говорит Регина, кивнув на Машу. – Опять завела старую пластинку. Говорит, три часа, проведенные в нашем магазине, равняются вечности!

– Смотря как провести эти три часа, – говорит Агата.

– Съела? – прищуривается Регина.

Маша только улыбается:

– Агатка слишком счастлива, чтоб меня понять! У нее повышено количество эндорфина в крови.

– Чего-чего?

– У влюбленных людей эндорфин вырабатывается в больших количествах, так что Агата вроде как под анестезией.

– Может, и тебе последовать ее примеру и обзавестись амурчиками в голове? – Регина смотрит по сторонам. – Может, хоть ныть перестанешь. Как тебе красавчик за соседним столиком?

– Смейся, смейся! Да если я захочу, найду себе такого парня, что ты обзавидуешься!

– Не забудь загадать желание под бой курантов, сердцеедка!

– Что вы пьете? – Агата изучает меню. Она не собиралась составлять подругам компанию, но тридцать первое декабря, одной, в пустой квартире... Ей показалось, что это уже чересчур.

– Я пью шампанское, – отвечает Маша, – Регинка – виски. Хотя нет. Регинка уже пьет все подряд. А ты что такая непраздничная?

– Димка не поздравил, – вполголоса предполагает Регина и пытается захватить соломинку губами. Агата пристально смотрит на нее, но та не замечает.

– Ну что там про наши таблички на груди? – спрашивает Регина у Маши. – Ты не досказала.

– Бейдж одурманивает мозги, – тут же чеканит Маша. – Людей, и без того скудно образованных, не имеющих кругозора и возможности развиваться в том направлении, в котором им хочется, бейдж гипнотизирует. Потому что не требует приложения дополнительных усилий.

Регина вопросительно хмурит брови:

– Че?

– Ну смотри, – продолжает Маша несколько мягче, – зарплата у нас хорошая, работа не пыльная, мозги напрягать особенно не требуется. В конце концов, мы смиряемся с тем, что являемся одной из миллиона официанток, маникюрщиц, продавщиц – какая разница, что написано на бейдже? Суть от этого не меняется. Нам так проще. Проще пресмыкаться, не прикладывая излишних усилий. И мы забываем о заветной мечте, о своей цели, об истинном при-

звании и становимся «обслуживающим персоналом», не замечая как за этим занятием проходят годы...

– Зашибись, – сердито выговаривает Регина. – Ты чего несешь-то? И говори за себя, ладно? «Пресмыкаться»... Да такую работу как наша – днем с огнем не найти! Ну, не поступила ты в свой ВГИК, извини, не получилось. Придется переждать год-другой, потрудиться. Не всем дано срывать звезды с неба. Желających на одно место – сколько? И всем подавай заветную, хрустальную мечту. Всем подавай все и сразу! А хрустальная мечта – на то и мечта! Надо уметь радоваться мелочам, вот, что я тебе скажу.

– А сама-то ты умеешь радоваться мелочам? – передергивает Агата.

– Сорри, – внезапно Маша поднимается с места, глядя на свой мобильник, – это родители, одну минутку. Да, папуль! С наступающим!.. – весело заулыбавшись, она отходит в сторонку.

– Ты чего, обалдела что-ли?! – Регина тут же оскорбленно поворачивается к Агате.

– В смысле?

– В прямом! Она нас грязью сидит-поливает, а ты вместо того, чтоб меня поддержать...

– Никого она грязью не поливает, просто говорит, что думает. Если она кого и ругает, так только себя за то, что впустую тратит время, когда способна на большее. Другое дело – почему ты так болезненно реагируешь?

– Знаешь, что она мне говорила, пока ты не пришла?

– Мне это не интересно...

– Что нам троим не хватает образования для того, чтобы заниматься чем-то стоящим в жизни, поэтому мы и прилипли к Луизе. Ну? Каково? Какое она имеет право так говорить? Провинциалка несчастная...

Агата терпеливо вздыхает:

– Опять твое нытье полупритворное.

– Естественно полупритворное... – Регина ухмыляется. – Только у тебя ничего нет «притворного» и даже «полупритворного». Тебе ведь тоже, как и Машке, не место в магазине одежды! Ты вынуждена там работать!

– Регин, я терпеть не могу, когда меня втягивают в пьяные истерики. Если не сбавишь тон, я пожелаю тебе счастливого нового года и уйду. Ты меня знаешь.

– Какие мы нежные! Только попробуй, уйди. Я еле менеджера уломала, чтоб попасть сюда... Аверина, что ты вечно строишь из себя? Ты так уверена, что мне просто хочется почесать языком? Ну, что ты за подруга после этого? – Регина обиженно шмыгает носом. – Может, сейчас, когда я напилась, у меня и обнажаются все потайные раны...

– Какие раны, Регина? Ты всю жизнь делаешь, что хочешь! Тебя никто ни к чему не принуждает. Если уж говорить обо мне или Машке, так мы действительно вынуждены были устроиться на работу в магазин, в отличие от тебя. Ты ведь выбрала необременительную работу вместо института по собственной воле. Теперь наигралась и надоело?

– Да что ты знаешь обо мне? Неужели, думаешь, только ты и твоя Машка способны мечтать о *великом*? Считаете меня пустышкой? Думаете, мне не бывает стыдно, обидно от того, что мир сузился до размера магазина – этой коробки с барахлом, которое нужно продавать?

– Так это твой выбор! Ты выбрала в жизни ту меру сложности, которая пришлась тебе по душе.

– Я бы сказала ту, которая оказалась мне по плечам... – Регина проглатывает оставшийся виски.

– Хватит пить, – раздражается Агата. Она отбирает у Регины бокал и придвигает тарелку с закусками.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Аверина: если тебе настолько тошно, возьми и измени свою жизнь.

– Конечно. Можно подумать, у тебя есть препятствия. У тебя такие замечательные родители, в любом деле тебя поддержат!

– Ты же знаешь, что *есть* у меня препятствие, – Регина переводит взгляд на звонящий мобильник. – Вот оно – это препятствие. Твою мать... Иди к черту! – Регина огрызается на свой телефон, как на злейшего врага и остервенело жмет кнопку «отклонить вызов».

Агата убеждается в подозрениях:

– Вы что, с Воропаевым поругались?

– Ни в коем случае, – безмятежно произносит Регина. – Просто Леонид Евгеньевич соби-
рались приехать, но предпочли остаться с семьей, за новогодним столом. Вот пусть и сидит...
Ой, не хочу о нем. Все. Давай сменим тему. У меня, между прочим, есть для тебя новости.

Агата слегка приподнимает брови:

– Ну?

– От нечего делать я вчера рылась в интернете и навела справки о той секте, помнишь?

– Еще бы, – оживляется Агата. В ее воображении тут же всплывают воспоминания о неза-
конченном расследовании. – Хотя в последний раз я видела чудика еще до Димкиного отъезда.
Наверное, наконец, надоело шпионить за мной. Может, нашел себе *другую*. – Усмехается. –
Так что ты узнала?

– Узнала, что по адресу, где якобы жила Марина, на самом деле проживала довольно
странная семейка.

– Почему «странная»?

– Потому что они выдавали себя за родственников – отца, мать и дочь, а со стороны
казались ровесниками. Кроме того, поскольку квартира была огромной, с ними проживало еще
несколько человек. Представляешь?

– И как они это объясняли?

– Тот противный дядька – хозяин квартиры, который с нами общался, немного нас дез-
информировал. На самом деле, *их* организация не являлась сектой в привычном религиозном
смысле, скорее, это была частная лавочка, зарабатывающая на желании людей сохранить свое
здоровье. К *ним* приходили с целью избавиться от порчи, болезни и все такое. Кстати, отзывы
весьма положительные. *Им* многим удалось помочь. По крайней мере, так пишут в интернете.

– И вскоре после смерти Вадима, *они* выставили квартиру на продажу и переехали, –
размышляет Агата вслух.

– Да.

– И никаких следов куда *они* переехали?

Регина отрицательно качает головой:

– Если б ты знала, Аверина, сколько людей, кроме тебя, задается тем же вопросом
и разыскивает *их*...

– Девчонки!!! – радостная Маша возвращается к столику и обнимает Агату со спины. –
У меня есть тост!

– О-о, больше из-за бейджа мы не переживаем...

Маша начинает наполнять бокалы, не реагируя на Регину:

– Давайте за то, чтобы в новом году, все-все у нас изменилось к лучшему, а?

– Вот в этом я тебя полностью поддерживаю! – говорит Регина. – За нас, красотки!

– За нас, – Агата протягивает бокал и мимоходом бросает взгляд на экран большого теле-
визора, висящего над барной стойкой: до полуночи остается ровно шесть часов. За окном мер-
цают гирлянды, по шоссе медленно тянется вереница сигналящих автомобилей, у прохожих
вырываются клубы пара изо рта, и всех переполняет волнующее предвкушение волшебства,
надежд, которые возлагаются на завтрашний день.

«С Новым Годом, Димка...» – шепчет Агата.

Глава 30

Методика исполнения заветных желаний или Мантра Привлечения Удачи.

Для проведения этого ритуала Агата поднимает голову вверх, вытягивает руки к небу, а затем четко и осознанно проговаривает:

– Я есть счастье. Я есть удача. Я есть сила, любовь и молодость. Я есть талант, успех и достаток. Я есть благополучие и долголетие... С этими словами сила моего агрида растет...

Прочитав Мантру несколько раз, Агата позволяет агриду покинуть свое тело, и некоторое время тот отсутствует. Когда он возвращается, оберег Агаты начинает сиять золотистым светом и наполняется энергией счастья, удачи и благополучия.

К сожалению, Агате не известно, вернее, она ни разу не удосужилась задуматься о том, что происходит в момент произнесения ею заветных слов Мантры. Оказывается, агрид, покинув ее тело, отправляется на поиски жертв и принимается упоительно вытягивать энергию из всего живого, что попадает к нему на пути. Агрид высасывает счастливую энергию более слабых сородичей, попросту говоря, выкрадывая чужое счастье у тех, кто не может его уберечь.

Глава 31

Неразлучные подруги Гелена Назарова и Ирма Постникова пересекают порог магазина Beauty&Fashion.

Увидев их, Регина начинает метаться, как зверек в клетке:

– Убейте меня...

Агата устало вздыхает, глядя на Регину:

– Иди, спрячься в примерочной. Я сама их обслужу. Мне ведь не надо беречь репутацию школьной королевы.

– Аверина, ты моя спасительница! Проси у меня потом, что хочешь! И угораздило же Машку именно сегодня ускакать на свои кинопробы...

С этими словами Регина закрывается в примерочной кабинке, а Агата направляется к девушкам, равнодушно перебирающим вешалки с одеждой: «Конечно, по мнению Регинки – для меня это суший пустяк».

– Гелена, Ирма, привет! – губы Агаты растягиваются в улыбке продавца-консультанта.

– Вот так встреча! – Гелена целует Агату в обе щеки. Ирма делает то же самое. – Сто лет не виделись! Мы не знали, что ты здесь работаешь.

– Да, чуть больше года.

– Ничего себе. Как дела? Как Дима? – на лице Гелены мелькает неприкрытое ехидство.

– Все в порядке, – не моргнув глазом, отвечает Агата. – У Димы тоже все отлично, он сейчас работает за границей.

– Да что ты-ы? – Гелена вроде бы удивляется. – Как же ты его одного отпустила?

Агата игриво пожимает плечами, а затем вынужденно выслушивает рассказ Гелены о том, как они с Ирмой замечательно, сногсшибательно и весело проводили весенние каникулы в Париже... Гелена все говорит, говорит, говорит, Агата кивает и вежливо улыбается, и в какой-то момент перестает воспринимать, видит только лицо с шевелящимися губами. Время оттачивается назад... Гелена становится совсем маленькой девочкой, той самой – почему-то жестокой, почему-то ненавидящей, почему-то желающей сделать больно настолько, что каждый ее жест, действие или слово были призваны ранить Агату, втоптать ее в грязь, заставлять чувствовать себя полным ничтожеством. «Дефективная... Фууу! Позор! Даже море ни разу не видела!» – смеется Гелена, и вслед за ней смеются все остальные – ухоженные, белолицые и (почему-то помнится Агате) зубастые дети. У всех, как на подбор, были состоятельные родители, все могли позволить себе проводить каникулы за границей, в каких-нибудь экзотических странах, красивых городах (в Париже, почему нет?) а затем наперебой хвастать друг перед другом, и с особенным удовольствием рассказывать о своих путешествиях единственной однокласснице, которая никогда не видела моря. Как же вышло, что она – такая обычная, ничем не примечательная девочка попала в элитный, гимназический класс для избранных? Туда ведь не зачисляли абы кого... Ах да! Это Нелли постаралась, уговорив директора школы, конечно, руководствуясь благими побуждениями – просто ей очень хотелось, чтобы Агата училась вместе с ее Регишкой. Регине, в отличие от Агаты, было в этом гимназическом классе очень даже комфортно и привольно. Гелене тоже было комфортно и привольно, ведь ее мать – Нина Юрьевна, помимо всего прочего была классным руководителем в этом самом классе. Нина Юрьевна Назарова – это вообще отдельная глава в жизни Агаты... Высокая, деловитая, в туфлях на каблучках, которыми она вечно прицокивала, поглядывая на учеников. Агата чувствовала каждой клеткой, как Нина Юрьевна не выносит ее, не переваривает. Даже если учительница говорила с ней ласково, казалось, что каждое слово стоило ей невероятных усилий. Агата никак не могла преодолеть свое смущение перед этой элегантной дамой. Едва на Агату обращались сверлящие глаза, и надменный голос бросал вопрос, как она зажималась и пере-

ставала что-либо соображать... А этот снисходительный взгляд всякий раз, когда речь заходила о гуманитарной помощи, бесплатных обедах, неблагополучных семьях... Из всех детей Нина Юрьевна выбирала Агату и начинала сверлить глазами, и тогда Агате казалось, что весь мир оборачивается и смотрит лишь на нее – съежившуюся, сгорающую от стыда за последней партой. Как-то Гелена принесла в школу дорогую куклу невероятной красоты, которая к концу учебного дня таинственным образом исчезла. Тогда Нина Юрьевна подняла Агату при всех учениках и демонстративно обыскала. В классе воцарилась мертвая тишина, нарушенная грохотом, когда на пол из рюкзака Агаты, который Нина Юрьевна вытряхнула наизнанку, посыпались тетради и учебники.

– Аверина! Где кукла? – Нина Юрьевна сопровождала вопросы ударами каблучков. Агата в ужасе смотрела, как двигаются губы, густо окрашенные красной помадой. – Я жду! Ты задерживаешь весь класс! Я знаю, это ты взяла! Больше никому!..

«Стать бы птичкой... Улететь бы от всех вас далеко-далеко...»

– Ушли, наконец? – Регина выглядывает из примерочной, и Агата выходит из задумчивости:

– Горизонт чист, – отвечает она. – Можешь больше не прятаться.

– Купили что-нибудь?

– Да ничего им не нужно. Так, слоняются просто.

– Спасибо тебе огромное, котя, не знаю как и благодарить. Про Димку расспрашивали, мерзавки?

– Как всегда. По-прежнему интересуются чужой жизнью, больше чем собственной. Еще рассказывали про Париж...

– Вот потому я и не хочу с ними общаться. У Геленки язык метет как помело. Ты уж прости, котенок, что пришлось тебя подставить, – Регина складывает губы трубочкой.

– Да плевала я на них...

– Молодец, Аверина! Я прямо очень тебя уважаю за такую позицию. Но сама я так не могу. Чтобы на завтра полгорода было в курсе, что Регина Сафронова обслуживала Геленку? Дескать, она там по Парижам развлекается, а я тут в магазине батрачу... Какое счастье, что с понедельника меня уже здесь не будет.

– То есть? – ошарашенно спрашивает Агата. Остатки ее задумчивости, как рукой снимает.

– Я дорабатываю в Beauty&Fashion последнюю неделю, – взяв расческу, Регина начинает расчесывать длинные волосы перед зеркалом.

– Увольняешься что-ли?!

– Ну да.

– А почему ничего не сказала?

– Говорю сейчас. К тому же, все решилось буквально вчера вечером.

Агата прикусывает губу и отрешенно вздыхает:

– Что будешь делать дальше? Попробуешь поступить в институт?

– Нет. Знакомый зовет к себе офисменеджером. Так что, да здравствует работа с девяти до шести, с нормальным человеческим графиком, выходными и всеми вытекающими последствиями! – радостно выпаливает Регина.

– А как же Воропаев?

Улыбка тут же опадает с лица Регины, глаза опускаются, она равнодушно пожимает плечами и продолжает расчесываться:

– Не вижу смысла и дальше тратить на него время, – отвечает она глухим голосом. – Seriously. Я рада, что уйду. Прямо вот дышать легче стало.

– Ну, это самое главное. Надеюсь, у тебя все получится на новом месте... – Агата изо всех сил старается улыбнуться и вдруг чувствует такую резкую головную боль, что даже перестает дышать. Зажмуривается, прижимает ладони к вискам.

– Что такое, Агатка? – пугается Регина. – Опять голова?

Агата слабо кивает, ощущая, возрастающую как ураган, пульсацию.

– Присядь. Может, скорую?

– Не надо. Принеси мое лекарство, пожалуйста. Там, в сумке...

– Сейчас. Дыши глубже. Ты волосы слишком туго стягиваешь в хвостик. Попробуй распустить, может, легче станет.

Регина бежит за лекарством, мимоходом бросив взгляд в сторону Агаты – та распустила волосы.

«Ничего себе! – поражается Регина. – Волосы не отрасли ни на сантиметр, с тех пор как она постриглась. Больше года? Мистика какая-то...»

Глава 32

– Представим себе ситуацию, – произносит телеведущий. – Ваш близкий друг приходит к вам и радостно сообщает: «Я так счастлив! Сбылась моя заветная мечта! Порадуйся за меня!» Вы испытываете радость за вашего друга, увидев его глаза, переполненные безграничным счастьем? Уверены? Вы рады, что счастлив именно он, или же спрашиваете себя: «Почему счастье привалило этому гаду, а не мне?»

Аудитория смеется.

Агата бросает усталый взгляд на экран и выключает телевизор. Берет сумку, выходит на улицу...

Уже с начала июня устанавливается невыносимая жара, и по прогнозам синоптиков аномальная погода, бьющая все рекорды, ожидается на протяжении всего лета.

Асфальт трескается. Выхлопные газы и смог становятся сущим кошмаром.

Люди рвутся к любому клочку земли, на который падает тень, укрываются в парках, прячутся под тентами уличных кафе, даже плещутся в фонтанах, не снимая одежды.

Сотрудники торгового центра, в котором работает Агата, буквально засыпают от жары, а посетители мелькают перед их глазами, словно на перемотке.

Водоворот людей, товаров, запахов, ртов, поручений, закручивается спиралью вокруг Агаты, превращаясь в один унылый и бесконечный день.

«Вам подходит размер? Позвольте предложить вам модель из нашей новой коллекции...»

Агата растягивает губы в улыбку, складывает аккуратные ровные квадраты из трикотажных изделий, созданных Луизой; в роботоподобном состоянии закрывает и открывает двери примерочных кабинок, невольно прислушиваясь к тому, как беззаботно смеются и шутят покупатели...

Стрелка часов скользит по циферблату. Агата кожей ощущает ее давление. Стрелка обрушивается на нее непреодолимой стеной, ее невозможно остановить, ей нельзя воспрепятствовать. Стрелка движется по делениям через цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6 – неминуемо толкая вперед все на своем пути, толкая в беспощадное *ничто*.

«Машка права. За этим бессмысленным занятием мы тратим драгоценные секунды нашей жизни», – Агата чувствует с какой скоростью Солнце и Луна сменяют друг друга, как время летит сквозь нее. Она ощущает себя в ловушке бесплодно потраченного времени.

«Но кто в этом виноват, если не я сама? – спрашивает она себя, возвращаясь домой в переполненном вагоне метро. – Совсем недавно я ругала Регинку с Машкой, а теперь, выходит, и сама раскисла? Кто или что мешает мне уйти с этой работы и добиваться большего, стремиться, пытаться? Откуда во мне взялись эти расхлябанность, пассивность и постоянное бессилие? Да, мне сейчас несладко, но что в действительности убивает мое мужество и надежду?

Может, я просто ленюсь? Боюсь?

Конечно нет, это никакая не лень, я вовсе не ленива, знаю себя. И не трусиха.

Тут другое... Какая-то хроническая усталость и абсолютное отсутствие мотивации. Я даже смотрю на все из под полуопущенных век – не хватает сил для того, чтобы посмотреть на мир широко открытыми глазами. Из меня словно выкачены все силы. День за днем кто-то тербит меня, что-то требует от меня, бессовестно крадет всю мою энергию, мое время, мою молодость, мою жизнь! Кто это делает? Что происходит между людьми? Какие странные механизмы заставляют одних людей упорно идти к своим целям, а других сдаваться еще до того, как началась основная борьба? Одних быть активными, а других пассивными? Одних быть хищниками, а других жертвами? Ну нет, милочка... Что-то ты загнула. Тоже мне, жертва. Хватит искать оправдания своим слабостям. Если что-то не устраивает – значит виновата в этом я сама. Я САМА, а вовсе не мои родители или учителя с начальниками или Вероника Арка-

дьева Лазарева... Никто посторонний не виноват в моем недовольстве жизнью и все же, я словно в коме, в каком-то эмоциональном сне. И просыпаюсь только в те моменты, я знаю, когда со мной Димка – если он прикасается ко мне, если звонит, пишет... Просто от одной мысли, что он где-то есть и дышит, я чувствую себя очнувшейся от спячки, полной сил, живой и способной на великое! Но порой мне кажется, что все мое счастье, то счастье на которое именно я, и только я имею право, безжалостно украдено из моих рук...»

– Карма! Это называется «испорченная карма», – уверяет Регина вечером за чаем, когда приходит рассказать об успехах на новой работе. – Наш семейный консультант всегда так говорит.

– Консультант?

– Ну, я же тебе рассказывала, Аверина. Она – родовой целитель, экстрасенс. Хочешь, сходим к ней вместе? Сто процентов, она найдет у тебя порчу. Но главное, она умеет ее снимать.

– Должна признаться, еще немного и я поверю во что угодно, – устало отвечает Агата. – Уже почти год, с самого отъезда Димы, я ни дня не чувствовала себя здоровой – хожу сонная, вялая, а ведь привыкла всегда быть бодрой.

– Да уж, если честно, выглядишь хреново.

– Что со мной, а? Моя жизнь будто разваливается!

– Смотри, – Регина отодвигает чашку с чаем и начинает загибать пальцы. – Твоя полоса неудач началась с похода в парикмахерскую, помнишь? Остригла волосы, ослабила свою энергетику и пошло-поехало: странная болезнь – раз, облом с институтом – два, уезжает Димка – три. Да очнись же! Все сходится! Не удивлюсь, если за всем этим стоит Лазарева. А что? Она тебя ненавидит. Вполне вероятно, что Лазарева обратилась к колдунье, чтобы навести на тебя порчу.

– Прямо ужасик, – Агата ухмыляется, не в состоянии поверить в подобное объяснение.

– Никаких ужасиков. Это – реальность, Аверина, неужели до сих пор не поняла? Ты завтра работаешь?

– С двух часов.

– Отлично. Значит утром и поедем к экстрасенсу.

«Может, Регинка права? Чего я упрямлюсь? Может, и впрямь стоит хоть раз попробовать?»

Глава 33

Экстрасенс, целитель, ясновидящая, маг, ворожея, колдунья, гадалка, эзотерик, медиум, гуру...

Мысленно перебирая слова, Агата никак не может выбрать подходящее для того, чтобы правильно обозначить род деятельности женщины, к которой они с Региной направляются.

Напустив на себя таинственный вид, Регина всю дорогу рассказывает о заслугах этой женщины и усердно приводит примеры, сотворенных ею чудес:

– Папе она уже много лет помогает в бизнесе.

– Каким образом?

– Работает с его аурой.

– А для чего это нужно?

– Для всего. Чтобы отражать негативные помыслы, отваживать недоброжелателей... Это работает, Аверина, – серьезно добавляет Регина, заметив иронию на лице подруги. – Бизнес процветает, ни один конкурент не может посоперничать с отцом – с этим ты не можешь не согласиться.

– Хорошо-хорошо, как скажешь. Процветает, так процветает.

– Помнишь моего деда Андрея?

Агата супит брови:

– Смутно.

– Он даже передвигаться не мог самостоятельно, а после проведенного Сонорой ритуала, стал бегать как мальчик. На мамин юбилей всем на зависть отплясывал!

– Экстрасенса зовут Сонора?

– Я ведь говорила тебе.

– Как-то вылетело из головы. Странное имя.

– Имя как имя.

Регина в подробностях рассказывает о том, как Сонора помогла ее бабушке избавиться от мочекаменной болезни, двоюродной сестре помогла удачно выйти замуж, вылечила тетю из Ярославля – так или иначе, всем родственникам Сафроновых Сонора помогла вернуть вкус к жизни.

– Остановите здесь, – просит Регина водителя.

– Мы приехали? – удивляется Агата. – Я думала ты везешь меня в какую-нибудь глушь.

– Ну да, в избушку на курьих ножках, – Регина роется в сумке и протягивает таксисту пару банкнот. – Возьмите, сдачу оставьте. Я, между прочим, привезла тебя к великому человеку, – Регина выбирается из машины. – К Соноре запись на полгода вперед, к ней даже политики ходят. Скажи «спасибо», что она сделала для меня исключение по старой дружбе.

Девушки поднимаются по ступеням массивного крыльца одного из высотных зданий Кожевнического проезда. Агата даже присвистывает:

– Цена за аренду квадратного метра в этом районе зашкаливает. Надеюсь, это не какой-нибудь центр саентологии?

– За кого ты меня принимаешь, Аверина? Еще спроси, не гадают ли здесь на кофейной гуще?

– А что, разве не гадают??? – дурачится Агата, но, увидев не на шутку психанувшую Регину, складывает ладони вместе в знак извинения.

– Ну, все, все. Сорри. Просто чем бы не занималась твоя Сонора, ее бизнес, должно быть, приносит отличный доход, – про себя Агата успевает подумать: «Сколько же из дурех, подобных нам с тобой, эта Сонора выкачивает деньжищ, раз может себе позволить подобную роскошь?»

Регина и Агата пересекают огромный холл.

– Сонора здесь и живет, и работает, – говорит Регина, нажимая кнопку и вызывая лифт. – Ее квартира находится на том же этаже где офис.

– Да неужели?

– Давай посерьезнее, Аверина.

– А что?

– Одного взгляда на тебя достаточно, чтобы понять, что ты настроена скептически.

– Но я ведь приехала.

– Вот именно. Раз уж приехала, веди себя прилично и сотри ухмылку с лица.

Лифт останавливается на седьмом этаже. На парадной двери сверкает золотистая табличка «Сотвори себя сам». Агата качает головой: «Обдираловка... Шарлатанство... Чушь собачья... Что я здесь делаю?»

В открытой двери возникает девушка в роговых очках, и одаряет Агату с Региной лучезарной улыбкой:

– Доброе утро!

– Здрасти. Мы на одиннадцать, – отвечает Регина.

Девушка любезно приглашает войти:

– Располагайтесь. Сонора скоро вас примет, – она возвращается на ресепшн, углубляется в работу за компьютером, но ее изумительная улыбка так и замирает в воздухе.

– Как я выгляжу? – Регина подталкивает Агату локтем. – Не лохматая?

– Как всегда неотразима, – отвечает Агата, наблюдая за работой девушки.

– Ее зовут Вира. Она – администратор.

– С такой внешностью ей бы не в офисе чахнуть, а в конкурсах красоты участвовать, – не может не заметить Агата.

– Ничего в ней особенного нет, – хмыкает Регина, переводит телефон в режим вибровозвонка и просит Агату сделать то же самое. – Это мне нужно участвовать в конкурсах красоты... Слушай, может, мне и вправду принять участие в конкурсе?!

– Интересно, сколько ей лет? – Агата спрашивает уже скорее себя, а не Регину, которая погрузилась в размышления о карьере Мисс Вселенная.

Помимо идеального профиля, мраморной кожи и черных как смоль волос, аккуратно собранных в конский хвост, у Виры прекрасная осанка, а талия, подчеркнутая блузкой с легким вырезом и юбкой карандашом, кажется просто осиной. На вид длинноволосой красавице можно дать не более двадцати, но есть в ней нечто особенное, нечто серьезно-строгое, не соответствующее внешнему свежему облику, что не оставляет возможности определить ее истинного возраста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.